

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Е. И. Свежинцев

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП
К ИНФОРМАЦИИ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Монография

Под редакцией доктора юридических наук, профессора
Е. А. Зайцевой

Волгоград
ВА МВД России
2020

УДК 343.13
ББК 67.410.21
С 24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Свежинцев, Е. И.

С 24 Реализация права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам : монография / Е. И. Свежинцев ; под редакцией Е. А. Зайцевой. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 200 с.

ISBN 978-5-7899-1215-7

В монографии анализируются нормы международного и отечественного права, регулирующие доступ к информации властным субъектам, осуществляющим процессуальную проверку и предварительное расследование, и лицам, чьи интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, а также правоприменительная практика. Рассматриваются актуальные вопросы отсутствия должной нормативной основы обеспечения права на доступ к информации лицам, чьи интересы затронуты в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, и формулируются предложения по оптимизации реализации указанного права для участников уголовного судопроизводства.

Издание ориентировано на курсантов, слушателей, адъюнктов, педагогических работников образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.13
ББК 67.410.21

Рецензенты : заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе) доктор юридических наук, профессор *О. П. Грибунов*; начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор *О. В. Химичева*.

ISBN 978-5-7899-1215-7

© Свежинцев Е. И., 2020
© Волгоградская академия МВД России, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Реализация конституционного права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве: теоретические и нормативные основы	9
§ 1. Международное, конституционное и отраслевое регулирование права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние	9
§ 2. Конституционное право на доступ к информации и влияние на его реализацию тайны предварительного расследования и принципа гласности	29
§ 3. Основания и формы ограничения права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве России	51
Глава 2. Практические аспекты реализации доступа к информации на стадии возбуждения уголовного дела	76
§ 1. Использование субъектами процессуальной проверки права на доступ к информации	76
§ 2. Специфика обеспечения права на доступ к информации лицам, чьи интересы затрагиваются при проведении проверки сообщения о преступлении	97
Глава 3. Право на доступ к информации на стадии предварительного расследования	127
§ 1. Особенности реализации права на доступ к информации должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование	127

§ 2. Доступ к информации участникам, имеющим в уголовном деле самостоятельный правовой интерес, и их представителям при производстве предварительного следствия и дознания	151
Заключение	169
Приложения	179

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе реформирования уголовно-процессуального законодательства происходит дальнейший поиск путей оптимизации нормативного регулирования прав участников судопроизводства. В полной мере это относится к праву на доступ к информации лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения. Регламентация указанного права изначально во многом обусловлена влиянием конституционных норм, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, что, несомненно, свидетельствует о его значимости для современного уголовного судопроизводства в плане расширения транспарентности и, конечно, оперирования различной информацией для установления обстоятельств уголовного дела.

Уголовное судопроизводство как специфическая сфера государственной деятельности характеризуется направленностью на получение, фиксацию и использование сведений об обстоятельствах преступного деяния, которые аккумулируются в материалах уголовного дела, при обязательном соблюдении тайны предварительного расследования. Развитие регулирования информационных отношений в системе отечественного законодательства оказало существенное влияние на уголовно-процессуальную отрасль права и регламентируемую его нормами деятельность.

Право на доступ к информации, как и любой вид субъективного права в уголовном судопроизводстве, связано с проблемой соотношения публичного и частного интересов лиц – носителей этого права, поскольку с неизбежностью возникает вопрос о пределах его реализации в силу отмеченной специфики уголовно-процессуальной деятельности. Между тем в настоящее время не существует четкой концепции совершенствования нормативного регулирования реализации права на доступ к информации властным субъектам и вовлекаемым в уголовный процесс частным лицам, которая бы была ориентирована на достижение разумного баланса частного и публичного интересов при реализации указанного права в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Исходя из вышеизложенного, важным представляется комплексный анализ нормативно-правовой базы как актуальной в настоящее время, так и ранее действовавшей, изучение отечественного и зару-

бежного опыта в целях выяснения оптимальных путей реформирования уголовно-процессуального законодательства посредством создания эффективной модели правового регулирования доступа к информации как властным субъектам, осуществляющим процессуальную проверку сообщения о преступлении и предварительное расследование, так и лицам, чьи интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства.

Существующая система уголовно-процессуальных норм фрагментарно обозначает правовое положение лиц, чьи интересы затрагиваются на стадии возбуждения уголовного дела, и, в частности, их информационные права, что обусловлено низким уровнем законодательной техники при формулировании новелл федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.¹ Это актуализирует проблему четкой градации участников процессуальной проверки на стадии возбуждения уголовного дела, анализа их процессуального статуса для правильного распределения объема информационных прав. На стадии предварительного расследования в связи с имеющимися проблемами во взаимодействии участников уголовного процесса с лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, при получении доступа к материалам уголовного дела видится необходимость совершенствования процессуальных средств получения информации о расследовании, имеющей значение для защиты прав и законных интересов данных участников.

Вопросы определения пределов доступа к информации для правоприменителей в целях достижения назначения уголовного судопроизводства имеют существенное значение и при проверке сообщения о преступлении, и при производстве по уголовным делам, что требует переосмысления категории «право на доступ к информации» и рассмотрения ее в широком аспекте, в том числе применительно к властным субъектам, действующим в уголовном судопроизводстве *ex officio*.

Мы отдаем себе отчет в том, что традиционно права, изложенные в главе 2 Конституции РФ, позиционируются в науке как естественные права граждан, которые определяют конституционно пра-

¹ См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

вой-статус личности в обществе и государстве. То обстоятельство, что конституционный законодатель не указал представителей органов предварительного расследования в качестве обладателей данных прав, не является основанием для отрицания таковых у следователя и дознавателя. Данные субъекты, действуя в официальном качестве, реализуя свои властные полномочия, не утрачивают своего конституционно-правового статуса, оставаясь гражданами России. Более того, даже если в значительной части следственных ситуаций ими движет публичный интерес в реализации назначения уголовного судопроизводства, что входит в их должностные обязанности, мы не можем отрицать очевидного: эти субъекты, осуществляя свои полномочия в рамках уголовного судопроизводства, стремятся качественно выполнить свою работу – от этого зависит не только их движение по службе. Непроявление должной активности в получении доступа к информации в ряде случаев может не только расцениваться как дисциплинарный проступок, но и может быть квалифицировано как халатность. С этих позиций доступ к информации важен для правоприменителя не просто как для «исполнителя», блюдущего публичный интерес, а как для личности, гражданина, который стремится обеспечить себе безопасное существование в непростой профессии «следователь» или «дознаватель».

Весьма актуальным для правоприменительной практики в данном аспекте является разрешение проблем реализации права на доступ к информации следователем, дознавателем и органом дознания на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в целях разработки комплекса предложений по упрощению процедуры получения информации вышеуказанными должностными лицами. Урегулирование данной проблемы направлено на повышение надежности доказывания в досудебном производстве, создание условий для принятия обоснованных и законных решений должностными лицами органов предварительного расследования в разумные сроки.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о развитии определенных тенденций усложнения процедуры получения доступа к информации для властных субъектов, что не может не сказываться на качестве и сроках проведения процессуальной проверки и предварительного расследования, надежности обоснования их правоприменительных решений.

Таким образом, в настоящее время возникает объективная необходимость в оптимизации норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся реализации права на доступ к информации участникам уголовного судопроизводства на досудебных стадиях уголовного процесса, что свидетельствует о практической важности и теоретической актуальности проблематики настоящей монографии.

В настоящей монографии представлен один из вариантов концепции реализации права на доступ к информации в сфере уголовно-процессуальных отношений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, не претендующий на абсолютную истинность, и, в определенной мере, представляющий собой «призыв» для всех заинтересованных авторов к дальнейшим научным изысканиям и дискуссиям.

ГЛАВА 1

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ

§ 1. Международное, конституционное и отраслевое регулирование права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние

Важнейшей функцией современного демократического государства является соблюдение и охрана прав и свобод человека и гражданина. В условиях информатизации общества в большинстве цивилизованных государств немалое внимание уделяется вопросам регулирования прав граждан, связанным с использованием информации в различных областях общественной жизни.

Уяснение общих аспектов регулирования права на информацию¹ играет важную роль в выявлении позитивного международного опыта в данной сфере, который можно использовать при решении частных и специальных проблем регулирования права на доступ к информации в российском уголовном судопроизводстве.

Одно из первых нормативных определений понятия права на информацию содержится в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»². Анализ данного установления приводит к выводу, что в этой норме понятие права на информацию

¹ Следует подчеркнуть, что в этом контексте принято говорить именно «о праве на информацию» как о категории более масштабной, чем, собственно, «право на доступ к информации», которое выступает компонентом этого комплексного права.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.

сформулировано не как отдельное право, а как компонент субъективного права на свободу убеждений и их свободное выражение. Исходя из положений Всеобщей декларации, можно заключить, что они содержат ключевые информационные правомочия граждан в составе субъективного права на свободу мысли и слова (в международно-правовой лексике – «свобода придерживаться своих мнений и выражать их»).

В российском законодательстве сходные положения закреплены, прежде всего, в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, где указано, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»¹. Формулировка данной статьи в российском варианте дополнена правомочиями «передать» и «производить» информацию. На наш взгляд, данный факт отражает бурное развитие информационных технологий, повышающих возможности человека на формирование и распространение информации в обществе.

С 1990 г. в научной литературе стало употребляться понятие «право на информацию», при этом содержание его заметно изменилось. В природе этих изменений можно выделить два этапа.

Первый этап проходил в период с 1990 по 2003 г. и связан с формированием понятия права на информацию и его обоснованием. Как отмечалось выше, идейной основой этому послужили нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека и ряде других международных документов о правах человека. Как отмечают некоторые авторы², возникновение самого понятия права на информацию как отдельного права появилось в 1945 г., когда на конференции в Мехико представителями из США была продемонстрирована новая точка зрения на «свободу информации». При этом уже в 1946 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН приняли резолюцию 59 (I) под названием «Созыв международной конференции

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² См.: Швердяев С. Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10. С. 91–100; Босумбаева Ч. Д. Развитие информационных прав человека в международном праве // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2015. № 4. С. 186–190.

по вопросу о свободе информации», где открытость информации позиционировалась как основополагающее право человека, которое заключалось в возможности свободно собирать, передавать и опубликовывать информацию¹.

Накопленный в этих актах опыт нормативного обобщения информационных правомочий оказался полезным для разработки понятия права на информацию в 90-е гг. Так, доклад специального докладчика А. Хуссейна, посвященный поощрению и защите права на свободу убеждений и их свободное выражение, представленный в 1993 г. ООН, оказал влияние на становление концепции права на информацию, в которой важное внимание уделялось «свободе искать информацию».

Международные правовые акты содержат положения, раскрывающие современное понимание «свободы искать информацию»:

– названная свобода «влечет за собой право искать информацию в той мере, в какой эта информация является общедоступной»²;

– «право искать и иметь доступ к информации является одним из важнейших элементов свободы слова и выражения мнений. Свобода будет лишена всякой эффективности, если лишить людей доступа к информации»³. В данном случае приверженцы этой концепции подчеркивают значимость права на информацию как основы демократического образа жизни, а права на доступ к информации – как значимого компонента собственно «права на информацию».

Т. Мендел применительно к праву на информацию пытался подчеркнуть важность обеспечения баланса государственного и обще-

¹ См.: Резолюция 59 (I) «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации» (принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1946 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

² Пункт 34 Резолюции Комиссии по правам человека. Поощрение и защита права на свободу убеждений и их свободное выражение. Доклад Специального докладчика г-на Абида Хуссейна, подготовленный в соответствии с Резолюцией 1993/45 Комиссии по правам человека. 19 декабря 1994 г. E/CN.4/1995/32. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/7821679.71134186.html> (дата обращения: 31.12.2019).

³ Пункт 38 Резолюции Комиссии по правам человека. Гражданские и политические права, включая вопрос свободы выражения мнений. Право на свободу мнений и их свободное выражение. Доклад Специального докладчика г-на Амбеи Лигабо, представленный в соответствии с Резолюцией 2003/42 Комиссии. 12 декабря 2003 г. E/CN.4/2004/62. URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?m=85 (дата обращения: 31.12.2019).

ственного интереса в демократическом государстве: «Государственные органы хранят информацию не для себя, а ради общественного блага... По существу, эта информация должна быть доступной для общественности на том условии, что хранение ее в секрете не является для общества более приоритетным. В этом отношении законы о получении доступа к информации отражают основную идею государственности, где государство служит народу»¹.

И хотя Т. Мендел прав в том, что по минимизации потребности сохранения информации в режиме тайны она должна становиться общедоступной, мы считаем, что наиболее удачным будет разграничивать пределы доступа к информации о деятельности государственных органов в зависимости от того, затрагиваются ли непосредственно права гражданина при такой деятельности или нет, относится ли эта информация к сведениям ограниченного доступа или нет. Иначе говоря, необходимо выстраивать баланс частного и публичного интересов.

В предисловии к книге вышеуказанного автора Т. Мендела А. В. Хан выражает совершенно противоположный взгляд на отношения гражданина и государства в информационной сфере: «Властные органы государства имеют большой объем информации, ...хранение ее в тайне является серьезным нарушением права на свободу выражения мнений, гарантированного международным правом и большинством конституций»².

Такой подход отражает крайние взгляды, он не учитывает, что если некоторые виды «информации не хранить в секрете», это может нанести ущерб интересам государства, отдельных организаций и личностей. Сказанное диктует необходимость установления рамок доступа к информации.

Обратимся теперь к отмеченной нами целесообразности разграничить два случая доступа к информации о деятельности государственных органов (в зависимости от того, затрагивает ли непосредственно указанная деятельность права и интересы личности либо нет).

¹ Мендел Т. Свобода информации: сравнительно-правовое исследование. 2-е изд., доп. Париж: ЮНЕСКО, 2008. С. 8.

² Хан А. В. Предисловие к книге: Мендел Т. Свобода информации: сравнительно-правовое исследование. 2-е изд., доп. Париж: ЮНЕСКО, 2008. С. 1.

В первом случае право на доступ к информации необходимо расширять до тех границ, когда излишние сведения могут навредить как публичным, так и частным интересам. Данное мнение находит свое подтверждение в п. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 12)¹, где говорится об ограничениях, которые направлены на защиту, уважение прав и репутации других лиц, охрану государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Во втором случае сами государственные органы должны предоставлять информацию дозированно, т. е. с учетом того, что она непосредственно не затрагивает права конкретных лиц. При этом полагаем, что более полное предоставление информации будет возможно в случае, если гражданин будет запрашивать ее сам, определяя объем и направленность информации.

В целом для приведенного (второго) случая право на доступ к информации предполагает цели как ознакомительного характера с тем, чтобы граждане осведомленно принимали участие в «управлении делами государства» (ст. 32 Конституции РФ), так и воспитательного характера в плане предоставления обществу информации о деятельности правоохранительных органов, что одновременно служит профилактике правонарушений и преступлений в стране и формированию должного правосознания законопослушных граждан.

Что касается становления концепции права на информацию, то, безусловно, на ее содержание во многом оказала влияние закрепленная в международных правовых актах «формула» указанного права, в которую Т. Мендел считает необходимым включать «не только право передавать, но и право получать информацию и идеи»². Необходимо подчеркнуть, что с развитием информационных технологий, формулированием теоретических положений об информационном обмене в рамках юридических наук изменялось понимание самого права на информацию: от восприятия его как производного права – до придания ему статуса самостоятельного

¹ См.: Резолюция Комиссии по правам человека. Гражданские и политические права, включая вопрос свободы выражения мнений. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное их выражение г-на Абида Хуссейна. 29 января 1999 г. E/CN.4/1999/64. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/980569.422245026.html> (дата обращения: 31.12.2019).

² Мендел Т. Указ. соч. С. 8.

права. Так, Комиссия по правам человека в 2000 г. констатировала, что «это право существует само по себе. Как таковое оно является одним из прав, на которых зиждутся свободные и демократические общества»¹. Таким образом, к 2003 г. (этот период связан с представлением Амбеи Лигабо доклада Комиссии по правам человека ООН и принятием по нему вышеупомянутой Резолюции E/CN.4/2004/62) было сформулировано содержание понятия права на информацию.

Современный этап в развитии концепции права на информацию, начинающийся с 2003 г., ученые характеризуют как этап, связанный с «проблемами реализации, а также толкования и уточнения некоторых концептуальных положений права на информацию»². В этом процессе важная роль принадлежит различным международным организациям, которые оказывают существенное влияние на дальнейшее развитие представлений о праве на информацию: с 1994 г. ежегодно публикуются доклады и декларации, касающиеся состояния проблематики реализации права на информацию.

Необходимо подчеркнуть многоаспектный состав права на информацию, которое включает в себя право и распространять, и искать, и получать информацию. При этом, по обоснованному мнению И. Н. Забары, на современном этапе развития концепции права на информацию «в доктрине и практике внимание стало преимущественно акцентироваться на „второй составляющей“ – вопросе гарантированного доступа к информации (или «*праве на доступ к информации*»)»³, что влияет на состояние информационного обмена в наше время.

На данном этапе ряд ученых⁴ начинает уделять внимание такому понятию, как транспарентность деятельности государственных органов. Они придерживаются мнения, что транспарентность – это

¹ Пункт 42 Резолюции Комиссии по правам человека. Гражданские и политические права, включая вопрос свободы выражения мнений. Доклад Специального докладчика г-на Абида Хуссейна, представляемый в соответствии с Резолюцией 1999/36 Комиссии. 18 января 2000 г. E/CN.4/2000/63. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/4718434.21459198.html> (дата обращения: 31.12.2019).

² Забара И. Н. Право на информацию: современный концептуальный подход в науке международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2013. № 4. С. 295.

³ Там же. С. 295.

⁴ См.: Политическая наука: словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. М., 2010. С. 544; Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 12; Бойков А. Д. К вопросу о гласности правосудия // Мировой судья. 2010. № 2. С. 10.

принцип, на основании которого органы государственной власти функционируют открыто для граждан, при этом граждане получают об этом процессе регулярную и полную информацию и вправе беспрепятственно использовать и оценивать ее¹. Дальнейшее развитие и совершенствование данного принципа, по нашему мнению, имеет колоссальное значение для укрепления основ демократического государства, так как транспарентность предусматривает «прозрачность» деятельности управленческой системы, гарантированность права доступа к общественно значимой информации, а также обязанность органов государственной власти по предоставлению гражданам информации о своей деятельности².

В это же время одним из направлений современных исследований права на информацию являлось определение содержания и объема информации, к которой должен быть обеспечен гарантированный доступ гражданам. Речь идет о доступе к информации, которой располагают государственные органы, по вопросам экологии, устойчивого развития (п. 61), серьезных заболеваний, терроризма (пп. 81–83)³, и, конечно же, обеспечения прав человека.

Таким образом, проанализировав некоторые международные акты по вопросам становления и развития концепции права на информацию, отражение этой проблематики в теории международного права, можно констатировать, что ученые⁴ в формировании концепции выделяют два периода, охватывающие последние три десятка лет:

а) первый период (1990–2003 гг.), олицетворяет формирование исходных положений концепции права на информацию;

б) второй период, протекающий с 2003 г. и по настоящее время, связан с проблемами реализации права на информацию, трактовкой и уточнением некоторых концептуальных тезисов права на информацию.

¹ См.: Магомедова К. К. Некоторые аспекты содержания конституционного принципа транспарентности судебной власти // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 55.

² Там же.

³ См.: Резолюция Комиссии по правам человека. Гражданские и политические права, включая вопрос свободы выражения мнений. Право на свободу мнений и их свободное выражение. Доклад Специального докладчика г-на Амбеи Лигабо, представленный в соответствии с Резолюцией 2003/42 Комиссии. 12 декабря 2003 г. E/CN.4/2004/62. URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx? m=85 (дата обращения: 31.12.2019).

⁴ См., например: Забара И. Н. Указ. соч.

В целом влияние представлений о свободе информации как олицетворении информационных правомочий граждан сказалось на развитии принципа международного информационного обмена, принципа свободного потока информации.

Теперь остановимся на вопросах развития права на информацию в России в целом и в сфере уголовного судопроизводства в рамках его реализации субъектами уголовно-процессуальных отношений, после чего проведем его сравнение с международным регулированием и выделим наиболее удачные положения международных правовых актов, которые возможно использовать для совершенствования отечественного законодательства.

Право на информацию является одним из значимых конституционных прав и свобод человека и гражданина, которое признается и обеспечивается в Российской Федерации. Эта позиция государства в данном случае отражает положения международных принципов и стандартов в области прав и свобод человека и гражданина. Эти принципы и стандарты воплотились в важнейших международных соглашениях о защите прав и свобод человека, они нашли свое отражение в Конституции РФ в виде гарантий реализации данного права (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 46). Указанные статьи содержат нормативное отражение составных частей **права на информацию**, так сказать, его конституционно-правовые установления. Однако можно отметить еще большее количество отраслевых норм и подзаконных актов, закрепляющих элементы этого права: «Соответствующие нормы, даже без учета информационных прав СМИ, имеются как минимум в 38 законах, одном указе Президента, 18 постановлениях и 1 распоряжении Правительства, 30 актах ведомственного уровня, регулирующих вопросы здравоохранения, экологии, транспорта, связи, прав потребителей, деятельности органов внутренних дел, охраны труда, взаимоотношений с таможенными налоговыми органами и других сфер жизни»¹.

В настоящее время перед Россией стоят проблемы по созданию оптимальной системы регулирования права на информацию и выработке действенных механизмов его реализации в связи бурным процессом информатизации всех сфер нашего общества. Вместе

¹ Хургин В. М. Право на доступ к информации, или Как (и чем) сражаться с бюрократом // Информационное общество. 2001. № 4. С. 35–43.

с тем право на информацию не может быть абсолютным. Данное право не является безусловным и должно иметь определенные границы, чтобы не причинить вреда интересам государства, личности, общества. Например, такие ограничения затрагивают информацию (сведения), содержащую государственную или иную охраняемую законом тайну.

Указанная информация (сведения) перечислена в Федеральном законе от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне»¹. Данные ограничения распространяются и на право свободно искать и получать информацию, а также право знакомиться с информацией об органах государственной власти и их должностных лицах, со сведениями, документами и материалами, непосредственно касающимися прав и свобод гражданина. Причем данные правила закона распространяются абсолютно на все государственные органы.

Надо упомянуть, что в России в последнее время происходит бурное развитие нормативного регулирования права на информацию: данный факт подтверждается тем, что на данный момент в указанной области принято около 500 нормативно-правовых актов. К наиболее важным нормативно-правовым актам можно отнести: Гражданский кодекс РФ² (раздел 7), Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»⁴, постановление Правительства РФ от 24 ноября 2009 г. № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»⁵ и др.

¹ См.: О государственной тайне: федер. закон от 21.07.1993 № 5458-1 (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496; СЗ РФ. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3844.

³ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; СЗ РФ. 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3844. Далее – ФЗ № 149 «Об информации».

⁴ См.: О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации: федер. закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170; СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1094.

⁵ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти (вместе

При анализе отраслевого регулирования права на информацию в России стоит учитывать, что в процессуальных законах, регламентирующих порядок судопроизводства, право на информацию находит закрепление в виде компонента принципа, который в настоящее время претерпевает некоторую трансформацию и уточнение: его часто именуют и принципом открытости (принципом гласности), и принципом транспарентности. При этом в структуре принципа гласности (открытости) право на информацию приобретает более узкое значение – как право на доступ к информации о деятельности суда в ходе осуществления правосудия, что находит отражение в тексте ч. 1 ст. 123 Конституции РФ.

Прежде чем рассматривать уголовно-процессуальную регламентацию права на доступ к информации в современной интерпретации, целесообразно обратиться к историческим аспектам его развития – прежде всего к законоположениям Великой Судебной Реформы. Это обращение к истории важно в том смысле, что реформа 1864 г. представляет собой наиболее удачный пример использования лучшего на то время международного опыта организации уголовного судопроизводства, в том числе – в части установления демократических правил отправления правосудия, каковым является гласность (или, как ее иногда именуют составители судебных уставов, публичность).

Так, в «Основных положениях преобразования судебной части в России» в разделе IX части первой предписывалось осуществлять правосудие «публично, в присутствии тяжущихся, обвиняемых, свидетелей и посторонних лиц» (ст. 58)¹, а в части второй «Уголовное судопроизводство» в разделе 1 «Общие положения» в ст. 7 закреплялось правило гласного судебного разбирательства (правда, с использованием в тексте традиционного для того времени термина): «Заседания суда проходят *публично*, за исключением случаев, именно указанных в законе»².

с «Требованиями к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальным сайтом Правительства Российской Федерации в сети Интернет»): постановление Правительства РФ от 24.11.2009 № 953 (ред. от 20.04.2017) // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5832; СЗ РФ. 2017. № 18. Ст. 2785.

¹ См.: Основные положения преобразования судебной части в России, утвержденные 29 сентября 1862. С. 11. URL: <http://www.knigafund.ru/books/121164/read> (дата обращения: 31.12.2019).

² Там же. С. 17.

По мнению Е. А. Зайцевой, «Основные положения преобразования судебной части в России», «по сути, сыграли роль «рамочного» или «скелетного» законодательного акта, на основе которого разрабатывались нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Именно поэтому в тексте УУС принцип гласности (открытости) закрепляется исключительно через категорию «публично» (ст. 88, 89, 127, 156, 620–624, 884, 900, 918, 926), а действие его распространяется на судопроизводство в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций (у мировых судей, на мировых съездах, в окружном суде, судебной палате, кассационном департаменте Сената)»¹.

Устав уголовного судопроизводства (УУС)² предусматривал четкий перечень исключений из общего публичного (гласного) порядка рассмотрения уголовных дел. «Исключения эти касаются только таких дел, содержание которых оскорбляет самые святые чувствования, служащие основанием нравственности», – писал об этих изъятиях Н. А. Неклюдов³.

Согласно ст. 89 УУС у мировых судей в закрытом судебном заседании рассматривались уголовные дела «о проступках против прав семейственных; об оскорблении женской чести, непотребстве и других бесстыдных или соединенных с соблазном действиях; о проступках, преследуемых не иначе как по жалобам частных лиц, когда обе стороны просят о негласном разбирательстве дела». При этом в делах частного обвинения исключение из публичного порядка слушания допускались только при наличии обоюдного требования об этом сторон (п. 3 ст. 89 УУС). Статья 620 УУС предписывала окружным судам рассматривать при закрытых дверях дела «о богохулении, оскорблении святости и порицании веры; о преступлениях против прав семейственных; о преступлениях против чести и целомудрия женщин; о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве».

¹ Зайцева Е. А. Гласность судебных процессов: от Устава уголовного судопроизводства – к современной регламентации // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 316.

² См.: Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 31.12.2019).

³ Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. СПб., 1867. Т. 1. С. 138.

Как видим, «в уголовном процессе России того времени демократический принцип гласности («публичности») судебного заседания» был реальностью, «а закрытые судебные заседания имели место лишь «как мера чрезвычайная»¹.

После революции 1917 г. в России начало формироваться новое законодательство о судебной системе. Так, в Декрете о суде от 22 ноября 1917 г. № 1² Совет народных комиссаров установил порядок полноценного участия в роли обвинителей и защитников всех «неопороченных» граждан, имеющих гражданские права, что подтверждает открытость заседаний, в которых суд, проводя сначала предварительное расследование, отправлял правосудие при непосредственном участии присутствующих лиц. В 1918 г. был принят Декрет о суде № 2³, который дополнил указанный порядок и установил проведение предварительного следствия следственными комиссиями из трех человек по ряду уголовных дел, и при этом указанные комиссии могли своим постановлением ограничивать участие защиты в данном производстве, если того требовали интересы раскрытия истины. Из этого можно заключить, что началось установление тайных розыскных начал на предварительном расследовании с сохранением правила «открытости» в судебном производстве.

Декрет о суде № 3⁴, принятый 13 июля 1918 г., не устранил существующую правовую неопределенность в данном вопросе. В принципе проведение открытого слушания дела запрещено не было, но в то же время этот вопрос до конца не был урегулирован. Именно Конституция СССР 1936 г. в ст. 111 закрепила данный важный принцип: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку

¹ Добровлянина О. В. Правовое регулирование гласности судебного разбирательства в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23249422> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: Декрет о суде № 1: принят СНК 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019). Утратил силу.

³ См.: Декрет о суде № 2: принят ВЦИК 3 февраля 1918 г. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-19-dekret-o-sude-1918.shtml> (дата обращения: 31.12.2019). Утратил силу.

⁴ См.: Декрет о суде № 3: принят СНК 13 июля 1918 г. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-19-dekret-o-sude-1918.shtml> (дата обращения: 31.12.2019). Утратил силу.

законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту»¹.

Конституция РСФСР 1937 г.² в ст. 115 декларировала только открытый режим слушания в судах. Однако это положение не гармонировало с отраслевым законодательством, в частности, со ст. 19 УПК РСФСР 1923 г.³ По сути, законодателем в тот период «дозировался» доступ к информации о разбирательстве дел в судах.

Далее, анализируя отечественное уголовно-процессуальное законодательство в контексте регулирования гласности, следует выделить Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые в ст. 12 уточнили и конкретизировали изъятия из публичного порядка слушания уголовного дела, воспринятые позже и УПК РСФСР 1960 г. в ст. 18⁴: «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны. Закрытое судебное разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц. Слушание дел в закрытом заседании суда осуществляется с соблюдением всех правил судопроизводства. Приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично»⁵.

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936). URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/09-11-konstitution-1936.shtml> (дата обращения: 31.12.2019). Утратил силу.

² См.: Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019). Утратил силу.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106. Утратил силу.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. с внесенными в него изменениями и дополнениями // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. Утратил силу.

⁵ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Съезда Верховного Совета РСФСР. 1959. № 1. Ст. 15. Утратил силу.

Стоит отметить, что на стадии предварительного расследования реализация информационных прав таких его участников, как потерпевший и обвиняемый, зависела от воли следователя, так как именно последний на основании ст. 117 УПК РСФСР мог отказать указанным участникам в осуществлении права присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях, а также права задавать вопросы свидетелям и экспертам. Такое усмотрение следователь проявлял, если признавал, что присутствие и участие потерпевшего и обвиняемого при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины или сохранению в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия.

Кроме того, на основании ст. 18 УПК РСФСР именно следователь устанавливал объем данных, добытых на предварительном следствии, которые подлежат публичному оглашению (их опубликование без разрешения следователя преследовалось по закону). Можно сделать вывод, что на рассматриваемой стадии (в указанном документе отсутствовало понятие досудебного производства) установилась абсолютная тайна предварительного расследования, а в судебном производстве медленно происходил процесс конкретизации случаев ограничения гласности.

Важно подчеркнуть, что в этот период (50–60-е гг. прошлого столетия) осуществляется активное закрепление идеи гласности в международных правовых актах, впоследствии воспринятых отечественным законодателем: в Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г.¹, Международном пакте «О гражданских и политических правах»².

Как отмечает О. В. Добровлянина, «на уровне Основного закона страны положение об открытости судебного разбирательства с указанием на исключения было сформулировано в принятой в 1977 г. Конституции Союза Советских Социалистических Республик. В соответствии со ст. 157 Конституции СССР 1977 г. «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом заседании суда

¹ О защите прав человека и основных свобод: Европейская конвенция. Принята 4 ноября 1950 г., ратифицирована Россией 5 мая 1998 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² См.: О гражданских и политических правах: международный пакт. Принят 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

допускается лишь в случаях, установленных законом, с соблюдением при этом всех правил судопроизводства». Естественно, ст. 169 Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1978 г. дублировала это положение. Такое правовое регулирование было вплоть до начала коренных преобразований в стране, начавшихся после прекращения существования СССР (РСФСР)»¹.

Конституция РФ 1993 г. в ч. 1 ст. 123 закрепила принцип гласности применительно к судебному разбирательству, а принятый три года спустя ФЗ «О судебной системе РФ»² регламентировал «гласность в деятельности судов», которую можно толковать как прозрачность – «прозрачность» для общественного контроля деятельности судебных органов.

Подробный анализ принятых в развитие этих идей законов³ и решений Правительства РФ дается О. В. Добровляниной в указанной выше работе. Пять лет работы над воплощением в жизнь замыслов федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.⁴ не принесли желаемых результатов: проблема с реализацией гласности судопроизводства ощущалась довольно остро, в связи с чем в 2006 г. Правительством РФ было принято новое постановление «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы»⁵.

В новом распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» делается акцент на том, что «обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его

¹ Добровлянина О. В. Указ. соч.

² См.: О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

³ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 07.02.2011 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

⁴ См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.: постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623.

⁵ См.: О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 гг.: постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений являются основными направлениями дальнейшего развития судебной системы. От освещения деятельности судов зависят предупреждение коррупционных проявлений, формирование доверия к российской судебной системе, прозрачность, публичность и гласность правосудия...»¹. Положения указанной программы в полной мере отражают современные тенденции в сфере информационных технологий применительно к деятельности судов.

Пленум Верховного Суда РФ в развитие идеи транспарентности, заложенной в вышеупомянутых федеральных конституционных законах, федеральных законах и программных документах Правительства РФ, уделил особое внимание процедурным и организационным аспектам обеспечения открытости и гласности судопроизводства и доступа к информации о деятельности судов в отдельном постановлении от 13 декабря 2012 г. № 35².

Таким образом, историко-правовой анализ становления и развития регламентации принципа гласности (открытости) в отечественном уголовном судопроизводстве показывает, что данная нормативная идея устанавливает правовую основу, гарантии для реализации права граждан на доступ к информации в уголовном процессе. Эта идея характеризует порядок осуществления процессуальной деятельности правоприменителей при производстве по уголовным делам, согласно которому создается такой режим обращения с информацией, который позволяет участникам уголовного процесса и представителям общественности получать сведения о производстве по уголовному делу в пределах, установленных законом.

Исследование категории «гласность» применительно к уголовному процессу позволяет сделать вывод, что данная идея является компонентом идеи, обладающей большей общностью – «транспарентности».

¹ Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.

² См.: Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

Термин «транспарентность» означает отсутствие секретности, ясность, очевидность, основанную на доступности информации¹; информационную прозрачность. Данная категория, как отмечает К. К. Магомедова, разработана в «западной науке и в настоящее время достаточно часто используется в отечественной юриспруденции»².

По мнению западных ученых, транспарентность предполагает открытость для общества деятельности всех государственных органов, гарантии доступа к данному виду информации, а также инициативу (и даже обязанность) самих органов государственной власти по предоставлению информации о своей деятельности. Транспарентность как основа функционирования демократического управления состоит из различных элементов, наиболее важными из которых являются доступ к деятельности органов, исполняющих властные полномочия, и, конечно же, доступ к издаваемым ими документам³.

Кроме того, в настоящее время многие ученые⁴ придерживаются мнения, что «транспарентность – это принцип, в соответствии с которым органы государственной власти действуют открыто для общества, а общество получает о таком процессе систематическую и всестороннюю информацию и при этом вправе свободно использовать и оценивать ее»⁵.

Его регулятивное воздействие распространяется в том числе и на деятельность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, так как уголовный процесс был и остается одним из важных направлений государственной деятельности, обеспечивающих законность, правопорядок и стабильность общественных отношений. При этом его реализация в уголовном судопроизводстве происходит посредством трансформации на конституционном уровне в конституционное право на информацию (и его составляющую – право на дос-

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Transparentnost-72921.html> (дата обращения: 31.12.2019).

² Магомедова К. К. Указ. соч. С. 55.

³ См.: Корченкова Н. Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 27.

⁴ См.: Политическая наука: словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. М., 2010. С. 544; Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 12; Бойков А. Д. К вопросу о гласности правосудия // Мировой судья. 2010. № 2. С. 10.

⁵ Магомедова К. К. Указ. соч. С. 56.

туп к информации), после чего указанное право, преломляясь в плоскости уголовно-процессуальной сферы отношений, начинает испытывать регулятивное воздействие явлений гласности и тайны предварительного расследования, определяющих режим работы с информацией в указанной сфере, устанавливающих масштаб и пределы реализации данного права.

Таким образом, транспарентность в уголовном судопроизводстве призвана, с одной стороны, обеспечивать наиболее эффективное использование механизма судебной защиты заинтересованными в ее получении лицами. С другой стороны, существующее в этой сфере явление тайны предварительного расследования и является границей проявления самой транспарентности, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования.

Что касается первого из указанных аспектов, то транспарентность предполагает, в том числе и транспарентность механизма правовой защиты, начинающегося с обращения заинтересованного лица в уполномоченный орган (будь то полиция, прокуратура или суд) с требованием о правовой защите и оканчивающегося с момента вынесения судебного акта и вступления его в силу.

В настоящее время как юридической, так общественной практикой сформирован ряд форм контроля общества за уголовным судопроизводством: это не только гласность процедуры судопроизводства, но и сам режим формирования судебной системы и судейского корпуса, механизм предоставления информации обществу о функционировании судебной власти, о принимаемых ею решениях, а также возможность обсуждения данных вопросов в ходе публичной дискуссии. В своей совокупности это составляет открытость, «прозрачность», или транспарентность, системы правосудия.

Таким образом, гласность характеризует качество уголовно-процессуальной деятельности, а транспарентность – качество функционирования судебной системы как части системы государственных органов. Оба эти явления оказывают существенное воздействие на реализацию конституционного права на доступ к информации, гарантируя гражданам возможность получения и использования информации, касающейся деятельности судов в целом, а также информации о конкретном судебном процессе и принятых в ходе него правоприменительных актах.

Отмечая значение транспарентности, М. Т. Аширбекова пишет, что при ее условии «сфера судебной деятельности может поддаваться контролю со стороны гражданского общества. Транспарентность – прозрачность судебной власти, обеспечиваемая посредством свободного доступа к информации о ее организации и деятельности. ...она – шире понятия гласности как одного из условий судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ). Иными словами, мы имеем дело с основополагающей идеей как сущностной чертой, которая может дозреть до правового оформления ее как принципа транспарентности или открытости уголовного судопроизводства и пополнить собой систему принципов уголовного процесса»¹.

Из всего вышесказанного следует, что деятельность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, должна быть открыта и подлежать общественному контролю в целях выполнения следующих функций:

- контроля гражданского общества за независимостью судей и справедливостью судопроизводства;
- создания условий для единообразия практики применения и соблюдения закона;
- обеспечения юридической экономии, позволяющей участникам процесса полно и оперативно охватить как весь нормативный материал, так и практику его судебного применения².

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что открытость деятельности государственных органов и должностных лиц в уголовном судопроизводстве не может быть безгранична, что обусловлено рядом факторов.

Во-первых, для реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) уполномоченные органы в досудебном производстве не могут предоставлять в полном объеме полученную в ходе проводимых мероприятий информацию, так как это может

¹ Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования. М.: МГИМО, 2016. С. 72.

² См.: Смирнов А. В. Проблемы открытости судебной власти для гражданского общества. Экспертное исследование на основе правоприменительной практики уголовных судов Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Транспарентность правосудия. URL: <http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/sav-tr0.htm> (дата обращения: 31.12.2019).

повлиять на ход процессуальной проверки и предварительного расследования и помешать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, тем самым дать возможность лицу, совершившему преступление, избежать наказания.

Во-вторых, на всех стадиях уголовного судопроизводства уполномоченные органы получают доступ к государственной тайне, частной жизни, личной и семейной тайне и коммерческой тайне, соответственно, в данной части открытость уголовного судопроизводства должна быть ограничена, т. е. частное начало (права и законные интересы гражданина как охраняемые Конституцией РФ ценности) должно находиться в разумном балансе с публичным интересом.

В-третьих, существующая тайна предварительного расследования не только обеспечивает необходимый информационный режим для эффективной деятельности следователя, но и выступает гарантией для гражданина, подвергнутого уголовному преследованию, защищая его от преждевременного разглашения порочащей информации, в условиях действия принципа презумпции невиновности.

Вышеуказанные факторы указывают на то, что транспарентность в уголовном судопроизводстве не может развиваться без определенных ограничений, так как начинает затрагивать права и свободы человека и гражданина, а также государственную и иные охраняемые законом тайны. Вместе с тем, несмотря на это, максимальная открытость уголовного судопроизводства, в том числе при помощи использования новейших технологий, является одной из составляющих развития и функционирования демократического правового государства. Точным является утверждение Г. С. Сытниковой, что естественной границей всевластия государства является правосудие, но в то же время суд как институт государства, им же создаваемый, сам нуждается в общественном контроле, а чтобы достичь открытости правосудия, необходимо установить приоритет гражданского общества перед государством¹.

Подводя итоги сказанному, стоит отметить, что изучение международного и российского опыта регулирования права на информацию и интересующую нас его составную часть – права на доступ к информации – применительно к специфическим условиям совре-

¹ См.: Сытникова Г. С. К вопросу обеспечения транспарентности арбитражного процесса // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2007. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

менного российского уголовного судопроизводства убеждает нас в том, что в настоящее время необходимо утверждение на международном уровне единого принципа транспарентности, вмещающего в себя обобщенное понятие гласности, открытости, прозрачности деятельности государственных органов в целях создания единых нормативных основ реализации данного явления на различных стадиях уголовного судопроизводства в условиях дальнейшего развития информационного общества и укрепления правового государства.

§ 2. Конституционное право на доступ к информации и влияние на его реализацию тайны предварительного расследования и принципа гласности

Исходя из конституционного понимания **права на информацию в широком смысле**, его основными элементами, по мнению В. Г. Графского, являются: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29); свобода массовой информации (ч. 5 ст. 29); право на свободу выражения своих мнений и убеждений (ч. 3 ст. 29); право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29); право каждого знакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24); право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33); право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42); свобода всех видов творчества (ч. 1 ст. 44); свобода преподавания (ч. 1 ст. 44); право на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44); право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48); право на доступ к информации о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41)¹.

¹ См.: Графский В. Г. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре ИРЛ РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 23–29.

На сегодняшний день ученым сложно выработать точную классификацию элементов содержания права на информацию, так как трудно выявить основные признаки (классификационные основания), относящие элемент к той или иной категории. При этом, по нашему мнению, **одними из базовых элементов анализируемого права являются правомочия субъекта на поиск и получение информации, что составляет содержание его значимого компонента – права на доступ к информации**, которое в сфере уголовного судопроизводства имеет свою специфику реализации.

Как таковое понятие права на доступ к информации учеными воспринимается неоднозначно. Одни придерживаются точки зрения, что право на доступ к информации и право на информацию являются тождественными, т. е. определяются как юридическая гарантия осуществимости свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (И. Д. Тиновичкая)¹. Такие ученые, как В. Н. Монахов², В. Н. Лопатин³, Л. К. Терещенко⁴ считают, что право на доступ к информации можно рассматривать только лишь с точки зрения одного из правомочий права на информацию. А третьи (С. Шевердяев⁵, О. В. Парахина, Ю. Е. Поляк⁶) считают, что указанное право является таким же самостоятельным, как и общепризнанные информационные права личности, такие, как свобода мысли, слова, печати.

¹ См.: Тиновичкая И. Д. Право на информацию и механизм его реализации // Законодательные проблемы информатизации общества: труды ВНИИСЗ. М., 1992. Тр. 52. С. 29–41.

² См.: Монахов В. Н. Государственно-правовые вопросы информационного обслуживания граждан в СССР: Конституционный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 10.

³ См.: Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. С. 219–220.

⁴ См.: Терещенко Л. К. Разработка проекта Закона РФ «Об охране прав граждан в условиях информатизации» // Научно-техническая информация. Сер. I: Организация и методика информационной работы. М., 1993. № 7. С. 18–20.

⁵ См.: Шевердяев С. Н. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства // Актуальные проблемы обеспечения доступа к информации. М.: Ин-т проблем информ. права, 2004. С. 217–270.

⁶ См.: Парахина О. В., Поляк Ю. Е. Конституционное право на доступ к информации и проблемы его реализации. URL: http://confifap.crip.ru/spb2004/russian/org_403.html (дата обращения: 31.12.2019).

Российское законодательство различает понятия «право на доступ к информации» и «право на информацию». «Право на доступ к информации» связано с открытостью власти перед народом (ст. 3 Конституции РФ). Исходя из содержания ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, в которой сказано, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, можно прийти к выводу о том, что в этой статье закрепляется более широкая интерпретация права на информацию, затрагивающая такие права и свободы человека и гражданина, как свобода мысли и слова: право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В целях конкретизации этих норм и реализации их установлений на практике были приняты ФЗ № 149 «Об информации» и ФЗ № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹.

В первом из вышеперечисленных федеральных законов раскрывается само понятие «информация», субъекты, имеющие право ей пользоваться, устанавливаются границы доступа к различного рода информации. ФЗ № 8 конкретизирует положения ст. 24 Конституции РФ в части гарантирования гражданам со стороны государства возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы. Эта норма является базовой для разработки отраслевого регулирования права граждан на доступ к информации в России.

Следует подчеркнуть, что современными авторами вопросы понятия «информация» рассматриваются в различных аспектах – в зависимости от предмета их исследования. Например, Н. А. Зигура раскрывает понятие «компьютерной информации в сфере уголовного судопроизводства», определяя ее как сведения, представленные в электронно-цифровой форме на материальном носителе, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи информации, а также набор команд (программ), предназначенных для использования в электронно-вычислительной

¹ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 7. Далее – ФЗ № 8.

машине (ЭВМ), системе ЭВМ или управления ими¹. В то же время Е. Н. Насонова рассматривает информацию как объект гражданского права, изучая ее понятие, виды и правовой статус, при этом раскрывая ее как объект гражданских прав в случаях, при которых сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах находят свое отображение на материальных объектах в виде символов, образов, сигналов и технических решений². Информация исследуется в контексте политических процессов Т. Г. Батуриной как феномен «социальной информации»³.

В рамках настоящего монографического исследования полагаем целесообразным при изучении права на доступ⁴ к информации не акцентировать внимание на разработке новых дефиниций понятия «информации», а использовать для построения собственных позиций легальное определение этого феномена, данное в ФЗ № 149.

Такой анализ проведен другими учеными, к примеру А. И. Зазулиным, который в своем монографическом исследовании пришел к выводу, что информация является содержательной частью доказательств вместе с ее носителем. При этом, исходя из анализа понятия «доказательство», под самой информацией в уголовном судопроизводстве понимаются сведения, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела⁵.

¹ См.: Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 10.

² См.: Насонова Е. Н. Информация как объект гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 185 с.

³ См.: Батурина Т. Г. Информация в политическом процессе: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2003. С. 17–30.

⁴ В контексте нашего исследования также не будем концентрировать внимание на категории «доступ» применительно к информации, фигурирующей в материалах дела, так как данный термин в таком аспекте подвергся детальному исследованию в диссертации П. В. Седельникова (см.: Седельников П. В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 14–15). Указанный автор рассматривает доступ к материалам уголовного дела как особое нормативное образование, охватывающее «все уголовно-процессуальные положения, обеспечивающие получение участниками уголовного процесса информации из материалов расследования» (Там же. С. 16).

⁵ См.: Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 64–72.

Более продуктивной будет концентрация исследовательского интереса на разработке теоретической модели режима доступа к информации, исходя из ее свойств, которые она приобретает, функционируя в области уголовного судопроизводства.

Поэтому при анализе права на доступ к информации мы опираемся на дефинитивную норму, раскрывающую понятие «информация» в ФЗ № 149, а именно: под «информацией» понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Кроме того, в указанном законе содержится ключевое понятие доступа к информации, которое представлено как возможность получения информации и ее использования. Такое понимание раскрывает общую конституционную позицию по режиму распространения информации на территории России.

Право на доступ к информации – это право граждан и организаций искать и получать любую информацию в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных законом, а доступ к информации – это возможность получения информации и ее использования. Право на доступ к информации также подразумевает корреспондирующую ему обязанность государственных органов размещать детальную информацию о своей работе, а также отвечать на запросы граждан и редакций средств массовой информации.

ФЗ № 149 содержит в ч. 4 ст. 8 перечень сведений, к которым доступ осуществляется без каких-либо ограничений, а ч. 1 ст. 9 данного акта закрепляет общее правило для ограничения доступа к информации, согласно которому оно устанавливается федеральными законами для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Иначе говоря, фактически регламентируя право на доступ к информации как одно из конституционных прав граждан, федеральный законодатель в качестве основы для формулирования целей ограничения данного конституционного права использует положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, закрепляющей единые цели для ограничения любых конституционных прав и свобод человека и гражданина как ценностей в нашем правовом государстве.

Исходя из изложенного, право на доступ к информации можно определить как юридически гарантированную возможность поиска

и получения гражданами и организациями любой информации, в любых формах, из любых источников и ее использования при условии соблюдения требований и ограничений, установленных законом.

В уголовном судопроизводстве как одной из сфер деятельности государства реализация права на доступ к информации происходит в условиях действия таких нормативных положений, как **гласность** (по нашему глубокому убеждению – принципа гласности¹) и **тайна предварительного расследования**, так как **эти правовые явления определяют режим функционирования информации в уголовном процессе**, обуславливая порядок обращения с информацией для каждого из субъектов уголовного процесса.

В ходе реализации этого права субъекты сталкиваются с ограничениями, которые устанавливаются для защиты конституционных ценностей более высокого уровня, чем их субъективное право на доступ к информации, когда речь идет об охраняемых законом тайнах.

Здесь происходит коллизия между реализацией субъективного права на доступ к информации и необходимостью обеспечения в уголовном судопроизводстве интересов государства, общества, частного лица. Право на доступ к информации существует и гарантируется благодаря гласности, которая находит свое воплощение и конкретизацию в отдельных нормах уголовно-процессуального закона. Но это право не может быть безгранично, потому что существует «лимит» на доступ к информации, обусловленный наличием режима **тайны предварительного расследования**, который выступает его ограничителем.

Стоит заметить, что для точного понимания имеющихся рамок доступа к информации федеральным законодателем были предусмотрены различные категории сведений, доступ к которым ограничен по разным основаниям в зависимости от содержания охраняемой информации (каждая категория приведена в таблице)².

Для нашего исследования особый интерес вызывает такой вид ограничения доступа к информации, как тайна предварительного расследования, которая может вмещать в себя любые сведения из указанного перечня³ в зависимости от специфики расследуемого

¹ О «печальной участи» принципа гласности, который не был включен в главу 2 УПК РФ и тем самым утратил свой статус, см.: Зайцева Е. А. Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // Черные дыры в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 257.

² См.: Приложение № 1.

³ Там же.

преступления. При этом отдельные субъекты уголовного судопроизводства в разной степени могут получать доступ к указанным видам информации. На важность установления объема предоставления информации определенному кругу лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства, и недопущения несанкционированного разглашения полученных ими данных указывал Конституционный Суд РФ в своем определении от 6 октября 2015 г. № 2443-О, разъясняя, что «запрет на разглашение данных предварительного расследования означает, по смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации права на обжалование решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, в той мере, в какой эти действия и решения затрагивают интересы указанных лиц, с тем, чтобы реализация конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь не приводила к нарушению прав и свобод иных лиц, а значит, и к отступлению от предписаний статей 17 (часть 3), 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации. При этом несанкционированное разглашение данных предварительного расследования, хотя и предпринятое лицом в качестве инструмента своей защиты или в связи с исполнением обязанностей защитника, как не исключающее возможность ознакомления с данными предварительного расследования широкого круга лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, ставит под угрозу нарушения права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и, следовательно, в силу вытекающей из закона необходимости сохранения таких данных в тайне не может рассматриваться как законное средство защиты прав подозреваемого, обвиняемого, – иное противоречило бы статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, посягало бы не только на интересы правосудия, но и на охраняемые законом права личности, умаляя ее достоинство»¹.

¹ По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

Понимая особую важность данной категории информации, законодатель создал усложненную процедуру доступа к ней, причем, хоть и не в полной мере, но с распределением объема предоставляемых сведений для каждого из участников уголовного судопроизводства в целях соблюдения их прав.

Таким образом, **вышеуказанное соотношение явлений гласности и тайны предварительного расследования (эти две парные категории отражают диалектическое противоречие закономерностей функционирования информации в уголовном процессе) создает для каждого из субъектов уголовного судопроизводства свой режим работы с информацией**, что позволяет выделить следующую градацию участников уголовного судопроизводства.

1. **Властные субъекты**, которые реализуют свое право на доступ к информации в публичных интересах посредством предоставленных государством полномочий. Данный тезис может вызвать дискуссии относительно того, что право на доступ к информации традиционно воспринимается в науке конституционного права как субъективное право отдельного индивида¹, как личное право². Так, А. А. Задков утверждает, что «конституционное право на информацию... относится к числу политических прав человека и гражданина и связано не с отношениями между гражданами, а с их отношениями с государственными органами»³. Однако далее в своей работе автор, классифицируя субъектов права на информацию, пишет, что в эту

¹ См., например: Хижняк В. С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnoe-pravo-cheloveka-i-grazhdanina-na-informaciju-v-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 12.12.2019); Одринский А. А. Конституционно-правовые основы реализации права каждого на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionno-pravovye-osnovy-realizacii-prava-kazhdogo-na-informaciju-v.html> (дата обращения: 12.12.2019).

² См.: Лисицына Е. С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/pravo-na-informaciju-i-informacionnuju-dejatelnost-v-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 12.12.2019).

³ Задков А. А. Конституционное право на доступ к информации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnoe-pravo-na-dostup-k-informacii-v-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 12.12.2019).

классификацию наряду с гражданином включаются и «юридические лица, органы государственной власти, общественные объединения, государство»¹. Подобную широту взглядов мы наблюдаем и в диссертационном исследовании М. А. Погореловой, которая резюмирует: «Субъектами конституционного права на информацию (если только мы специально не делаем оговорку о конституционном праве именно личности на информацию) могут выступать как личность, так и многие иные субъекты – государство, органы государственной власти, государственные органы, учреждения и организации, органы местного самоуправления, муниципальные органы, учреждения и организации, коммерческие и некоммерческие организации, иные объединения граждан, семья, социальные группы, население страны в целом, единый многонациональный народ России, конкретные народы России»².

Следовательно, даже среди представителей науки конституционного права наблюдается два подхода к пониманию рассматриваемого права на информацию: узкий и широкий. При этом А. А. Задков обуславливает наличие данного права у определенных субъектов правоотношений необходимостью выполнения ими важных общественных функций: «Право на информацию – это также важный элемент статуса средств массовой информации (печать, телевидение, радио), без чего они не могут осуществлять свою функцию освещения деятельности государственных органов»³. Если сопоставить эти позиции с нашим тезисом о том, что властные субъекты в уголовном судопроизводстве тоже обладают правом на доступ к информации, то можно обосновать наш подход следующими аргументами:

Во-первых, человек, став представителем государственных структур, в связи с возложенными на него государством полномочиями по проверке сообщения о преступлении, по производству предварительного расследования, статуса гражданина этого государства не теряет, более того, наличие статуса гражданина РФ является обязательным условием для замещения должностей в органах

¹ Задков А. А. Указ. соч.

² Погорелова М. А. Конституционно-правовое регулирование права на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionno-pravovoe-regulirovanie-pravana-informaciju-v-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 12.12.2019).

³ Задков А. А. Указ. соч.

предварительного расследования. Гарантированные Конституцией РФ права сохраняются и у должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, иначе иное означало бы поражение их в правах. Однако вся специфика реализации этого права властными субъектами – в целях его использования: властные субъекты реализуют свое право на доступ к информации через предоставленные полномочия в публичных интересах. Без наличия у них права на доступ к информации, имеющий специальный режим для указанных субъектов, свои полномочия они реализовать не смогут, не смогут качественно осуществлять возложенные на них государством и обществом важные функции. По сути, они выполняют здесь роль посредника, или передаточного механизма, в реализации конституционного права таких участников, как потерпевший или обвиняемый.

Во-вторых, право на доступ к информации властных субъектов можно рассматривать и как частное конституционное право каждого такого субъекта, посредством которого он выполняет свои задачи и профессиональные функции. Каждый следователь должен качественно осуществлять расследование, ежемесячно направлять в суд уголовные дела с обвинительным заключением. Если следователь ввиду информационного дефицита не будет справляться с возложенными на него функциями, то увольнение его из органов предварительного следствия – одно из негативных последствий, которые его могут ожидать при недостаточно активном использовании своего права на доступ к информации.

Именно поэтому властные субъекты наделены правом собирания информации извне, в том числе той, которая находится в режиме тайны, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. В связи с этим у данных субъектов имеется обширный перечень средств, с помощью которых они осуществляют сбор необходимой информации, а пределами реализации указанного права является установленный законом комплекс процедур, которые властным субъектам необходимо соблюсти, после чего они смогут получить необходимую информацию.

Рассматривая право на доступ к информации властных субъектов на этапе досудебного производства (следователей, дознавателей и сотрудников органов дознания), необходимо исходить из специфики стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Законодатель предоставил указанным правоприменителям различный **контролируемый** объем правомочий для получения

доступа к информации в публичных интересах: если для стадии возбуждения уголовного дела указанный объем уже, в связи с недопущением необоснованного ограничения прав и свобод граждан, участвующих в процессуальной проверке, то на стадии предварительного расследования правоприменители наделяются полным объемом полномочий, необходимых для осуществления полноценного расследования и реализации назначения уголовного судопроизводства. Полагаем, указанная деятельность властных субъектов связана с их правовой активностью в целях реализации принципа публичности. Как правильно отмечает М. Т. Аширбекова, она выступает в форме процессуально-должностной активности, которая является качеством процессуальной деятельности, в рамках которой осуществляется правоприменение, обеспечиваемое реализацией субъектами, ведущими процесс, своих полномочий и обязанностей, а также их устремленностью быстро, своевременно и полно устанавливать все обстоятельства дела, требующие правовой оценки в целях защиты прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц¹.

Границами получения указанного доступа к информации в уголовном судопроизводстве для властных субъектов выступают предмет и пределы доказывания в рассматриваемом уголовном деле (материальный аспект)² и усложненные процедуры, с помощью которых происходит преодоление внешних ограничений для имеющихся видов тайн, в целях введения полученной информации в материалы уголовного дела и включения ее в режим тайны предварительного расследования (процессуальный аспект).

Основные проблемы, связанные с реализацией права на доступ к информации у властных субъектов, заключаются в необходимости усовершенствования средств доказывания в современных условиях информационного общества и развития коммуникаций, а также установления для правоприменителей четкой классификации видов информации в целях выбора законных средств ее внедрения в сферу уголовного судопроизводства и создания надежной доказательственной базы.

¹ См.: Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 67.

² Границы их познавательной активности обусловлены предметом и пределами доказывания, направленными на установление события преступления, виновности лица и других обстоятельств совершения преступления.

2. Субъекты, которые имеют в уголовном судопроизводстве самостоятельный или представляемый правовой интерес. Для указанных субъектов способы реализации права на доступ к информации обусловлены действием гласности уголовного судопроизводства, а пределы осуществления данного права устанавливаются с учетом тайны предварительного расследования в режимном аспекте – как системы правил, мероприятий, необходимых для той или иной цели¹. Сразу хотелось бы отметить, что группа данных субъектов не однородна: правоприменители могут дозировать то количество информации, которую может получить каждый из имеющих субъектов с учетом его правового положения.

3. Субъекты, способствующие правосудию, также имеют определенный режим доступа к информации в уголовном процессе. Например, эксперт и специалист для качественного выполнения своих функций, связанных с применением их специальных познаний в ходе формирования доказательств следователем и дознавателем, могут воспользоваться правами, которые напрямую связаны с доступом к информации. Так, ч. 3 ст. 57 УПК РФ предоставляет эксперту права: на ознакомление с материалами уголовного дела, которые относятся к предмету судебной экспертизы; заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, которые ему нужны для производства экспертизы и дачи заключения; при участии в процессуальных действиях задавать с разрешения дознавателя, следователя и суда вопросы участникам процесса, относящиеся к предмету судебной экспертизы (пп. 1–3). Специалист согласно пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 58 УПК РФ может с разрешения дознавателя, следователя и суда задать вопросы участникам следственного действия, а также вправе ознакомиться с протоколом следственного действия, проведенного с его участием. Понятным следователь доводит только ту информацию, которая важна для выполнения ими функции удостоверения содержания, хода и результатов следственного действия.

Что касается **субъектов, не участвующих в уголовном судопроизводстве**, то они также реализуют свое право на доступ к информации об уголовном судопроизводстве благодаря взаимодей-

¹ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2103.htm> (дата обращения: 31.12.2019).

ствию средств массовой информации с пресс-центрами правоохранительных органов, а также посредством получения этих сведений через информационные интернет-ресурсы (в том числе указанных ведомств). При этом стоит заметить, что данные лица имеют наименьший доступ к информации, содержащейся в материалах уголовного дела, а их право на доступ к информации реализуется в большей степени благодаря такому явлению, как транспарентность.

Рассматривая право на доступ к информации для лиц **третьей и четвертой групп**, реализация которого **гарантируется действием принципа гласности**, следует отметить, что вопросы воплощения гласности в уголовном судопроизводстве, проблемы статуса данного нормативного положения в системе уголовного процесса являются на данный момент остро дискуссионными. Несмотря на то, что принцип гласности имеет серьезную международную правовую и конституционную основу (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ), стоит учитывать то, что уголовное судопроизводство – это специфический вид деятельности, связанный с ограничением конституционных прав граждан, в связи с чем указанное правовое положение в данном виде отношений не может реализовываться безгранично. Отраслевой законодатель устанавливает пределы действия этого правила открытости уголовного процесса, что находит отражение в балансе проявления тайны предварительного расследования и гласности уголовного судопроизводства. **При этом у законодателя оба эти положения (тайны и гласности) позиционируются как общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства соответственно, в чем мы видим отражение воздействия розыскных начал на досудебные стадии и состязательных начал на судебное производство.**

Согласно мнению разработчиков УПК РФ гласность уголовного судопроизводства приравнивается к понятию открытости судебного разбирательства. Смысл принципа гласности (открытости) уголовного процесса состоит в обеспечении доступности обстоятельств производства по уголовному делу для сведения общественности. Подобная интерпретация видится нам очень узкой, что подтверждается большим количеством нормативно-правовых актов, которые дополняют и расширяют указанный принцип, так как он регулирует отношения на всех этапах уголовного судопроизводства как между его участниками, так и обычными гражданами, желающими полу-

чить информацию о процессах, происходящих в рамках расследуемых и рассматриваемых судом уголовных дел.

Л. М. Володина и А. Н. Володина в содержание гласности включают право участников процесса, заинтересованных в итоговом решении по делу, всего общества на информацию о ходе и результатах процесса, также рассуждают об особенностях размещения в сети Интернет текстов судебных актов, в конечном итоге склоняясь к возможности их полного воспроизведения, если судебный акт постановлен в открытом судебном заседании¹. По мнению И. В. Смольковой, «гласность означает нормативное требование доступности хода и результатов расследования, а также рассмотрения уголовных дел для общественного ознакомления и обсуждения в целях воспитательно-предупредительного воздействия уголовного процесса»².

Заметим также, что и другие ученые, такие как В. И. Анишина, Н. А. Власенко, А. А. Толкаченко, относят принципы гласности и транспарентности к основополагающим принципам, которые входят в состав формируемой ими системы принципов межотраслевого характера, и ставят эти принципы в один ряд с принципом разумности правосудия; правом на судебную защиту; принципами конституционности и законности; состязательности и равноправия сторон; самостоятельности и независимости суда; презумпции невиновности³.

О. А. Сегал убеждена: «Гласный уголовный процесс должен быть таким, чтобы общественность могла знать, что и как в нем происходит, высказать свое мнение об уголовном процессе в целом, его участниках и т. д. Таким образом, сущностью гласности уголовного процесса является его доступность для общественного ознакомления и обсуждения»⁴ (здесь мы также наблюдаем связь гласности и транспарентности).

Исходя из того, что принципы уголовного процесса – это основные правовые положения, являющиеся общими для всей системы

¹ См.: Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 140, 219–221.

² Смолькова И. В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7. С. 39–40.

³ См.: Анишина В. И., Власенко Н. А., Толкаченко А. А. Принципы правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 217–297.

⁴ Сегал О. А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 35.

уголовно-процессуального права и регулируемой им процессуальной деятельности, выражающие назначение и сущность уголовного процесса, его порядок и построение, в том числе и путем установления общей основы правового взаимодействия властных субъектов уголовного процесса с вовлекаемыми в него частными лицами¹, можно констатировать, что гласность обладает всеми признаками, присущими принципам уголовного судопроизводства.

Исходя из истории становления гласности, можно сделать вывод, что развитие этой нормативной идеи происходило постепенно: от неограниченной тайны предварительного расследования до современной системы норм, устанавливающих правила разглашения данных предварительного расследования и возможности интернет-трансляций судебных заседаний. На наш взгляд, представляется, что указанный процесс далек от окончания, и нормы уголовного судопроизводства, касающиеся реализации положений о тайне и гласности, требуют дальнейшего реформирования, что обусловлено развитием демократических основ современного информационного общества.

Степень выраженности принципа гласности в уголовно-процессуальном законодательстве, его проникновение в уголовно-процессуальную деятельность характеризуют состояние транспарентности уголовного судопроизводства – современного тренда, отражающего уровень контроля общества над органами государственной власти. Данное явление еще находится на начальной стадии развития, так как в уголовно-процессуальном законодательстве в системе принципов уголовного судопроизводства, закрепленной в главе 2 УПК РФ, «не нашлось места» принципу гласности, распространяющему свое регулятивное воздействие на все его стадии, статус данного идейного начала «низведен до общего условия судебного разбирательства», ввиду чего оказался недостаточно проработан весь механизм реализации гласности в уголовном судопроизводстве².

¹ См.: Россинский С. Б., Челохсаев О. З. О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства // Юридическое образование и наука. 2017. № 1. С. 42–44; Аширбекова М. Т. Понятие и система принципов уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник. В 3 ч. Ч. 1. Общие положения уголовного судопроизводства. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 55.

² Этот недостаток нормативного регулирования и структурирования главы 2 УПК РФ отмечают многие авторы (см.: Зайцева Е. А. Концепция развития института

Не случайно среди ученых в советский период преобладало мнение о том, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не может существовать принципа гласности¹. Однако следует учитывать, что сведения, которые относятся к тайне предварительного расследования, могут сохраняться и далее в ограниченном режиме на протяжении всех стадий уголовного судопроизводства, а могут пребывать в закрытом режиме лишь для досудебных стадий уголовного судопроизводства (например, информация об обстоятельствах дела становится потом достоянием участников судебного разбирательства и иных присутствующих в судебном заседании лиц). Это подтверждает, что досудебные стадии уголовного судопроизводства не лишены регулятивного воздействия гласности, однако распространение информации об обстоятельствах уголовного дела имеет больше ограничений, установлением которых занимается следователь или дознаватель, которые, безусловно, должны соблюдать оптимальное сочетание интересов личности, публичных (служебных) интересов субъектов, ведущих уголовный процесс, с гласностью как институтом демократического общества.

Для более детального понимания действия гласности в досудебном уголовном производстве России необходимо обратиться к рассмотрению континентальной доктрины смешанного типа уголовного процесса, к которому относится отечественное уголовное судопроизводство. Ранее множество авторов спорили о том, к какому типу относится уголовный процесс России², и в итоге пришли к мнению, что российский уголовный процесс относится к смешанному типу, в котором превалируют розыскные начала в досудебном производстве. На протяжении всей истории развития отечественное уголовное судопроизводство, как правило, находилось под значительным воздействием уголовно-процессуального законодательства Франции, что оказывало влияние на его становление как континен-

судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 36; Мельников В. Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2012. С. 22–23; Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 25).

¹ См.: Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юриздат, 1948; Мартинович Н. Н. Гласность в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 371–373; С. 50.

² См.: Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учеб. пособие. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2002. С. 63.

тального уголовного процесса. В результате уголовный процесс России, как и большей части европейских стран, приобрел черты смешанного типа «...с четким делением на тайное, письменное, не состязательное досудебное производство и гласное, устное, состязательное судебное разбирательство»¹.

С точки зрения типологии уголовного судопроизводства уголовный процесс России преодолел частно-состязательную и розыскную фазы развития и с реформы императора Александра II в 1864 г. вступил в публично-состязательную фазу. Однако прохождение этих этапов было неоднозначно, а в годы советской власти данный процесс пошел по «обратному пути», к смещению в сторону розыскных начал, которые стали преобладать как в досудебном, так и в судебном производстве.

С момента принятия Конституции 1993 г. процесс формирования смешанного типа уголовного судопроизводства «сдвинулся» в сторону состязательности. Множество изменений, вносимых в уголовно-процессуальный кодекс, усиливают состязательные начала в уголовном судопроизводстве, не влияя, впрочем, на его типологию, так как эти изменения носят пока количественный, а не качественный характер².

Российский уголовный процесс, являясь смешанным по своему типу, прежде всего, благодаря национальным правовым традициям, сохраняемым и передаваемым из поколения в поколение, в современных условиях воспринял идеи состязательности сторон, презумпции невиновности, гласности, сохранив при этом на отдельных стадиях розыскное начало, присущее другим типам уголовного процесса.

На основании изложенного становится понятна причина возникновения диалектического противоречия между гласностью и тайной предварительного расследования: оно обусловлено незавершенностью процесса взаимопроникновения розыскных и состязательных начал на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

¹ См.: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 283.

² Данная проблема широко раскрывается в ходе исследования современного состояния нормативной регламентации гласности уголовного судопроизводства, проведенного М. С. Колосович (см.: Колосович М. С. Гласность уголовного судопроизводства России: историко-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 195–200).

На данный момент получается, что возможности реализации элементов состязательности, проявляющиеся как в виде активных действий стороны защиты, так и в функционировании принципа гласности в досудебном производстве, сталкиваются с ограничивающими факторами в виде тайны предварительного расследования. Отсутствие в законе четких критериев распространения режима тайны на конкретные сведения (за исключением сведений об охраняемых лицах) вызывает у правоприменителей проблемы при определении допустимого объема предоставляемых материалов уголовного дела участникам уголовного судопроизводства.

С одной стороны, закон прописывает необходимость знакомить заинтересованных лиц с одним объемом информации из материалов уголовного дела, а с другой – сложившаяся практика идет по пути максимального ограничения доступа участников уголовного судопроизводства со стороны защиты к материалам **не законченного производством** уголовного дела.

Именно поэтому имеется необходимость пересмотра действия режима тайны предварительного расследования в целях его применения только в отношении сведений, подпадающих под действие федеральных законов о различных тайнах, а также сведений, касающихся розыскных процедур или охраняемых лиц, иначе у правоприменителей будет большой соблазн в злоупотреблении правом в этой ситуации. Так, логично, что нет необходимости распространять действие принципа гласности на сведения о тактических мероприятиях, подготовке к проведению процессуальных и следственных действий, и это абсолютно оправдано целью сохранения доказательственной базы и недопущения возникновения угроз в отношении потерпевших, свидетелей и иных участвующих в деле лиц. Эта информация должна сохраняться в тайне.

В настоящее время следователь или дознаватель при решении вопроса о предоставлении или ограничении доступа к данным предварительного расследования руководствуются различными основаниями. Во-первых, режимом тайны предварительного расследования в целях недопущения распространения информации, отражающей интересы расследования; во-вторых, правоприменитель руководствуется конституционными установлениями о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст. 17 Конституции РФ).

С учетом этого следователь или дознаватель, оценив фактические данные, имеющиеся в его распоряжении, руководствуясь предписаниями закона и собственным правосознанием, принимает самостоятельное решение о недопустимости разглашения конкретных данных и по своему усмотрению выбирает тот объем информации по находящемуся в его производстве делу, который он хотел бы передать огласке.

Полагаем, что правоприменительные проблемы возникают также ввиду недостаточно четкой позиции законодателя по проблеме статуса гласности в системе базовых положений уголовного судопроизводства. Эти вопросы имеют важное методологическое значение для теории и практики уголовного процесса.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона приводит к выводу, что разработчики УПК России выборочно подходили к определению статуса идей, претендующих на роль принципов уголовного судопроизводства. Это, как говорилось ранее, проявляется, к примеру, в том, что в Конституции РФ гласность уголовного судопроизводства, наряду с состязательностью уголовного судопроизводства, является основополагающей идеей данной деятельности. Вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном законодательстве гласности отведено «скромное» место в системе общих условий судебного разбирательства¹.

Можно констатировать, что имеются отдельные разрозненные нормы, регулирующие право на доступ к информации в уголовном производстве, однако отсутствует общий принцип гласности, который бы закреплял основы деятельности субъектов уголовного судопроизводства при работе как с материалами процессуальной проверки, так и с материалами уголовного дела, и распространял свое регулятивное воздействие на все процессуальные отношения: как в досудебном производстве, так и в судебном производстве.

Существующее в отечественном уголовном процессе положение (придание гласности статуса только общего условия судебного разбирательства) абсолютно не согласуется с выстроенной в международном и конституционном законодательстве позицией, где глас-

¹ См.: Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2006. С. 24.

ность провозглашена неотъемлемым принципом всех сфер жизнедеятельности общества. Полагаем, статус общего условия судебного разбирательства существенно принижает роль гласности в системе демократического уголовного процесса¹.

Анализ собственно нормативных установлений УПК РФ в этой части показывает, что в различных стадиях уголовного судопроизводства положения о гласности выстроены неодинаково. К примеру, в досудебном производстве регулирование гласности предпринято запретительными приемами – запретом на разглашение данных предварительного расследования.

Причем идея гласности, ограничение которой и представляет собой тайна предварительного расследования, не закреплена в нормах, регулирующих досудебное производство. С нашей точки зрения, не совсем корректно определять порядок работы с информацией в виде запретов: логичнее и удобнее для правоприменителей было бы закрепить общие положения регулирования гласности в уголовном судопроизводстве (в формате принципа уголовного судопроизводства, географически размещенного в главе 2 УПК РФ), после чего разграничить порядок действий и запретов с учетом конкретной стадии уголовного судопроизводства.

В судебном производстве гласность в виде общего условия судебного разбирательства нашла закрепление в главе 35 УПК РФ. Законодатель для наименования нормы, определяющей лишь процедуру проведения открытого или закрытого судебного заседания, использовал термин «гласность», который по объему понятия гораздо шире общего условия судебного разбирательства. Такое название должен получить именно принцип, устанавливающий руководящие правила, которые определяли бы режим обращения с информацией в уголовном судопроизводстве, обеспечивающий справедливое правосудие по уголовным делам, действительную защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от преступных посягательств.

Аналогичную проблему в своем диссертационном исследовании отмечает С. С. Безруков. Так, он при решении задачи по формулированию дефиниций основных принципов уголовного судопроиз-

¹ Подробнее см.: Свежинцев Е. И. Реализация конституционного права на доступ к информации и гласность уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 93–97.

водства выделяет «гласность» и отмечает имеющуюся «брешь» в информационных правах участников уголовного судопроизводства, заключающуюся в отсутствии основополагающего принципа, который регулирует основные начала гласности в уголовном судопроизводстве. И это – при имеющейся тенденции на расширение информационных прав участников уголовного судопроизводства, связанных с получением информации о ходе проводимой процессуальной проверки или расследуемого уголовного дела, а также сведений, содержащихся в материалах процессуальной проверки! Мы согласны с позицией С. С. Безрукова, что именно полноценная система принципов уголовного процесса способна обеспечить защиту интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Автор, безусловно, прав, что гарантированные Конституцией РФ и международными нормативными актами права не могут быть реализованы вышеуказанными лицами при отсутствии у них возможности получения информации о деятельности компетентных органов и их должностных лиц. Он считает необходимым добавить в систему принципов уголовного судопроизводства новый принцип «информирования заинтересованных лиц», при этом предлагая соответствующий проект статьи в УПК РФ, в которой отражается обязанность суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя информировать о ходе досудебного и судебного уголовного судопроизводства участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются либо ограничиваются уголовно-процессуальной деятельностью¹.

Хотелось бы согласиться с мнением С. С. Безрукова в части необходимости введения принципа уголовного судопроизводства, регулирующего информационные начала уголовного процесса. В то же время необходимо отметить, что предложенная им новелла является нормой-регулятором конкретных информационных правоотношений и отражает именно процедуру деятельности правоприменителей по информированию заинтересованных лиц о ходе производства по уголовному делу, но такой подход отражает частный характер

¹ См.: Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 394–397.

нового положения, связанный исключительно с информационными правами заинтересованных лиц. В то же время принцип уголовного судопроизводства должен обладать свойством идеи «максимальной общности», т. е. распространять свое регулятивное воздействие на большую часть уголовно-процессуальных отношений, возникающих в ходе судопроизводства. На роль такого исходного положения, отражающего сущность уголовного процесса в сфере информационных прав, в большей степени подходит именно **гласность**.

Считаем, что необходимо придать идее гласности статус принципа уголовного судопроизводства, для чего потребуется внести в главу 2 УПК РФ новую статью 7.1 «Гласность уголовного судопроизводства», в которой следует закрепить основные положения, определяющие правовую формулу данного принципа, устанавливающие порядок его действия на всех стадиях уголовного процесса. Конкретное его выражение в центральных стадиях уголовного судопроизводства должно найти отражение в нормах общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства. При этом рассматриваемая статья должна иметь следующее содержание.

Статья 7.1. Гласность уголовного судопроизводства

1. Досудебное и судебное уголовное производство осуществляется открыто, за исключением случаев, когда это противоречит интересам соблюдения государственной или иной охраняемой законом тайны.

2. Режим тайны распространяется на материалы процессуальной проверки и уголовного дела с учетом федеральных законов и законов Российской Федерации, относящих сведения к категории ограниченного доступа.

3. Информация о проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, о производстве по уголовному делу доводится до заинтересованных лиц и средств массовой информации в пределах и объеме, установленных настоящим Кодексом, незамедлительно или в разумный срок.»

Полагаем, что именно в таком виде новелла о гласности отражает принципиальный характер данного установления как идеи максимальной общности, действующей на всех стадиях уголовного судопроизводства.

§ 3. Основания и формы ограничения права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве России

Современные направления развития институтов гражданского общества требуют высокой степени их открытости и гласности. В наибольшем внимании в этом контексте нуждается сфера уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Представляется, что развитие открытости и гласности указанных отношений, с одной стороны, станет действенным инструментом общественного контроля, а с другой – значительно повысит авторитет правоохранительных и судебных органов и уровень доверия населения к их деятельности.

Государству как гаранту обеспечения стабильного развития и существования общества необходимо устанавливать разумные и сбалансированные ограничения прав и свобод граждан в целях защиты государственной и общественной безопасности, здоровья и нравственности населения, прав и законных интересов других лиц, а в случае с реализацией требования открытости и гласности (как гарантии проявления права на доступ к информации в уголовно-процессуальной сфере) необходимо определять четко установленные границы действий каждого участника указанных отношений. Это объективно обусловлено тем, что человек не может обладать абсолютными правами и свободами, свобода личности реализуется во взаимоотношениях с другими людьми и их социальными общностями, государственными институтами.

На сегодняшний день в уголовном судопроизводстве вопрос о реализации гласности требует нового осмысления с учетом современных тенденций¹. Несмотря на то, что принцип гласности имеет серьезную международную правовую и конституционную основу, стоит учитывать то, что уголовное судопроизводство – это специ-

¹ В современных условиях, ориентируясь на итоги проводимой реформы МВД России, можно констатировать, что государство делает больший акцент на открытость и гласность в деятельности этого ведомства, усиливая общественный контроль за работой правоохранительных органов и тем самым обеспечивая прозрачность их деятельности (см.: Федотов М. А. Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Информационное право. 2007. № 2. С. 13).

фический вид деятельности, нередко сопровождающийся ограничением конституционных прав граждан, в связи с чем указанное правовое положение в данном виде отношений не может реализоваться безгранично, а реализация права на доступ к информации в рамках производства по уголовному делу имеет свою специфику.

Отраслевой законодатель устанавливает пределы действия этого права, что находит отражение в балансе проявления тайны предварительного следствия и гласности уголовного судопроизводства. В то же время у законодателя оба эти положения (тайны и гласности) выступают как общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства соответственно. Ограничения принципа гласности и открытости судопроизводства связаны с защитой прав и свобод отдельных личностей, сохранением основ общественной морали и общественного порядка, охраной государственной или другой защищенной законом тайны¹.

В утвержденной 5 декабря 2016 г. Президентом РФ Доктрине информационной безопасности РФ термин «информационная безопасность» означает «статус защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»². В данном случае под интересами личности в указанной сфере понимается реализация конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации и ее использование в целях осуществления не запрещенной законом деятельности. Идейной основой для выстраивания такого разумного баланса выступают нормативные положения международных правовых актов и конституционные установления.

Основные постулаты, формулирующие понятие ограничения прав, представлены в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых

¹ См.: Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Юриспруденция, 2011. С. 39.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.12.2016 № 646). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 31.12.2019).

требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»¹.

В статьях 4 и 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах ограничение прав предусматривается в целях способствования общему благосостоянию в демократическом обществе и осуществляется в интересах государственной безопасности или общественного порядка или для ограждения прав и свобод других².

Применительно к правам в сфере информации более конкретно ограничения сформулированы в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где отмечается, что каждый вправе свободно «искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору» (ч. 2) и что пользование данными правами может быть «сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»³. Таким образом, реализация права на доступ к информации и ее свободное распространение не безграничны: пользование данным благом предусматривает особые обязанности и особую ответственность.

Для российского национального законодательства наряду с международными стандартами в области прав и свобод идейную основу для выстраивания баланса частных и публичных интересов в различных сферах составляют положения конституционных норм (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), о чем мы ранее писали. Из данного кон-

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Сборник международных актов по правам человека. Душанбе: Конуният, 2001. С. 526–553.

² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

ституционного установления можно сделать вывод, что правовое ограничение представляет собой определение пределов реализации прав личности в обществе и государстве на основе принципов права, нравственности и справедливости.

Государство, целью которого является нормальное функционирование и развитие всех сфер жизни общества, должно уделять пристальное внимание вопросам доступа граждан к информации, в особенности – в уголовном судопроизводстве. Ведь именно в данной сфере часто происходит ограничение установленных Конституцией РФ прав граждан. С одной стороны, государство стремится подчеркнуть примат интересов гражданина, его прав и свобод, обозначив его высшей ценностью в правовом государстве, а с другой – ограничивать права и свободы граждан в интересах борьбы с преступностью, восстановления нарушенных прав граждан, а также недопущения использования лицами, совершившими преступления, своих прав и свобод в противоправных целях.

В связи с этим необходимо рассматривать ограничение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве как гарантию защиты от злоупотребления этими правами со стороны правонарушителей и недобросовестных участников уголовно-процессуальных отношений¹. Именно с данной точки зрения обосновывается возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ и УПК РФ.

Следует понимать, что при создании и реализации определенных ограничений конституционных прав последние должны быть соразмерны целям таких ограничений. Иными словами, в случае, когда конституционные нормы дают возможность законодателю вводить ограничения прав, установленных этими нормами, законодатель не может вводить ограничения, которые бы абсолютно нивелировали действие того или иного конституционного права лица в любой сфере, в том числе и сфере уголовного судопроизводства. Потому-то и существует конституционный нормоконтроль.

Таким образом, должен соблюдаться баланс между конституционно защищаемыми ценностями и интересами человека и гражданина и ограничениями, допускаемыми государством в необходимых

¹ См.: об этом: Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 63.

случаях в общественно полезных целях. В этих целях должны использоваться только предельно допустимые меры, т. е. без неоправданного и избыточного умаления конституционного права лица.

Необходимо также четко осознавать, что правовые ограничения прав и свобод должны отвечать требованиям справедливости, являться адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не иметь обратной силы и не затрагивать саму суть конституционного права. Именно поэтому правовая норма должна быть формально определенной, четкой и понятной, что исключит возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации¹.

Кроме того, Конституция РФ предусматривает не только вышеописанные ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в обычных правоприменительных ситуациях. Как указано в ч. 1 ст. 56, регулятивное воздействие которой распространяется на чрезвычайные ситуации, ограничения могут устанавливаться и федеральным конституционным законом, однако в этом случае законодательно определяются отдельные ограничения прав и свобод только в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя с указанием пределов и срока их действия.

Исходя из изложенного, можно провести следующую классификацию конституционно-правовых ограничений:

а) общие ограничения, которые касаются общего конституционно-правового статуса и определяют допустимые пределы изъятий из основных прав, свобод и цели, которым такие изъятия должны быть соразмерны. Указанные ограничения содержатся в ст. 13, 19, 29 и 55 Конституции РФ (именно таким способом происходит ограничение исследуемого нами права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве, только с определенными особенностями и исключениями, изложенными ниже);

¹ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

б) специальные ограничения, вводимые в условиях чрезвычайного положения, предусмотренные ст. 56 Конституции РФ и законодательством о чрезвычайном положении;

в) специфический вид ограничения прав и свобод граждан, обусловленный особенностями правового статуса отдельных категорий граждан и их отношений с государством (имеются в виду должностные лица, военнослужащие, лица, отбывающие уголовное наказание в местах лишения свободы, и т. п.). При этом в указанном случае пределы таких ограничений не определены, их в индивидуальном порядке устанавливает законодатель, однако они могут быть проверены судом с точки зрения конституционности вводимых ограничений и соблюдения принципа соразмерности этих ограничений специальному статусу данных категорий граждан.

Следует понимать, что содержащиеся в международных правовых актах и Конституции РФ правила и ограничения в части права на доступ к информации носят обобщенный характер и находят свое развитие и конкретизацию в федеральных законах и кодифицированных законодательных актах.

Так, в ст. 9 ФЗ № 149 отмечается: «Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Согласно ч. 2 ст. 3 этого федерального закона правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, основывается на принципе установления ограничений доступа к информации только федеральными законами.

В данном случае имеются в виду специализированные нормативные акты, ограничивающие указанное право либо в зависимости от типа ограничения, либо из-за категории доступа к ней. В последнем случае подразумевается перечень информации, доступ к которой ограничен¹.

Кроме того, в ч. 3 ст. 5 ФЗ № 149 приводится перечень информации в зависимости от порядка ее предоставления или распространения, а именно:

– информация, свободно распространяемая;

¹ См.: Приложение № 1.

- информация, предоставляемая по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях;
- информация, которая в соответствии с федеральными законами подлежит предоставлению или распространению;
- информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается.

Отдельные положения данной градации находят свое отражение в уголовно-процессуальной сфере, что будет проанализировано нами далее в настоящей монографии.

Следует обратить особое внимание на основания ограничения права на доступ к информации, поскольку они являются теми основными причинами, которые предопределяют закрепление в Конституции РФ и других нормативно-правовых актах пределы реализации указанного права, а также служат гарантиями соблюдения позитивного баланса между интересами личности, общества и государства.

По мнению А. А. Переверзева, под основаниями ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать обусловленную политическими, экономическими и социальными факторами, основанную на законе систему конституционно-правовых предписаний, определяющих сущность субъектов, временные и пространственные рамки ограничения в интересах государства и общества, а также в целях защиты государства, общества и третьих лиц¹.

Для лучшего понимания этих *нормативно установленных оснований* следует применить их градацию с учетом уровня нормативного регулирования. Указанные основания, задающие общий разрешенный формат ограничения прав, можно подразделить на **три уровня**: международный уровень, конституционный уровень и уровень федеральных и федерально-конституционных законов².

Однако для использования данных нормативно установленных оснований для ограничения права в конкретной правоприменительной

¹ См.: Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 7.

² О значении Конституции РФ и федеральных конституционных законов в установлении ограничения конституционных прав см.: Набока А. С. Система прав и свобод человека и гражданина и конституционно-правовые основания их ограничения в Российской Федерации // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 93–100.

ситуации властному субъекту необходимы *юридические и фактические основания*. Юридические основания обусловлены наличием у властного субъекта соответствующих полномочий на правоограничение, которые подтверждаются: 1) фактом нахождения в его производстве уголовного дела; 2) вынесением им решения об ограничении права (либо получением разрешения суда на такое ограничение).

Иначе говоря, с учетом нормативных установлений в конкретной правоприменительной деятельности следователей и дознавателей *юридические основания* находят свое реальное воплощение с помощью актов органов исполнительной или судебной власти, когда следователь, используя нормативную основу, закрепленную в перечисленных выше источниках права, по конкретному уголовному делу, исходя из *фактических оснований*, а именно потребности в сохранении в тайне той или иной информации, необходимости защиты чьих-то интересов, выносит решение и тем самым создает законную основу для ограничения соответствующего конституционного права.

Эта система оснований (нормативно установленные основания – юридические основания – фактические основания) срабатывает:

1) в ситуации, когда юридические основания представлены не только правомочием правоприменителя, вытекающим из факта принятия дела к своему производству¹, но и вынесением соответствующего правоприменительного акта – собственного правоограничительного решения или судебного постановления;

2) в ситуации, когда юридические основания представлены исключительно правомочием правоприменителя, вытекающим из факта принятия дела к своему производству. В частности, в уголовном деле могут фигурировать участники, имеющие доступ к информации, объем которой дозирует правоприменитель без обращения к суду, опираясь на нормативно установленные основания и на фактические основания, потому что для предупреждения свидетеля о неразглашении данных предварительного расследования правоприменителю юридического основания в виде отдельного постановления

¹ Следует уточнить, что согласно действующему уголовно-процессуальному закону правомочие у властного субъекта наступает и в случае включения его в группу следователей (дознавателей), и при выполнении им поручения по уголовному делу, находящемуся в производстве другого органа предварительного расследования.

не требуется. Можно признать, что юридическим основанием является наличие правомочий у правоприменителя дозировать эту информацию, вытекающих из его статуса, но такой подход немного отличается от позиции А. С. Набоки¹, который в качестве юридического основания подразумевает юридический акт, т. е. акт реализации соответствующей нормы закона, ограничивающий рассматриваемое право.

Что касается реализации права на доступ к информации в уголовном процессе, то в данном случае весьма продуктивным является подход А. А. Переверзева, который понятие «ограничение права» характеризует с внешней стороны как определенное сужение возможности осуществления последнего, но при этом сохраняющего свою нормативную природу. Также он отмечает, что сущность ограничения может быть раскрыта только в рамках системного взаимодействия частного и публичного в правовом регулировании. В такой интерпретации категория ограничения права выступает в качестве средства согласования частных и публичных интересов, отражая суть конституционно-правового типа связи «человек-государство». Кроме того, А. А. Переверзев отмечает, что данные ограничения в большинстве носят ситуационный характер, отражая разнообразие публичных интересов, в связи с чем не могут быть исчерпывающим образом закреплены на уровне Конституции РФ².

В связи с этим необходимо соблюдать оптимальное сочетание частных интересов – интересов гражданина и интересов публичных (расследования и правосудия в целом) – с точки зрения реализации принципа гласности. Исходя из положений ст. 55 Конституции РФ, основания ограничения права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве представлены в виде нормативно установленных целей защиты особых ценностей, ради сохранения которых допустимо даже в сферу охраняемых Конституцией прав и свобод человека: защита основ конституционного строя; защита нравственности; защита здоровья других лиц; защита прав и законных интересов других лиц; обеспечение обороны страны; обеспечение безопасности государства.

¹ См.: Набока А. С. Указ. соч. с. 99.

² См.: Переверзев А. А. Указ. соч. С. 7.

Фактические основания необходимы правоприменителю для регулирования объема информации, которую возможно предоставить участнику уголовного судопроизводства. К ним можно отнести сведения о правоприменительной ситуации, обусловленной посткриминальным поведением лица, сложной оперативной обстановкой и полученной оперативной информацией.

Таким образом, ограничение права на доступ к информации в досудебном уголовном производстве является значимой частью должной реализации конституционного права на доступ граждан к информации, так как определяет границы осуществления права на доступ к информации в указанной сфере. Это положение исходит из запрета злоупотребления своими правами в ущерб интересам иных лиц, организаций, общества и государства: права и свободы одного лица не должны нарушать права и свободы других лиц. Кроме того, данное ограничение в уголовном судопроизводстве представлено с учетом специфики уголовно-процессуальной деятельности, более детализировано: кроме конституционно регламентированных ограничений имеется определенная дозированность доступа к различного рода информации, а также предусмотренная уголовным законом ответственность за нарушение указанного режима.

В целях правильного понимания форм ограничения права на доступ к информации необходимо отметить, что в уголовном судопроизводстве на реализацию указанного права существенно воздействует такое явление, как **тайна предварительного расследования, которую можно рассматривать в широком и узком смысле.**

В широком смысле тайна предварительного расследования распространяется на ту информацию, которая получается в ходе деятельности правоприменителя, осуществляющего познавательные операции в рамках доказательственной деятельности, а также на ту информацию, которая формируется за пределами уголовного дела ввиду того, что многие виды сведений «вращаются» в своем особом режиме охранения (банковская тайна, медицинская тайна, частная жизнь, тайна усыновления и др.).

В узком смысле тайна предварительного расследования охватывает только информацию, которая связана с деятельностью правоприменителя: следователь получает необходимые сведения, планирует расследование в целом, отдельные следственные и процессуальные действия. То есть **данная информация формируется именно**

в рамках производства по уголовному делу, у нее нет источников извне, она включает в себя, в зависимости от природы возникновения, тайны, создаваемые в ходе правоприменительной деятельности наряду с «чисто инструментальными» тайнами, которыми правоприменитель пользуется в ходе расследования (план расследования, тактика производства отдельных следственных действий, очередность их производства, т. е. «узкопроцессуальные» и «производственные» вопросы у следователя).

Содержательно тайна предварительного расследования включает в себя широкий перечень сведений. Наиболее оптимальным представляется перечень, приведенный в учебном пособии «Руководство по расследованию преступлений»:

1) сведения, относящиеся к работникам правоохранительных органов и иным участникам уголовного процесса;

2) информация о следственных версиях, тактике проведения следственных действий, мерах безопасности, применяемых в отношении участников расследования;

3) сведения о личности, местожительстве и других идентифицирующих признаках участников расследования;

4) сведения о мерах обеспечения безопасности участников расследования;

5) сведения, отражающие стратегию и тактику расследования, в том числе о планировании расследования и следственных версиях;

6) сведения о взаимодействии между следователем и работниками оперативных подразделений;

7) доказательства по уголовному делу, а также результаты анализа доказательственной информации¹.

По нашему мнению, указанный перечень в принципе отражает сведения, относящиеся к тайне предварительного расследования, но без применения представленной нами дифференциации тайны предварительного расследования в узком и широком смысле затрудняет правоприменителям уяснение правильного информационного режима работы с ней. Этот перечень не отражает концепцию формирования данных предварительного расследования, относящихся

¹ См.: Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие / рук. авт. кол. А. В. Гриненко. М.: НОРМА, 2002. URL: <https://studfiles.net/preview/6707069/page:26> (дата обращения: 31.12.2019).

к тайне предварительного расследования, которые возникают внутри расследования, и сведений, вносимых в уголовное судопроизводство извне и имеющих статус ограниченно доступных изначально.

С учетом указанного замечания представляется, что перечень данных, относящихся к тайне предварительного расследования в узком смысле, должен включать:

1) сведения, относящиеся к персональным данным сотрудников правоохранительных органов;

2) сведения о версиях совершения преступления, план следственных и процессуальных действий (до момента их производства);

3) сведения, относящиеся к персональным данным участника уголовного судопроизводства (с учетом его процессуального положения);

4) сведения о служебном взаимодействии между оперативными подразделениями и следователем при решении задач раскрытия и расследования преступлений;

5) сведения, являющиеся доказательствами по уголовному делу, а также выводы, сделанные в ходе изучения доказательственной информации.

Соответственно, тайна предварительного расследования в узком смысле сохраняется, пока она имеет свою актуальность для расследования. Причем такой режим работы с информацией распространяется и на лиц, чьи интересы затрагиваются указанным производством.

Уголовное дело насыщено различными видами информации, в том числе нуждающимися в особом режиме обращения, в связи с чем следователь обязан принять меры к защите этой информации и ограничить к ней доступ, принимая в расчет статус участника судопроизводства и вид дозируемой для него информации. Принцип гласности в досудебном производстве имеет свою специфику реализации, что предопределяет режим оборота информации.

Следователь, работая с информацией, должен заранее определять перспективы оперирования этой информацией, и в том числе будущее состояния режима хранения этой информации. Исходя из этого, он должен обеспечивать доступ к этой информации, но предупредить об ограниченном обороте ее распространения либо обеспечить полный запрет на доступ к этой информации, основываясь на ее характере и статусе лица в уголовном судопроизводстве.

Необходимо в данном случае понимать, что существует информация, которая должна быть в обязательном порядке доведена до участников уголовного судопроизводства (права, способы их реализации, информация, которая необходима для защиты их интересов, обязанности и ответственность участников); информация о движении уголовного дела, собранных доказательствах и принятых решениях, которая доводится на определенном этапе уголовного судопроизводства (ознакомление с материалами уголовного дела), и информация, которая вообще не доводится до лиц, участвующих в деле.

Исходя из вышеуказанного разделения информации, нами будет проведен анализ форм ограничения права на доступ к информации.

В контексте проблематики настоящего параграфа следует уяснить, что является формами ограничения права на доступ к информации.

В общетеоретическом аспекте «ограничения» – это меры, направленные на реализацию позитивных прав и свобод человека и гражданина, исключаящие нелегитимные способы их реализации. Ограничения есть форма реализации позитивных действий и исключение действий негативных. В теории права выделяют конституционно-правовые ограничения, ограничения, устанавливаемые законами, подзаконными актами, судебными решениями.

По субъекту ограничения классифицируют на ограничения прав физических и юридических лиц, а также общие (действующие для всех лиц) и индивидуальные (для конкретных лиц). По времени действия ограничения бывают: постоянного¹ или временного характера (на конкретный срок или в чрезвычайных условиях). В зависимости от специфики правового статуса лиц, чьи права подвергаются ограничениям, последние распространяются на иностранцев, государственных служащих, должностных лиц и т. п.

¹ При этом следует иметь в виду, что конституционные права не могут подвергаться такому постоянному ограничению, которое бы посягало на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания, о чем на основании правовых позиций Конституционного Суда РФ говорил В. Д. Зорькин (см.: Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке (К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=20> (дата обращения: 31.12.2019).

Согласимся с мнением А. А. Переверзева, который выделяет следующие основные черты правовых ограничений: они осуществляют регулятивно-системообразующую и охранительно-обеспечительную функции; внешней формой выражения правовых ограничений являются обязанности, установленные императивными нормами; правовые ограничения определяют границы поведения, выраженные в форме запретов (пассивное поведение) и обязанностей (активное поведение); правовые ограничения обеспечиваются государством путем применения к нарушителю разнообразных неблагоприятных санкций, характер которых зависит от той цели, на достижение которой направлено ограничение¹.

В целях нашего исследования интерес представляют формы правовых ограничений в виде обязанностей и запретов как соответствующих публично-правовой природе уголовного судопроизводства. Они могут адресоваться его субъектам. Очевидно, в уголовном судопроизводстве обязанности и запреты как формы ограничения права на доступ к информации по-разному «срабатывают» для властных субъектов и частных лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Таким образом, ограничение права на доступ к информации в досудебном производстве выражается в **двух основных формах**, а именно: обязанностях и запретах.

Формы ограничения права на доступ к информации зависят от характера информации, статуса лица и этапа производства по делу, на котором в той или иной степени проявляется принцип гласности либо на который распространяется тайна предварительного расследования.

При анализе форм ограничения права на доступ к информации в досудебном производстве весьма продуктивным представляется подход Г. А. Майстренко, примененный для характеристики ограничения любого конституционного права.

Так, к **основной форме ограничения прав и свобод человека и гражданина** последний относит **конституционные обязанности**, которые являются мерой должного поведения. Такие обязанности заставляют гражданина ограничивать себя в интересах других граждан или государственной безопасности.

¹ См.: Переверзев А. А. Указ. соч. С. 8.

Следующим видом таких ограничений являются **конституционные запреты**, которые выступают своего рода «пассивными обязанностями»¹. В данном случае законодатель возлагает на человека и гражданина обязанность отказаться от запрещенных действий под угрозой ответственности.

Соответственно, вышеуказанные формы ограничения права неразрывно связаны с таким понятием, как ответственность, которая выступает гарантией исполнения и соблюдения таких форм ограничений, как обязанность и запрет. Так, законодательно установленный для участников судопроизводства запрет разглашать данные предварительного расследования в случае его несоблюдения влечет уголовную ответственность (при условии, если участник был предупрежден об этом в порядке ст. 161 УПК РФ)².

Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что в УПК РФ специфически закрепляется статус участников уголовного судопроизводства в статьях, размещенных в главах 6–8 УПК РФ, где фактически минимально используются обязывающие нормы в традиционном изложении «обязан». Эту особенность подвергали критике некоторые ученые, которые отмечали, что эта «лингвистическая новация»³ противоречит постулатам общей теории права⁴. В результате в тексте указанных глав, по сути, отсутствуют графически закрепленные обязанности, которые «читатели» УПК РФ должны «выводить искусственным путем» из установленных запретов.

При таком построении норм УПК РФ о статусе участников уголовного процесса весьма сложно выявить текстуально выраженные обязанности участников. К числу положений, закрепляющих обя-

¹ См.: Майстренко Г. А. Формы (виды) ограничений основных прав и свобод и их конституционно-правовое закрепление // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. М., 2006. № 95. С. 88.

² Об ответственности за разглашение данных предварительного расследования см. далее.

³ Так, профессор Ю. К. Орлов назвал «лингвистической новацией» законодателя способ закрепления статуса специалиста и других участников судопроизводства (см.: Орлов Ю. К. «Обязан» или «не вправе»? К чему ведет «лингвистическая» новация в УПК РФ // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 44).

⁴ См.: Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 93–94; Зайцева Е. А. Дефекты юридической техники при разработке и модернизации УПК РФ как отражение уровня правовой культуры // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 125.

занности субъектов уголовного судопроизводства в контексте реализации и ограничения доступа к информации, можно отнести ч. 5 ст. 49 УПК РФ в редакции Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ¹, в которой в классической форме закреплена обязанность защитника, участвующего в производстве по уголовному делу, материалы которого содержат сведения, составляющие государственную тайну, «дать подписку об их неразглашении, принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц, а также соблюдать требования законодательства Российской Федерации о государственной тайне при подготовке и передаче процессуальных документов, заявлений и иных документов, содержащих такие сведения». Но такая законодательная техника, скорее, исключение из правил.

С определенной условностью к подобным обязанностям (как формам ограничения права на доступ к информации) можно отнести обязанность обвиняемого и подозреваемого соблюдать часть запретов, предусмотренных новой мерой пресечения в виде запрета определенных действий². Так, согласно пп. 2–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, обвиняемый и подозреваемый обязаны соблюдать запреты: посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а эти запреты напрямую связаны с ограничением конституционного права на доступ к информации.

Обратившись к анализу процессуального статуса конкретных участников уголовного судопроизводства (разд. II УПК РФ) в контексте законодательно установленных запретов, связанных с ограничением права на доступ к информации, видим, что запрет разглашать данные предварительного расследования при условии предупреждения об этом в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ,

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

² Здесь наблюдается четкая зависимость между установленными запретами и обязанностями их соблюдать. В противном случае на основании судебного решения может быть избрана более жесткая мера пресечения (вплоть до заключения под стражу). Кстати, замена меры пресечения на более суровую в теории уголовного процесса позиционируют как разновидность уголовно-процессуальной ответственности (см.: Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 25, 36–37).

предусмотрен для потерпевшего (п. 3 ст. 42 УПК РФ), гражданского истца (ч. 6 ст. 44 УПК РФ), защитника (ч. 3 ст. 53 УПК РФ), гражданского ответчика (п. 2 ч. 3 ст. 54 УПК РФ), его представителя, свидетеля (п. 3 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), эксперта (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ), специалиста (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), переводчика (п. 2 ч. 4 ст. 59 УПК РФ), понятого (ч. 4 ст. 60 УПК РФ). Применительно к представителям потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ), представителя гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ) указано, что они имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Заметим, что законодатель наделяет представителей такими же правами, что и представляемое лицо, ничего не говоря о соответствующих обязанностях.

Весьма актуальна проблема четкого нормативного закрепления обязанностей и запретов для участников уголовного судопроизводства на самом раннем этапе процесса – на стадии возбуждения уголовного дела. Современный законодатель склоняется к вытеснению из стадии возбуждения уголовного дела квазипроцессуальных, т. е. мнимо-, псевдопроцессуальных методов регулирования собирания доказательственной информации, придает отдельным из них уголовно-процессуальную форму, допускает результаты их применения в качестве доказательств, не требующих проверки в ходе предварительного расследования. И поскольку способы защиты охраняемых законом сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении, относятся к сфере уголовно-процессуальных отношений, то они должны соотноситься со статусом участника уголовного судопроизводства, ходатайствующего об ознакомлении с полученной информацией, быть соразмерными охраняемой законом тайне.

Эффективная защита прав лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, может быть обеспечена с помощью закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве индивидуального процессуального статуса конкретного участника, что позволило бы более четко отразить его положение в уголовном судопроизводстве. Это связано с тем, что государство в уголовно-процессуальной сфере особо озабочено соблюдением тайны предварительного расследования как одного из условий его эффективности, причем в отдельных случаях возникает необходимость в ограничении доступа к информации о ходе расследования даже для таких участников, как обвиняемый и потерпевший.

В то же время, данные участники уголовного судопроизводства испытывают высокую потребность в информации о проведенных сотрудниками правоохранительных органов следственных и процессуальных действиях, полученных в ходе расследования результатах и вынесенных процессуальных решениях. Согласимся с мнением В. А. Лазаревой, В. В. Иванова, А. К. Утарбаева, которые в своем пособии указали, что «информационный дефицит препятствует не только созданию ими помех в расследовании преступления, но и активному включению в уголовно-процессуальную деятельность путем реализации данных им законом прав»¹. Добавим к их позиции положение о том, что как подозреваемому (обвиняемому), так и потерпевшему необходимо предоставлять доступ к информации о действиях и решениях сотрудников правоохранительных органов, ведущих досудебное производство, в целях гарантирования реализации права на участие в доказывании, возможности по существу обжаловать процессуальные действия (бездействие) и решения, но при этом с разными границами их информационного режима.

Для участников уголовного судопроизводства это означает определение объема предоставляемой информации на том или ином этапе уголовного судопроизводства и установление конкретных запретов на отдельные виды информации, входящие в режим тайны предварительного расследования.

Кроме того, право на доступ к информации участников уголовного судопроизводства может ограничиваться и с учетом временных рамок. Иначе говоря, период с возбуждения уголовного дела и до признания следователем и дознавателем того, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления итогового процессуального акта (обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления), сведения о произведенных действиях, полученных доказательствах и принятых решениях доводятся до обвиняемого и потерпевшего, их защитников и представителей только в части. В указанный период они имеют возможность поступательно знакомиться с протоколом процессуального действия, принятым решением; получать копию принятого решения и ознакомиться с теми материалами уголовного дела, которые являлись

¹ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 241.

основанием для принятия решения¹. Однако при непосредственном окончании предварительного расследования (в порядке ст. 215 УПК РФ) перечисленными участниками обретается право на полное ознакомление с материалами уголовного дела (в объеме, обусловленном их статусом). Такой же правовой режим распространяется на гражданского истца и гражданского ответчика (их представителей), но только в той части материалов дела, которая относится к гражданскому иску.

Стоит добавить, что на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования следователь дозированно преада огласке определенную информацию в целях реализации процедуры доказывания в ходе досудебного производства. При окончании предварительного расследования лицо, ведущее расследование, предоставляет данные производства для ознакомления и реализации прав участников уголовного процесса. Это допустимо, так как доказательственная база собрана в полном объеме, достаточном для направления уголовного дела в суд, где предстоит слушание уголовного дела с участием заинтересованных лиц и публики (в случае открытого судебного заседания), так что нет необходимости скрывать информацию от участников уголовного судопроизводства.

Важную роль в соблюдении установленного ограничения права на доступ к информации играет предусмотренная законом ответственность за нарушение регламентированного информационного режима уголовного судопроизводства. Ответственность – это гарантия соблюдения установленных ограничений, как мы отмечали ранее.

Следователь, дознаватель в целях сохранения в тайне данных предварительного расследования уполномочены предупредить участников процесса о недопустимости разглашения этих сведений без соответствующего разрешения с их стороны, о грозящей участникам судопроизводства уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ в случае нарушения данной подписки.

Однако, как отмечает В. Е. Евсеенко, «на практике данная подписка следователями не всегда отбирается, так как структура ст. 161 УПК РФ позволяет следователю самому определять состав данных,

¹ Данный вопрос частично рассматривался К. Б. Калиновским при анализе проблемы ограничения права адвоката-защитника разглашать без разрешения следователя данные расследования (см.: Калиновский К. Б. КС РФ высказался о разглашении адвокатами тайны следствия // Уголовный процесс. 2015. № 11 (131). С. 11).

не подлежащих разглашению, и решать, в каких случаях следует отбирать подписку, а в каких – нет. ...При отобрании подписки о неразглашении данных доследственной проверки и предварительного расследования (дознания) не должно иметь место «усмотрение» должностного лица (следователя, дознавателя). Представляется, что декларативность соблюдения следственной тайны должна трансформироваться в гарантию реальной (а, следовательно, императивной) защиты сведений, составляющих как следственную тайну, так и охраняемые законом иные тайны... Уголовно-процессуальный закон должен содержать норму, предписывающую указанным должностным лицам отбирать подписку о неразглашении данных предварительного расследования (в том числе данных доследственной проверки), а также сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в обязательном порядке»¹.

Сегодня, согласно официальной статистике, по фактам совершения преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, за период с 2014 по 2019 г. в России были зафиксированы чуть более 20 случаев разглашений данных предварительного расследования. В 2014 г. нет осужденных. В 2015 г. два осужденных. При этом в 2016 г. прекращено одно уголовное дело по данной статье. Стоит отметить, что в период с 2017 г. по 1 полугодие 2019 г. по данному преступлению не было осуждено ни одного человека². *Из опрошенных нами 250 сотрудников органов предварительного расследования только один в своей практике сталкивался с расследованием преступления в отношении участников производства по уголовному делу, нарушивших запрет, установленный ст. 161 УПК РФ*³.

¹ Евсеенко В. Е. Статья 161 УПК РФ как средство обеспечения охраны сведений, составляющих охраняемую законом тайну, на досудебных стадиях уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 81.

² См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2006 г., за 2007 г., за 2008 г., за 2009 г., за 2010 г., за 2011 г., за 2012 г., за 2013 г., за 2014 г., за 2015 г., за 2016 г., за 2017 г., за 2018 г., за 1 полугодие 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.12.2019).

³ В ходе исследования нами было опрошено 250 респондентов из следующих регионов: Волгоградская область – 183 чел. (103 – орган предварительного следствия МВД РФ, 40 – дознание МВД РФ; 40 – орган предварительного следствия СК РФ); Тверская область – 11 чел.; Саратовская область – 11 чел.; Тамбовская область –

В настоящее время имеются различные мнения относительно «работоспособности» статьи 310 УК РФ. Например, В. Е. Евсеенко выделяет такую причину, как отсутствие в УПК РФ положений, содержащих в императивном порядке обязанность следователей, дознавателей обеспечить конфиденциальность сведений, полученных в процессе осуществления своих полномочий и составляющих охраняемую законом тайну¹.

Нам же представляется, что такая статистика обусловлена двумя причинами: во-первых, сложностью доказывания указанного вида преступления, а во-вторых, правоприменительной позицией в части получения подписки о неразглашении тайны предварительного расследования. *В ходе анкетирования следователи ОВД так ответили на вопрос: «Часто ли Вы предупреждаете участников уголовного судопроизводства о соблюдении режима тайны предварительного расследования?»: таких случаев не было – 48 % опрошенных, были единичные случаи – 41 % опрошенных, и только 10 % респондентов регулярно предупреждают участников в порядке ст. 161 УПК РФ. При этом из 51 % опрошенных, которые изредка или регулярно предупреждают участников о соблюдении тайны предварительного расследования, только 16 % отбирают письменную подписку, а 35 % ограничиваются устным предупреждением, что представляется нам неверным и неэффективным.*

Такая позиция сформировалась в связи с тем, в современных условиях указанная подписка является необязательным компонентом документационного обеспечения уголовного судопроизводства, из-за чего не срабатывает процедурный механизм ее использования. Если ранее правоприменителями использовались бланки процессуальных документов, предусмотренные в УПК РФ до 2007 г. (см. приложение № 50 к ст. 476 УПК РФ «Перечень бланков процессуальных документов досудебного производства» в редакции от 26 апреля 2007 г. № 64-ФЗ²), что влияло на наработку определенной практики

11 чел.; Республика Крым – 12 чел.; Воронежская область – 11 чел.; Астраханская область – 11 чел.

¹ См.: Евсеенко В. Е. Указ соч. С. 80–82.

² См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный

составления процессуальных документов, то теперь, когда глава 57 УПК РФ «Перечень бланков процессуальных документов» утратила силу в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ¹, многие следователи перестали составлять подписку в порядке ст. 161 УПК РФ.

Для обеспечения соблюдения тайны предварительного расследования необходимо превратить процедуру предупреждения об уголовной ответственности из формальности, которую правоприменитель часто забывает сделать, в реально действующий институт. Чтобы правоприменитель «проговаривал» эти последствия участникам судопроизводства и объяснял им угрозу наступления уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, необходимо внести соответствующие графы в виде обязательного компонента в бланки протоколов следственных действий. При этом такое разъяснение необходимо будет осуществлять вне зависимости от усмотрения следователя в случае, если сведения, которые стали известны в ходе следственного действия, относятся к охраняемой законом тайне.

В контексте анализа эффективности охранительного воздействия положений ст. 310 УК РФ следует также подчеркнуть, что они распространяются только на отношения, возникающие на стадии предварительного расследования, а это, как представляется, не совсем верно: сведения, нуждающиеся в защите от несанкционированного доступа, получают следователем, дознавателем, органом дознания и руководителем следственного органа и на стадии возбуждения уголовного дела. Однако отсутствие в ст. 310 упоминания о сохранении в тайне определенной информации на стадии возбуждения уголовного дела обнажает пробел в нормативном регулировании этого важного вопроса.

Здесь уместно упомянуть позицию законодателя, нашедшую воплощение в новеллах Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ², которым в ч. 1 ст. 307 УК РФ внесены изменения, рас-

кодекс Российской Федерации», а также в целях обеспечения реализации законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах: федер. закон от 26.04.2007 № 64-ФЗ // Российская газета. 2007. 11 мая.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

² О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 49 (ч. 5). Ст. 6969.

пространившие действие данной статьи не только на участников стадии предварительного расследования и участников судебных стадий уголовного процесса, но и на отношения, возникающие в целом в досудебном производстве. Это означает, что уголовная ответственность за заведомо ложные заключения эксперта, заведомо неправильный перевод переводчика наступает для указанных лиц и в случае, если противоправные действия осуществляются и на стадии возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что данная позиция законодателя правильная и давно ожидаемая: деяния, препятствующие нормальному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, общественно опасны независимо от того, осуществляются они на стадии предварительного расследования или на стадии возбуждения уголовного дела, на которой после 2013 г. расширены возможности формирования доказательств. А так как упор в доказательственной деятельности (особенно по фактам, расследуемым в форме сокращенного дознания) сделан на стадию возбуждения уголовного дела, то этот этап доказательственной деятельности должен быть обеспечен надежными гарантиями получения достоверной, качественной информации.

Указанное диктует объективную необходимость экстраполяции позиции законодателя, выраженной в Федеральном законе от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ, и на отношения, связанные с обеспечением сохранности информации, вовлекаемой в орбиту доказательственной деятельности субъектов проверки сообщения о преступлении. Это потребует внесения изменений в ст. 310 УК РФ, которая должна именоваться «Разглашение данных досудебного производства». Предлагаем следующую редакцию данной статьи:

«Разглашение данных *досудебного производства* лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя, дознавателя, лица, осуществляющего проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении...» – и далее по тексту.

Представляется целесообразным дополнить ст. 166 УПК РФ новой частью 11 следующего содержания: «Если в ходе следственного действия участнику уголовного судопроизводства обеспечивается доступ к государственной или иной, охраняемой законом тайне, следователь, дознаватель, лицо, осуществляющее проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, обязаны в порядке,

предусмотренном статьей 161 или частью первой статьи 144 настоящего Кодекса, разъяснить участнику ответственность за разглашение указанной тайны, о чем делается соответствующая отметка в протоколе следственного действия.».

Соответственно, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ также должны быть внесены коррективы: необходимо второе предложение в этой части изложить в следующей редакции:

«Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Данное изменение обусловлено тем, что ст. 161 УПК РФ регулирует порядок обеспечения сохранения тайны предварительного расследования, а не всего досудебного производства, так как указанная статья закрепляет одно из общих условий предварительного расследования. Полагаем, что более корректным будем исключение упоминания в ст. 144 УПК РФ общих условий предварительного расследования, так как эти правила не распространяются на стадию возбуждения уголовного дела. Предложенный нами вариант законодательных новелл, в отличие от существующего формата ст. 144, 161 и 166 УПК РФ, обеспечивает системность регламентации соответствующих отношений.

Изложенные выше наши предложения позволили бы, с одной стороны, предотвратить необоснованное разглашение данных предварительного расследования, а с другой – предать гласности те сведения, которые бы способствовали защите прав граждан, поскольку открытость деятельности государственных органов уменьшает число нарушений должностными лицами прав и свобод граждан, а также обеспечивает общественный контроль за данной деятельностью и выполняет профилактическую функцию.

Таким образом, можно констатировать, что ограничения конституционного права на доступ к информации в досудебном уголовном производстве представлены:

– запретом участникам уголовного судопроизводства на разглашение отдельных видов сведений, ставших им известными в ходе досудебного производства в связи с вмешательством в реализацию права на доступ к информации уполномоченных государственных органов (характеризуется активными действиями государственных органов и пассивным поведением личности);

– определением способа реализации права на информацию и обязанности участника уголовного судопроизводства соблюдать установленный законом информационный режим (это достигается путем наделения его конкретным статусом с установленной моделью поведения);

– установлением санкций, предусмотренных уголовным законодательством, как одного из способов добиться от участников уголовного судопроизводства соблюдения установленного законом информационного режима уголовного судопроизводства (в последнем случае выполнение установленных обязанностей и соблюдение запретов для участников стимулируется наличием ответственности, предусмотренной законом).

ГЛАВА 2

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

§ 1. Использование субъектами процессуальной проверки права на доступ к информации

В наш информационный век остро ощущается потребность в предоставлении субъектам проверки максимально полного доступа к информации о преступлении, чтобы после принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела не было волокиты с повторным анализом дополнительно полученных сведений, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. Именно поэтому в контексте нашего исследования **право на доступ к информации позиционируется по-новому: трактуется расширительно с учетом распространения его действия на публичных субъектов уголовного процесса, проявляющих «познавательный интерес» при проверке сообщения о преступлении ex officio – для достижения социально значимых целей.**

Для того чтобы обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства, у правоприменителей должен быть эффективный инструментарий. Однако в настоящее время явно не хватает новелл, которые бы воплощали в уголовно-процессуальной отрасли эту интерпретацию идеи права на доступ к информации, реализуемого властными субъектами для создания реальных гарантий безопасности участников уголовного процесса, разрешения поступивших сообщений о преступлении и расследования уголовных дел в разумные сроки в целях минимизации затрат уголовного судопроизводства.

Законное и обоснованное решение по результатам процессуальной проверки сообщения о преступлении является одной из гарантий справедливого правосудия. Для получения такого решения правоприменителям необходимо проводить всесторонне, полное и объективное изучение и оценку информации, собираемой ими в ходе проведения процессуальной проверки. В данном случае представляется,

что для правоприменителя становится важной возможность получения в кратчайшие сроки первичной информации, достаточной по объему для принятия решения.

Кроме того, еще одним важным аспектом следует признать тот факт, что стадия возбуждения уголовного дела является частью единой системы уголовного судопроизводства, и, соответственно, проводимая процессуальная проверка должна отвечать требованиям уголовно-процессуальной формы, что также накладывает свой отпечаток на требования, предъявляемые к собираемой информации. Кроме того, целью проводимой проверки является не раскрытие преступления¹, а установление наличия или отсутствия признаков преступления, оснований отказа в возбуждении уголовного дела, проверка законности повода к возбуждению уголовного дела, что предполагает получение и закрепление информации, имеющей доказательственное значение.

Лицам, проводящим процессуальную проверку сообщения о преступлении, предоставлено право на выполнение ряда процессуальных действий в целях установления наличия или отсутствия признаков преступления. Иначе говоря, государство наделило правоохранительные органы полномочиями, с помощью которых последние могут получать доступ к информации о различных аспектах деятельности граждан и организаций (в том числе – вопреки их воле), если эта информация имеет значение для проводимой процессуальной проверки.

При этом на различных стадиях досудебного производства реализация указанных полномочий имеет специфические пределы: для стадии возбуждения уголовного дела рассматриваемые пределы намного меньше, чем для стадии предварительного расследования. Данное обстоятельство обусловлено тем, что на стадии возбуждения уголовного дела происходит только проверка сообщения о преступлении и лишь на наличие или отсутствие признаков преступления, необходимых для принятия процессуального решения; она

¹ Справедливо в связи с этим пишет о негативной практике «установления сведений, которые бы достоверно указывали на наличие признаков всех элементов состава преступления» в ходе процессуальной проверки К. В. Муравьев (см.: Муравьев К. В. «Пропасть» между теорией и практикой возбуждения дел – результат уголовно-процессуальной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 454–457).

не направлена на установление всех обстоятельств преступления, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, как на стадии предварительного расследования.

Данная первоначальная стадия досудебного производства является наиболее проблемной для правоприменителя ввиду существенных ограничений доступа к информации, необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Кроме того, следует учитывать, что качество этой информации зачастую «оставляет желать лучшего», так как лица, участвующие в указанной процессуальной проверке, не подвергаются уголовно-процессуальному принуждению в связи с передачей информации, им также не грозит наступление уголовной ответственности за предоставление недостоверной информации.

Поэтому полагаем тактически верным решение законодателя закрепить способы получения информации, необходимой для проверки заявления (сообщения) о преступлении, в законе (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Однако приходится констатировать, что регламентация ряда проверочных мероприятий страдает фрагментарностью или вообще отсутствует в тексте уголовно-процессуального закона. Согласимся с мнением Н. В. Кривошекова, что законодатель, проведя преобразования средств процессуальной проверки, не установил процессуальный порядок производства отдельных действий, таких как получение объяснений, истребование и предоставление предметов и документов, кроме того, не закрепил их процессуальную форму, а также нечетко и двусмысленно сформулировал содержание нормативных положений о некоторых из них¹.

Отсутствие правовой определенности в регулировании указанных аспектов проверки сообщения о преступлении обуславливает дискуссионность применения отдельных способов получения первичной информации о преступлении.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ² в УПК РФ были внесены изменения: ст. 144 УПК РФ дополнена частью 1.2,

¹ См.: Кривошеков Н. В. «Непроцессуальные» процессуальные способы проверки заявлений, сообщений о преступлениях // Концепт. 2014. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprotsessualnye-protsessualnye-sposoby-proverki-zayavleniy-soobscheniy-o-prestupleniyah> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Данное положение возобновляет продолжавшуюся долгие годы полемику относительно признания за материалами, собранными в ходе проверки сообщения, доказательственного значения, что весьма актуально в контексте проблематики доказывания по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания¹.

Ученые, которые отрицали допустимость в качестве доказательств сведений, получаемых в стадии возбуждения уголовного дела, обосновывали свою позицию тем, что использование в доказывании материалов процессуальной проверки не предусмотрено законом², что указанные сведения получены без соблюдения процессуальной формы и порождают неустранимые сомнения в их достоверности³, а также допустимости⁴.

Традиционно выделяют ряд условий, выполнение которых гарантируют допустимость доказательства: надлежащий источник информации; надлежащий субъект доказывания; надлежащий вид способа

¹ Данную проблему, в контексте использования в качестве доказательств результатов ОРД, рассматривал С. Б. Россинский, который пришел к выводу о бессмысленности использования мнимых процессуальных форм легализации (таких как: допрос оперуполномоченных уголовного розыска, осмотр и приобщение в качестве вещественных доказательств протоколов и актов оперативно-разыскной деятельности и др.) и необходимости прямого, непосредственного использования в процессе доказывания результатов оперативно-разыскных мероприятий с определенными оговорками (см.: Россинский С. Б. Результаты оперативно-разыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 117–119).

² См.: Григорьева Н. Е. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 6; Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 43; Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 35.

³ См.: Шалумов М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 30.

⁴ См.: Богданов М. Н., Никитин Д. А. К вопросу об использовании объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-obyasneniya-v-hode-proverki-soobscheniya-o-prestuplenii> (дата обращения: 31.12.2019).

собираения доказательств; законная процессуальная форма собира-ния доказательств; законная процедура проверки доказательств¹.

Исходя из содержания ст. 74 УПК РФ, можно заключить, что за-конодатель не предусматривает в качестве самостоятельного источ-ника доказательств такой документ, как объяснение, посредством которого получается информация на стадии возбуждения уголовного дела.

Согласимся с мнением Н. С. Соколовской о том, что для стадии возбуждения уголовного дела законодателем не были установлены требования к получению и оформлению объяснения как доказатель-ства, в связи с чем допустимость получаемых в такой форме сведений может быть поставлена под сомнение².

Данные обстоятельства обнажают проблему, связанную с исполь-зованием во введенной в УПК РФ сокращенной форме дознания объяснения как доказательства, которое законодателем позициони-руется в качестве альтернативы показаниям (если сведения, изло-женные в объяснениях, не оспариваются участниками судопроиз-водства). В таких условиях единственная процессуальная форма доказательства, «подходящая» для объяснения – это использование его в качестве «иного документа» в порядке ст. 84 УПК РФ. Данная мера является вынужденной вследствие ряда причин, таких как: от-каз от ранее данных показаний, смерть участника уголовного судопроизводства. Необходимо понимать, что указанный вид доказа-тельства должен рассматриваться только в совокупности с другими доказательствами. Такой подход заявлен в гражданско-процес-суальном праве. Думается, что нет препятствий для апеллирования к нему по аналогии.

Так, в гражданском процессе объяснения сторон и третьих лиц могут являться доказательствами по гражданскому делу³, но необ-

¹ См.: Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 236–246.

² См.: Соколовская Н. С. К вопросу о возможности использования в качестве доказательств сведений, полученных в результате проверки сообщений о преступлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 63. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 106.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Российская газета. 2019. № 286.

ходимо иметь в виду, что в соответствии со ст. 68 ГПК РФ указанные объяснения, а именно содержащиеся в них утверждения и признания, должны гармонировать с совокупностью других доказательств.

Как отмечалось выше, проблемы предоставления доступа к информации субъектам, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, обусловлены также недостаточно четкой нормативной регламентацией такого проверочного мероприятия, как истребование. В правоприменительной практике сложилась процедура, когда при необходимости истребовать материалы от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц составляется письменный запрос со ссылкой на ч. 4 ст. 21 УПК РФ. В то же время в самой норме порядок составления такого запроса и сроки ответа на него не закреплены.

Существует несколько проблем, с которыми сталкиваются правоприменители при направлении запросов в организации и физическим лицам. Так, основную сложность составляет отсутствие нормы, содержащей процедуру и сроки направления такого запроса. Вряд ли можно считать исчерпывающей и достаточной регламентацию, закрепленную в ч. 4 ст. 21 УПК РФ, согласно которой «требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами». Из данной нормы правоприменитель не может установить какой-либо определенной формы и условия отражения результатов истребования в процессуальных документах. Ввиду чего на практике данное действие осуществляется по-разному: составляются различные документы, проводятся действия, не установленные уголовно-процессуальным законом. Так или иначе, указанная норма оставляет нерешенным вопрос о сроках исполнения запроса, которыми правоприменитель мог бы руководствоваться. В результате в силу такой неопределенности адресат запроса либо отказывает в предоставлении информации, либо инициатор запроса получает мотивированный ответ в несоразмерно длительный срок.

По нашему мнению, есть необходимость в дополнении УПК РФ новыми нормами, закрепляющими порядок направления данного

запроса, содержание самого запроса и установление конкретных сроков ответа на запрос лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. При этом в случае нереальности выполнения организацией или гражданином требования о предоставлении ответа в обозначенный срок, следует законодательно установить возможность продления такого срока путем направления официального уведомления.

Однако в описываемом алгоритме есть один уязвимый аспект, который закономерно порождает вопрос: насколько обеспечивается истребование документов государственным принуждением? Как отмечалось выше, требования, предъявленные в пределах компетенции определенного круга правоприменителей, обязательны для всех должностных лиц и граждан. Но в УПК РФ и других связанных с ним нормативно-правовых актах реального механизма обеспечения выполнения этих требований не закреплено¹. На стадии возбуждения уголовного дела субъекты проверки не располагают достаточными средствами принуждения, позволяющими обеспечить выполнение их законных требований.

Не случайно этой проблеме уделяли внимание и другие ученые². Так, И. А. Цховребова считает, что, несмотря на то, что истребование и представление являются двумя сторонами одного процесса, тем не менее, исходя из сложившейся практики, представление добровольным может и не быть. При этом как поступить правоприменителю в конфликтных ситуациях, сложившихся при проведении указанного процессуального действия, уголовно-процессуальным законом не установлено, что на практике вызывает трудности в применении норм закона³.

Следует отметить, что вопросы обеспечения исполнения требований согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ были предметом особого рас-

¹ Если не считать положения ст. 17.7 КоАП РФ, устанавливающие административную ответственность за невыполнение требований следователя и дознавателя. Эти положения предполагают, что запрос информации – вид требования, о котором идет речь в приведенной статье. В то же время ст. 5.39 КоАП РФ в этом плане более конкретна: устанавливает ответственность за отказ именно в предоставлении информации по запросу адвоката.

² См.: Кальницкий В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 64–71.

³ См.: Цховребова И. А. Обновленное правовое регулирование проверки сообщений о преступлениях // Публичное и частное право. М.: МПСИ, 2013. № IV (XX). С. 149–156.

смотрения в Генеральной прокуратуре РФ, которая в 2004 г. в связи с формированием неоднозначной правоприменительной практики подготовила методические рекомендации, посвященные основаниям и порядку применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания¹.

Полагаем вполне обоснованными суждения разработчиков указанных методических рекомендаций в части невозможности применения денежного взыскания в порядке ст. 117, 118 УПК РФ к участникам уголовного процесса, не упомянутым в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. К субъектам, к которым может быть применено денежное взыскание, относятся: потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик, понятой. Большая часть упомянутых субъектов отсутствует на стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, не этим участникам адресуют свои требования и запросы субъекты проверки сообщения о преступлении. Указанные обстоятельства препятствуют применению в качестве «мотивации» к исполнению запросов – возможности наложения денежного взыскания в порядке ст. 117, 118 УПК РФ на должностных лиц и граждан на стадии возбуждения уголовного дела.

Считаем вполне взвешенной позицию разработчиков анализируемых методических рекомендаций по применению к иным участникам уголовно-процессуальных отношений² административной ответственности в описываемой нами ситуации при неисполнении требований и запросов лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении. Как уже отмечалось, согласно ст. 17.7. КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении»³, «умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий,

¹ См.: О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: письмо Генпрокуратуры РФ от 30.03.2004 № 36-12-04. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Естественно, за исключением властных субъектов, которые сами наделяются полномочиями по применению различных мер государственного принуждения.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2019. 30 дек.

установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя...» является основанием для наложения административного штрафа в размере от 1 до 1,5 тысяч рублей на граждан. Те же действия, осуществленные должностными лицами, влекут штраф от 2 до 3 тысяч рублей или их дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 1 года. Весьма ощутимы последствия неисполнения запросов и требований компетентных органов для юридических лиц: от 50 до 100 тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Полагаем, что субъекты проверки при получении противодействия в предоставлении необходимой им для разрешения сообщения о преступлении информации должны в полной мере использовать арсенал административного воздействия, предусмотренный упомянутой ст. 17.7 КоАП РФ. *Однако никто из опрошенных нами 250 респондентов не указал в анкете, что используют в качестве меры воздействия к лицам, не предоставляющим ответ на запрос, потенциал административной ответственности, хотя с проблемами получения ответа сталкиваются многие правоприменители. Так, 78 % опрошенных следователей ОВД, 80 % следователей СК РФ и 70 % опрошенных дознавателей ОВД подтвердили, что вынуждены принимать меры при неполучении своевременного ответа на запросы, адресованные различным юридическим лицам.*

Представляется, что нормы об исполнении запроса субъектов проверки сообщения о преступлении уместно изложить в ст. 144 УПК РФ в виде новой части 1.3 следующего содержания:

«1.3. При проверке сообщения о преступлении следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и орган дознания вправе направлять учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам и гражданам обязательные для исполнения запросы о предоставлении предметов и документов. В запросе указываются сведения о должностном лице, его направляющем, по какому факту осуществляется проверка, сведения о физическом или юридическом лице, которому адресован запрос, сроки исполнения запроса, обязательность его исполнения согласно части четвертой статьи 21 настоящего Кодекса, а также ответственность за неисполнение в соответствии со статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Физическое или юридическое лицо, которому адресован запрос, в случае невозможности исполнить

запрос в установленные сроки вправе ходатайствовать перед инициатором запроса о продлении сроков его исполнения.».

Следующим проблемным вопросом «информационного характера», возникающим перед правоприменителем при проведении процессуальной проверки, является невозможность получения информации по совершенным операциям из банков, компаний сотовой связи, от интернет-провайдеров, а также скорость исполнения отдельных запросов правоприменителей.

В абсолютном большинстве случаев субъекту проверки сообщения о преступлении недостаточно первоначальной информации, содержащейся в заявлении, для принятия по нему законного и обоснованного решения. Учитывая, что немалое количество преступлений в настоящее время совершается с использованием средств связи, возможностей сети Интернет и с привлечением онлайн-ресурсов финансовых организаций, следует отметить, что принять взвешенное решение по таким материалам проверки в максимально короткий срок не представляется возможным. И тому есть объективные причины. Так, по указанным видам преступлений для принятия законного и обоснованного решения в связи с истребованием сведений по расчетному счету из финансово-кредитных организаций, данных об абонентах и их контактах из компаний сотовой связи, информации от интернет-провайдеров необходимо продление срока процессуальной проверки до 30 суток. Но, к сожалению, на практике данного месячного срока бывает недостаточно по следующим причинам.

На первоначальной стадии при проведении процессуальной проверки сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием вышеуказанных средств, в заявлении и объяснении заявителя (в зависимости от способа совершения преступления) отражаются сведения о принадлежащем ему абонентском номере, номере расчетного счета в финансово-кредитной организации, а также личной странице в социальных сетях, что требует обращения к интернет-компаниям, которые, предоставляют услуги в сети Интернет в сфере пересылки почтовых электронных сообщений и в сфере предоставления платформ, предназначенных для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете. В целях установления обстоятельств, указывающих на признаки преступления, данные о личности и местонахождении преступника, необхо-

димы точные сведения о его абонентском номере, расчетном счете в финансово-кредитных организациях, на который осуществлялось перечисление похищенных денежных средств, а также иная информация, на которую распространяется режим тайны (персональные данные, банковская тайна, тайна частной жизни). Без должного содействия банков, компаний сотовой связи, интернет-провайдеров правоприменителям не обойтись. На практике при направлении субъектами проверки сообщения о преступлении мотивированного запроса с требованием получения указанных сведений они сталкиваются с эффектом противодействия со стороны сотрудников организаций в предоставлении таких сведений, которые обоснованно ссылаются на необходимость соблюдения в тайне этих сведений, которые запрашиваются не по судебному решению. *Так, более 65 % опрошенных следователей ОВД и СК РФ ответили, что в рамках проверки сообщения о преступлении они сталкивались с необходимостью получения сведений о банковских счетах граждан, однако 56 % следователей ОВД и 55 % следователей СК РФ получали отказ кредитных организаций в предоставлении этих данных на основании ФЗ «О банках и банковской деятельности».*

В связи с этим актуальным представляется использование возможности истребования самим заявителем необходимых выписок из расчетного счета в кредитной организации, сведений из компаний сотовой связи и от интернет-провайдеров, которые обязаны предоставлять владельцу этой информации соответствующие сведения. При этом возникают другие проблемы, связанные с предоставлением не всей необходимой информации и отсутствием должной служебной дисциплины в вопросах быстроты направления и получения такого вида сведений заявителем или иным заинтересованным лицом.

Если проанализировать нормативное регулирование получения ответов на запрос из финансово-кредитных организаций, то можно заметить, что в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» указано, что «справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией при наличии согласия руководителя следственного органа органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве»¹.

¹ О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; Российская газета. 2019. 31 дек.

Буквальное толкование указанного нормативного установления приводит к выводу, что подобные запросы уместны только по уголовным делам, но не материалам процессуальной проверки. В связи с этим финансово-кредитные организации по материалам проверки сообщения о преступлении отказывают следователям в предоставлении необходимых сведений. Кроме того, для должностных лиц органов, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, эта же норма предписывает получение необходимых сведений только на основании судебного решения. Таким образом, резонно заключает О. И. Буцкова, должностное лицо, производящее процессуальную проверку, не имеет реальной возможности в трехдневный срок получить судебное решение по своему обоснованному ходатайству о разрешении проведения соответствующих процессуальных действий. Данный факт, естественно, приводит к необходимости продления срока процессуальной проверки сообщения о преступлении до 30 суток¹.

В описываемой ситуации у субъектов проверки сообщения о преступлении отсутствует возможность проанализировать в полном объеме обстоятельства проверяемого события на предмет уяснения наличия основания для возбуждения уголовного дела по сообщениям о преступлениях, где такого вида информация необходима (к примеру, о преступлениях экономической направленности), проверить причастных к совершению преступления граждан, а также юридических лиц, посредством которых реализовывалось преступное деяние. Это влечет не только увеличение временных затрат на проверку сообщения, но и в ряде случаев – приводит к потере потенциальных доказательств.

Кроме того, после возбуждения уголовного дела, когда начинается процедура получения и полноценного анализа вышеуказанной информации (с соблюдением всех установленных правил), у следователя (дознателя) остается мало времени для решения вопроса о применении меры пресечения. В условиях цейтнота он вынужден быстро реагировать и порой без должного анализа не в полном объеме

¹ См.: Буцкова О. И. Конфиденциальность персональных данных заявителя как препятствие принятию законного решения на стадии возбуждения уголовного дела о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети Интернет // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 118.

собранных данных применяет меры процессуального принуждения к лицам, подозреваемым в совершении данного преступления. Это в ряде случаев приводит к незаконному ограничению прав и свобод человека и гражданина, так как в дальнейшем после более тщательного и полного анализа информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, подозрение в совершении ими преступления может не подтвердиться. *Проведенное нами анкетирование 250 сотрудников органов предварительного расследования показало, что более 60 % опрошенных следователей испытывали трудности в ходе расследования со своевременностью принятия решения об избрании меры пресечения из-за ограниченных возможностей своевременного получения информации на стадии возбуждения уголовного дела. Не случайно около 85 % респондентов считает, что нужно предоставить следователю право запрашивать информацию у любых юридических лиц (государственных и негосударственных) до возбуждения уголовного дела.*

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: не препятствует ли существующий усложненный порядок, нацеленный на защиту персональных данных, банковской тайны, частной жизни гражданина, эффективной деятельности компетентных лиц при проверке сообщения о преступлении? Не способствует ли он ограничению более значимых конституционно охраняемых ценностей, таких как личная свобода и неприкосновенность гражданина, невольно вовлекаемого в уголовное судопроизводство в условиях дефицита информации у субъекта, принимающего решения на начальном этапе уголовного судопроизводства?

Думается, что назрела объективная необходимость упрощения процедуры получения информации из компаний сотовой связи, финансово-кредитных организаций и интернет-компаний¹. Согласимся с мнением О. И. Буцковой, которая также выступает сторонницей упрощения порядка получения вышеуказанных видов информации²

¹ Подробно см.: Свежинцев Е. И. Получение сведений от финансово-кредитных организаций, компаний сотовой связи и интернет-компаний на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правоприменения // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Караганда, 2018. С. 153–154.

² См.: Буцкова О. И. Конфиденциальность персональных данных заявителя как препятствие принятию законного решения на стадии возбуждения уголовного дела

и высказывается о целесообразности исключения процедуры получения разрешения суда на истребование данного вида информации от соответствующих организаций. *В ходе проведенного нами анкетирования более 60 % опрошенных следователей ОВД и СК РФ подтвердили, что операторы сотовой связи, интернет-провайдеры и организаторы распространения информации в сети Интернет (соцсети, сервисы общения и др.) на стадии возбуждения уголовного дела отказывают им в предоставлении сведений на основании их запросов, и только 27 % следователей ОВД отметили, что им удастся получить только сведения об абоненте, заключившем договор на оказание соответствующих услуг.*

Необходимый правовой механизм для получения таких сведений, по обоснованному мнению О. И. Буцковой, можно позаимствовать из предусмотренного УПК РФ порядка производства следственных действий в безотлагательном режиме, когда проводят, например, осмотр жилища с согласия проживающих в нем лиц без судебного решения. Соответственно, используя данный механизм, можно было бы ускорить получение информации до возбуждения уголовного дела в случае, если заявитель предоставит письменное согласие на доступ правоприменителю к сведениям об операциях по расчетному счету и вкладам заявителя, о входящих и исходящих сигналах соединений телефонного аппарата заявителя и о контактных данных аккаунта и переписки в социальных сетях¹.

Мы провели опрос по этой проблеме, и 75 % следователей ОВД, 67 % следователей СК РФ и 57 % дознавателей ОВД подтвердили, что пользуются помощью заявителей при получении информации от финансовых учреждений, операторов сотовой связи и интернет-провайдеров.

Таким образом, возможно для получения полного набора сведений из финансово-кредитных организаций, компании сотовой связи и интернет-провайдеров **брать от заявителя и лиц, чьи интересы затрагиваются в ходе проводимой проверки, согласие на получение его (их) данных по расчетным счетам в финансово-кредитных организациях, сведений об абонентских номерах, смс-**

о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети Интернет // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 119.

¹ См.: Буцкова О. И. Указ. соч. С. 119

переписке и графике звонков в компаниях сотовой связи и информации, находящейся на серверах интернет-компаний. Причем стоит заметить, согласие дается на получение исключительно сведений, возникающих в ходе информационных процессов, проходящих в период осуществления преступной деятельности. Указанное согласие правоприменитель будет направлять вместе с официальным запросом в соответствующую организацию. Такая процедура не будет нарушать требования ст. 7 ФЗ «О персональных данных»¹, ст. 63 ФЗ «О связи»².

В контексте доступа к информации на стадии возбуждения уголовного дела также необходимо обратить внимание на не совсем разумные сроки, установленные в законе «О персональных данных» для исполнения запроса субъекта персональных данных. Так, в ст. 20 ФЗ «О персональных данных» отражено право субъекта персональных данных (и его представителя) на доступ к ним в срок до 30 суток; для случаев повторно направляемого запроса установлено, что по общему правилу ответ оператора должен быть предоставлен не ранее чем через 30 дней после первоначального обращения или направления первоначального запроса (ст. 14 ФЗ «О персональных данных»). Таким образом, минимально возможный срок получения ответа на запрос возможен лишь к окончанию срока процессуальной проверки, что не позволит правоприменителю провести полный анализ информации, необходимой для принятия законного и обоснованного решения. Следовательно, целесообразно не инициировать запрос субъекта персональных данных соответствующему оператору в рамках действующего нормативного регулирования, а определить иной, более оптимальный порядок получения сведений персонального характера с использованием согласия владельца персональной информации.

Исходя из вышеизложенного, необходимо включить в ст. 144 УПК РФ новую часть 1.4 следующего содержания:

«1.4. Следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и орган дознания, осуществляющие процессуальную проверку сообщения о преступлении, вправе получать сведения, охраняемые зако-

¹ См.: О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451; СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 82.

² См.: О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 06.06.2019) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895; Российская газета. 2019. 7 мая.

ном, в отношении определенного лица на основании запроса, направляемого в организацию, располагающую соответствующими сведениями, с письменного согласия данного лица на предоставление указанных данных.».

Представляется, что такой порядок позволит в более короткие сроки получить необходимую информацию с соблюдением прав лиц, чьих интересов касаются истребуемые сведения.

Остается также открытой проблема осмотра на стадии возбуждения уголовного дела изъятых мобильных устройств ввиду того, что их осмотр может нарушить право граждан на тайну переписки и телефонных переговоров. И хотя в январе 2018 г. Конституционным Судом РФ было вынесено определение по жалобе Д. А. Прозоровского¹, правовые позиции высшего органа конституционного контроля не внесли должной правовой определенности в этот непростой вопрос.

В то же время, по мнению редакции журнала «Уголовный процесс», Конституционный Суд РФ указанным определением устраняет правовую неопределенность по вопросу осмотра изъятых мобильных устройств. При этом авторы утверждают, что суд разрешил следователям читать переписки с телефонов, планшетов и компьютеров без получения судебного разрешения². Не согласимся с данным мнением и, напротив, отметим, что Конституционный Суд РФ оставляет данный вопрос открытым и делает акцент на том, что правоприменителем может производиться осмотр в целях получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке (и в том числе – на стадии возбуждения уголовного дела). И такой осмотр не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Конституционный Суд РФ при этом дополняет, что граждане, считающие, что проведение соответствующих след-

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: Конституционный Суд разрешил следователям читать переписки с телефонов, планшетов и компьютеров без разрешения суда. URL: <https://www.ugpr.ru/news/2035-sledovateli-mogut-chitat-perepisku-s-telefonov> (дата обращения: 31.12.2019).

ственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе их праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, вправе приносить жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на указанные действия. Следовательно, Конституционный Суд РФ оставляет на усмотрение судей, осуществляющих последующий судебный контроль, вопрос о допустимости и недопустимости полученных таким образом сведений.

По сути, каждый раз осматривая мобильное устройство и содержащиеся на нем данные, следователь должен быть готов к тому, что при обжаловании его действий владельцем мобильного устройства суд может принять одно из двух решений: посчитать действия следователя законными либо нет. В каких случаях суд должен признавать полученные доказательства недопустимыми в описываемой ситуации – не известно. Полагаем, данное положение на практике продолжают толковать произвольно, что будет создавать проблемы и для правоприменителей, и для пользователей мобильных устройств.

Представляется, что по указанной жалобе Д. А. Прозоровского Конституционный Суд РФ должен был сформулировать более четкую правовую позицию, чтобы ликвидировать неопределенность возникшей ситуации. Стоит задуматься, что важнее – сохранить тайну переписки или получить необходимую доказательственную базу для пресечения дальнейшей преступной деятельности? Ответ нам видится очевидным – в случае проверки сообщения о преступлении в описываемых ситуациях предпочтение должно отдаваться публичным интересам. В условиях вызовов XIX века это объективная необходимость.

Отдельного внимания в контексте проблематики доступа к информации на стадии возбуждения уголовного дела заслуживает вопрос получения сведений, содержащихся в базах данных ГИАЦ МВД России.

Ведение централизованных учетов, баз данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, дактилоскопической, статистической и иной информации является одним из основных направлений деятельности федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ (далее – ГИАЦ).

¹ См.: Стрельцова С. А. Централизованные криминалистические и розыскные учеты, формируемые ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, уголовно-

В настоящее время использование, формирование и ведение автоматизированных централизованных криминалистических и розыскных учетов осуществляются ГИАЦ МВД России совместно с информационными центрами федерального и регионального уровней (далее – ИЦ), для чего используются интегрированные банки данных соответствующего уровня, кроме того, используются автоматизированные информационные системы и автоматизированные информационно-поисковые системы.

Согласно определению, данному С. А. Стрельцовой, интегрированная база данных представляет собой единую систему территориально распределенных банков данных коллективного пользования (программно-технический комплекс), обеспечивающих формирование и использование оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов, используемых в деятельности по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений; по установлению местонахождения лиц, объявленных в федеральный и межгосударственный розыск; по предупреждению и выявлению административных правонарушений, а также для подтверждения наличия (отсутствия) сведений о привлечении лица к уголовной ответственности, судимости, реабилитации, времени и месте отбывания наказания¹. Указанный автор классифицирует имеющиеся учеты как оперативно-справочные, криминалистические, справочно-вспомогательные, подчеркивая значимость содержащейся в них информации для доказательственной деятельности лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство².

Представляется, что правоприменитель, работая со всеми видами учетов, сможет максимально повысить эффективность как проведения процессуальной проверки, так и расследования уголовного дела. В настоящее время получение такой информации возможно только через уполномоченных лиц, и на практике оптимизации работы с учетами препятствуют такие ограничения, как регламент их работы и их загруженность. Кроме того, весьма «времязатратна» сама процедура связи с указанными уполномоченными лицами, что также

исполнительного права, преподавания учебных дисциплин криминологического цикла: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию образования юрид. фак-та (19–20 мая 2014 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 344.

¹ Там же.

² См.: Стрельцова С. А. Указ. соч. С. 345.

негативно сказывается на сроках процессуальной проверки сообщения о преступлении.

Сегодня согласно данным анкетирования 250 правоприменителей в нескольких регионах России более половины опрошенных сталкиваются с проблемой увеличения сроков проверки только из-за того, что не имеют быстрого доступа к таким базам данных. Например, так ответили 54 % опрошенных следователей органов внутренних дел.

Так, на практике складывается ситуация, когда лица, проводящие процессуальную проверку, не могут в короткие сроки получить значимую информацию из баз данных адресного бюро, налоговых органов, а также интегрированной базы данных регионального уровня (ИБД-Р), оперативно-справочной картотеки (ОСК)¹ и баз данных ГИБДД, так как это требует либо направления запроса в определенную организацию, либо обращения к сотруднику правоохранительных органов, имеющему доступ к базе ИБД-Р и ГИБДД. В тех случаях, когда делается запрос в различные ведомства и организации на получение информации, происходит потеря времени в связи с низкой скоростью обработки запроса и длительностью ожидания ответа на него. При получении информации непосредственно из баз данных ИБД «времязатратной» является процедура поиска уполномоченного лица, имеющего доступ к этим базам.

Сказанное актуализирует объективную необходимость скорейшей реализации комплекса мер, направленных на модернизацию и оптимизацию имеющихся баз данных и перевод их в электронный вид с предоставлением сотрудникам органов внутренних дел, осуществляющим ОРД, проверку сообщения о преступлении и предварительное расследование, доступа ко всем этим базам. Одним из вариантов такой оптимизации может быть создание единой базы данных, к которой также будут иметь доступ указанные лица.

¹ Интегрированный банк данных регионального уровня (ИБД-Р) является базой, в которой формируются и ведутся розыскные, криминалистические и профилактические учеты территориальных органов МВД России. В указанных учетах, соответственно, накапливается общая информация об объектах учета, а также связях объектов учета с учетными документами. Кроме того, существует связанная с ИБД-Р «оперативно-справочная картотека» (ОСК), в которой аналогично формируются автоматизированные оперативно-справочные учеты, аккумулирующие сведения о лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также осужденных за совершение преступлений.

Резюмируя вышеизложенное в данном параграфе, можно констатировать, что порядок истребования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, равно как и порядок представления их для приобщения к материалам проверки в качестве доказательств, не имеет четкой законодательной регламентации, что является существенным пробелом в законодательном регулировании данных действий.

Вряд ли можно отрицать принудительный характер истребования предметов и документов в порядке ст. 144 УПК РФ, в связи с чем нерешенной является проблема ограничения права собственности. Поэтому в случае, когда при истребовании предмета лицо не представило искомый предмет, необходимо решать вопрос об его изъятии в порядке, предусмотренном УПК РФ¹, тем более что возможность изъятия документов и предметов (без конкретизации) предусмотрена в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Однако следует согласиться с рядом авторов, что позиция законодателя в вопросах урегулирования порядка изъятия в ходе проверки сообщений о преступлениях весьма неоднозначна, а сформулированные нормы носят незавершенный, «половинчатый» характер².

Соответственно, наиболее эффективным являлось бы принуждение граждан и должностных лиц организаций к предоставлению предметов и документов, имеющих непосредственное значение для принятия законного и обоснованного решения по материалу процессу-

¹ Следует иметь в виду, что слово «изъятие» в тексте ст. 144 УПК РФ не предусматривает совершение субъектом проверки действий, образующих операционную структуру таких следственных действий, как обыск и выемка, производство которых до возбуждения уголовного дела законом не регламентируется. Поэтому вызывают возражение высказывания ряда авторов, о возможности осуществления изъятия в ходе этих правоограничительных действий, а также в ходе ареста почтово-телеграфной корреспонденции, ее осмотра и выемки (см.: Наумов А. М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7. С. 8–12; Калиновский К. Б. Изъятие предметов на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2014. № 5 (113). С. 8). Полагаем, что прав М. М. Сеидов, который предлагает дополнить УПК РФ положениями, конкретизирующими порядок изъятия предметов и документов в ходе осмотра места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела (см.: Сеидов М. М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 126).

² См.: Кривошецов Н. В. Указ. соч. С. 15.

альной проверки, но в то же время не содержащих информацию, которую надлежит получать только в порядке ст. 165 УПК РФ. Причем, как говорилось ранее, необходимо усилить административное воздействие за невыполнение указанного требования правоприменителя. Тем не менее, данные анкетирования следователей и дознавателей показывают, что принудительным ресурсом ст. 17.7 КоАП РФ субъекты проверки пользуются крайне редко.

К чему приводит отсутствие четкого механизма реализации права на доступ к информации в контексте познавательной активности субъектов проверки сообщения о преступлении? Если законодатель не регулирует оптимально те или иные значимые отношения, то практика выстраивает свои алгоритмы, используя существующие нормы УПК РФ для придания законного характера действиям и решениям. С учетом того, что качество и своевременность разрешения сообщения о преступлении находятся в сфере ведомственного контроля и прокурорского надзора, следователи стараются соблюдать формальные требования, предъявляемые к итоговым решениям на стадии возбуждения уголовного дела. Следователям в таких случаях проще несколько раз отказать в возбуждении уголовного дела (даже если постановление об отказе в возбуждении уголовного дела будет отменяться руководителем следственного органа или прокурором), чем принять поспешное решение о возбуждении уголовного дела без полного объема необходимой информации о преступлении.

Таким образом, озвученные выше проблемы предоставления правоприменителям информации не в полном объеме или не в разумные сроки порождают негативную по своей сути практику принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела – в целях получения нового срока проверки сообщения о преступлении через отмену указанного решения вышестоящим лицом (прокурором, руководителем следственного органа).

С нашей точки зрения, такая ситуация во многом связана, как отмечалось, с непродуманностью регулирования процедур получения информации на данной стадии и системы гарантий их надлежащей реализации. Чтобы минимизировать негативные аспекты сложившейся практики проверки сообщения о преступлении, следует законодательно закрепить для правоприменителей возможность получать полноценный доступ к информации, необходимой для принятия законного и обоснованного решения по сообщению о преступлении.

Нужно учитывать, что поиск этой информации осуществляется «не из праздного любопытства», а в целях установления факта совершения преступления – т. е. в публичных интересах. Следует принимать в расчет, что чем к большему количеству информации будет доступ у субъектов проверки сообщения о преступлении, тем качественнее и быстрее будет принято законное и обоснованное решение. Вообще можно сказать, что с развитием уголовного судопроизводства наблюдается устойчивая тенденция реформирования стадии возбуждения уголовного дела в части расширения арсенала средств доказывания¹, что, безусловно, должно найти отражение и в увеличении возможностей следователей и дознавателей получать необходимую для разрешения поступившего сообщения информацию.

§ 2. Специфика обеспечения права на доступ к информации лицам, чьи интересы затрагиваются при проведении проверки сообщения о преступлении

Проблемой реализации права на доступ к информации лицам, чьи интересы затрагиваются при проведении проверки сообщения о преступлении, является нечеткость нормативного регулирования в нескольких моментах. Прежде всего, неопределенность самого понятия «участники проверки сообщения о преступлении» и, соответственно, слабая регламентация их статусов, а также отсутствие полного и четкого перечня их прав и обязанностей. Сложности вызывает также и «дефицит» должного нормативного регулирования информационного обмена участников процессуальной проверки.

Понятие права на информацию в широком смысле – это, по сути своей, возможность информационного обмена между различными субъектами. При использовании широкого подхода те лица, которые участвуют в проверке сообщения о преступлении, должны обладать правами на представление дополнительной информации

¹ См.: Зайцева Е. А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V-й Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 апреля 2013 г. Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. С. 73–79.

субъектам проверки, а также получать информацию от следователя о результатах процессуальных действий и о результатах проверки сообщения о преступлении, если это решение касается их интересов.

Информационный обмен с участниками, которые не заинтересованы в исходе этой процессуальной проверки, и с теми участниками, которые заинтересованы в итоговом решении проводимой процессуальной проверки, будет различен не только по содержанию, но и по интенсивности такого потока сведений.

Естественно, что для лиц, чьих интересов касается итоговое решение, необходимо больше информации, чтобы определить достаточность и эффективность действий должностных лиц при проверке сообщения о преступлении, установить степень удовлетворения своего процессуального интереса, а при необходимости – инициировать обжалование данного решения в установленном законом порядке.

Кроме того, участники процессуальной проверки должны понимать, что им нельзя разглашать информацию, которую они узнали при участии в процессуальной проверке. Она не менее значима, чем информация на стадии предварительного расследования, защищаемая посредством института тайны предварительного расследования, тем более что информационный обмен осуществляется в самом начале производства, и разглашение ряда сведений может привести к самым отрицательным последствиям. Требуется законодательное решение проблемы сохранения в тайне информации, полученной в ходе процессуальной проверки, равно как и оптимальной регламентации информационных прав участников такой проверки.

Для того чтобы подчеркнуть значимость должного нормативного регулирования процесса оперирования информацией на начальных стадиях уголовного судопроизводства, целесообразно в качестве сравнения привести регламентацию сходных отношений в уголовном судопроизводстве Ирака. Отметим, что проблемы правообеспечения в совокупности с особенностями информационного обмена, выявляемые на примере Ирака, типичны и для уголовного процесса других государств, отказавшихся от стадии возбуждения уголовного дела, либо уголовно-процессуальное законодательство которых традиционно не предусматривало подобный этап судопроизводства. Так, в уголовном судопроизводстве Ирака можно выделить первоначальную стадию исследования и собирания доказательств, которая

схожа по целям со стадией возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве России.

Анализ отдельных норм УПК Ирака в части регламентации обмена информацией на этой стадии подтверждает негативный опыт использования англо-саксонской системы права¹: основанием возбуждения уголовного дела является сам факт поступления заявления от потерпевшего, его законного представителя или сообщения о преступлении от иных граждан. При этом согласно п. «б» ст. 47 УПК Ирака лицо при сообщении о преступлениях против внутренней или внешней безопасности государства, об экономических преступлениях, а также при сообщении о преступлениях, наказуемых смертной казнью или пожизненным лишением свободы, вправе получить статус секретного инициатора (агента). Субъект, осуществляющий фиксацию данного сообщения (следственный судья), должен будет зарегистрировать его личные данные в специальном журнале, который называется журналом секретных инициаторов сообщений (агентов). В дальнейшем во всех составляемых процессуальных документах этого агента указывают под присвоенным номером. После принятия данного сообщения органы расследования должны на его основе провести необходимые мероприятия, направленные на сбор, фиксацию информации, подтверждающей или опровергающей данное сообщение. При этом сотрудники органов расследования не вправе разглашать сведения о лице, сообщившем о преступлении².

Из вышеуказанного следует, что в отношении определенного круга лиц и по отдельным категориям преступлений сотрудники правоохранительных органов могут проводить полный комплекс следственных действий, в том числе ограничивающих права и свободы граждан, пользуясь средствами процессуального принуждения. Учитывая секретность вышеуказанных агентов, логично заключить, что могут возникать необоснованные ограничения прав граждан. Существующее положение закона привело к большому количеству нарушений прав личности и увеличению числа необоснованно возбужденных дел, по которым в отношении обвиняемых избирается

¹ См.: Ахмед К. С. А. Гарантии прав граждан при приеме заявлений и сообщений о преступлении и при их проверке // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3. С. 10.

² Там же. С. 8.

мера пресечения в виде заключения под стражу; тем самым без законных оснований ограничиваются конституционные права граждан, так как примерно половина таких сообщений о преступлениях оказываются ложными¹.

Вышеуказанный пример показывает нам негативные последствия отказа от стадии возбуждения уголовного дела и расширения правомочий правоохранительных органов. По нашему мнению, наиболее оптимальной является такая модель судопроизводства, которая не исключает стадию возбуждения уголовного дела, а реализует концепцию получения большего количества информации, необходимой для принятия законного и обоснованного решения по процессуальной проверке, с минимальным ограничением прав и свобод граждан и, в частности, информационных прав граждан.

Опираясь на вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что ценность данной стадии в уголовном судопроизводстве России заключается именно в том, что законодатель ограничивает возможность беспрепятственного вмешательства в сферу охраняемых Конституцией РФ прав граждан только теми действиями, которые необходимы для установления основания возбуждения уголовного дела.

При осуществлении проверочных мероприятий, сопровождаемых ограничением конституционных прав граждан, нужно учитывать, что они допустимы только тогда, когда есть информация, что совершено преступление. При совершении преступления у публичных субъектов появляется законное основание для осуществления различных правоограничительных действий, которые выступают адекватной реакцией на совершенное преступление. Пока правоприменитель не установил признаки преступления, он не имеет права применять в полной мере государственное принуждение и вторгаться в сферу охраняемых Конституцией прав граждан, в том числе тех прав, которые связаны с определенной информацией (частная жизнь, тайна переписки, телеграфных и почтовых и иных сообщений). Ведь не случайно запрещено проводить следственные действия такого характера до возбуждения уголовного дела. При проведении оперативно-разыскной деятельности оперативно-разыскные мероприятия правоограничительного характера могут быть осуществлены только с разрешения судьи при наличии к тому законных оснований.

¹ См.: Ахмед К. С. А. Указ. соч. С. 10.

Необходимо учитывать, что на стадии возбуждения уголовного дела, а также на последующей стадии предварительного расследования установлен особый режим обращения с информацией. Если существующий открытый режим информационного обмена в суде обусловлен действием принципа гласности, способствующего защите интересов личности, которая предстает перед судом в условиях, когда стороной обвинения собраны доказательства совершения преступления (соответственно, нет необходимости сохранять в тайне все обстоятельства совершения преступления, за исключением случаев, которые предусмотрены законом, как ограничения для гласности), то в досудебном производстве с учетом того, что «судебная перспектива» уголовного дела неизвестна, преждевременное разглашение ряда сведений способно повлиять на результативность сбора доказательств, обеспечение безопасности участников и ход предварительного расследования в целом. Поэтому в досудебном и судебном производстве для участников уголовно-процессуальных отношений устанавливается различная «дозировка» доступа к информации.

При этом получается, что в системе действующего нормативного регулирования лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, могут приобрести впоследствии статусы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства. В то же время на стадии возбуждения уголовного дела они, обладая различными интересами, имеют примерно одинаковый «набор прав», что вызывает большие опасения за дальнейшее соблюдение ими информационного режима в рамках процессуальной проверки и будущего уголовного дела.

Из изложенного следует, что реализация права на доступ к информации непосредственно связана с правильным пониманием круга участников проверки сообщения о преступлении, их классификацией и наделением конкретным объемом полномочий для использования данного права.

Тем не менее буквальное толкование закона в части регулирования статуса участников проверки сообщения о преступлении показывает непоследовательность позиции законодателя, который использует три разных термина, обозначающих одних и тех же лиц:

– лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении;

- участники проверки сообщения о преступлении;
- участники досудебного производства.

Проводя анализ указанных положений УПК РФ, А. П. Рыжаков считает, что к «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», стоит отнести всех участников процессуальной проверки сообщения о преступлении, которые наделены уголовно-процессуальным законодательством правами и (или) обязанностями. Кроме того, автор проводит градацию видов указанных субъектов, а именно: 1) орган предварительного расследования (следователь, дознаватель и др.); 2) лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; 3) защитник лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; 4) законный представитель лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; 5) пострадавший; 6) законный представитель пострадавшего; 7) очевидец; 8) заявитель; 9) эксперт; 10) специалист; 11) врач; 12) педагог; 13) понятой; 14) иные лица¹.

В то же время такие ученые, как Е. А. Зайцева², К. А. Наумов³, Р. З. Шамсутдинова⁴, приходят к выводу о том, что законодатель наделил участников уголовного судопроизводства универсальным набором прав (производным от конституционного статуса личности), которым может воспользоваться каждое лицо, вовлеченное в процесс проверки сообщения о преступлении. Однако выход из проблемы,

¹ См.: Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 51–52.

³ См.: Наумов К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-na-zaschitu-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provo-ditsya-dosledstvennaya-proverka> (дата обращения: 31.12.2019).

⁴ См.: Шамсутдинова Р. З. К вопросу о статусе участников стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2014. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-statuse-uchastnikov-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovno-go-dela> (дата обращения: 31.12.2019).

связанной с увеличением объема прав отдельным лицам указанного процесса, каждый видит по-разному.

Рассмотрим позицию Е. А. Зайцевой по вопросам определения понятий участников досудебного производства и увеличения объема их прав, чтобы через призму такого подхода раскрыть объем предоставляемых участникам проверки сообщения о преступлении информационных прав.

Так, Е. А. Зайцева соотносит таких лиц, вовлеченных в проверочную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела, как: «участники досудебного производства», «участники проверки сообщения о преступлении», «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», с такими философскими категориями, как «общее» – «особенное» – «единичное», где с категорией «общее» ассоциируется обозначение участников досудебного производства (под ними автор подразумевает не только участников стадии возбуждения уголовного дела, но стадии предварительного расследования), подмножеством которого является «особенная» категория «участники проверки сообщения о преступлении». Под «частным случаем» «участников проверки сообщения о преступлении» автор подразумевает «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». Указанный вывод вполне логичен и вытекает из смыслового содержания рассматриваемых терминов с учетом объема понятий, которые они обозначают. Однако, как отмечает автор, законодатель не применяет данные смысловые оттенки в использовании рассматриваемых категорий при формулировании новелл Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, вместо этого употребляя их как синонимы для обозначения довольно широкого круга лиц, порой некорректно формулируя нормы, определяющие их полномочия. Выход из данной ситуации, предлагаемый Е. А. Зайцевой, представляется эффективным, а именно: наименование лица, вовлеченного в процесс проверки сообщения о преступлении, более точным и полным термином «участник проверки сообщения о преступлении» – с закреплением универсального перечня прав такого участника и детализацией некоторых особенных прав отдельных категорий этих участников¹.

¹ См.: Зайцева Е. А. Указ. соч. С. 52.

Полагаем, такое изменение уберет неоднозначное понимание правоприменителем сущности правового статуса лица, вовлеченного в процесс проверки сообщения о преступлении, позволит участникам проверки пользоваться универсальным набором прав в ходе возникающих на стадии возбуждения уголовного дела отношений.

Именно в этом концептуальном ключе следует анализировать право на доступ к информации участникам проверки сообщения о преступлении. Объем такого доступа к информации будет зависеть от индивидуального статуса участника проверки сообщения о преступлении, обусловленного его процессуальным интересом: каждый из участников процессуальной проверки должен иметь свой набор информационных прав, который позволит ему получать необходимый объем сведений о проводимой процессуальной проверке.

С учетом наличия и объема проявляемого процессуального интереса необходимо **классифицировать лиц, участвующих в процессуальной проверке сообщения**¹, для точного распределения между ними комплекса информационных прав:

- лица, чьи интересы затронуты при проведении процессуальных действий в рамках проверки сообщения о преступлении;
- лица, заинтересованные в итоговом решении в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении (заявитель и, в частности, лицо, заявившее о совершенном в отношении него преступлении, подозреваемый);
- эксперт, специалист, понятые и переводчик, статус которых должен быть идентичен на всех судебных производствах;
- адвокат, чей правовой статус произведен от статуса лица, которого он представляет.

Исходя из нашей классификации, базовым объемом информационных прав наделяются лица, чьи интересы затронуты при проведении процессуальных действий в рамках проверки сообщения о преступлении. К таким лицам мы будем относить очевидцев преступления (к ним относятся лица, обладающие информацией, значимой для проверки сведений о признаках преступления, иными словами, – потенциальные свидетели), понятые, «представители организаций» (по делам экономической направленности).

¹ Подробно см.: Свежинцев Е. И. Право на доступ к информации лиц, чьи интересы затронуты при проверке сообщения о преступлении // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. Вып. 3. С. 201–206.

Но в то же время специалисты, эксперты и переводчики выделены в отдельную группу, так как информационный обмен с ними обусловлен их целевым предназначением в уголовном судопроизводстве – способствованием правосудию с использованием их специальных знаний, в связи с чем объем доступа этих участников к информации, содержащейся в материалах проверки сообщения о преступлении, будет иным.

Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает разъяснение лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Из данной нормы следует, что в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть закреплён конкретный перечень прав, которыми обладают участники проверки сообщения о преступлении, однако в действительности законодатель его не формулировал.

Вспользуемся обобщенным перечнем (который приводит Е. А. Зайцева), отражающим уголовно-процессуальный статус «участника проверки сообщения о преступлении». Прежде всего, в него входят права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и вытекающие из ряда конституционных положений (ч. 1 ст. 20, ст. 46, ч. 1 ст. 48, ст. 51 Конституции РФ): 1) право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; 2) право пользоваться услугами адвоката; 3) право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ; 4) право требовать обеспечения безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ¹.

В то же время необходимо понимать, что указанный минимальный набор прав не сможет нормально реализовываться без соответствующего доступа к информации, содержащейся в материалах процессуальной проверки. Соответственно, участникам необходимо предоставить аналогичный минимальный набор информационных прав.

Базовый объем доступа к информации, находящейся в материалах процессуальной проверки, должны иметь лица, чьи интересы затро-

¹ См.: Зайцева Е. А. Указ. соч. С. 52.

нуты при проведении процессуальных действий в рамках проверки сообщения о преступлении, чтобы они могли иметь возможность защищать свои права и свободы, не допускать их необоснованного ограничения со стороны правоохранительных органов. К этим лицам необходимо отнести очевидцев, понятых, представителей организаций. Исходя из тех целей, для которых им необходимо право на доступ к информации, можно выделить следующие права (возможности):

- право получать разъяснение имеющихся у них прав и обязанностей;

- запрашивать информацию об их участии в следственных и процессуальных действиях в рамках проверки сообщения о преступлении (возможно, она понадобится для подачи жалобы именно на это действие);

- знать о местонахождении и возможности возврата изъятых у них или предоставленных ими предметов и документов, имеющих доказательственное значение в рамках проводимой проверки сообщения о преступлении.

При этом указанных лиц необходимо предупреждать о недопустимости разглашения сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, так как эти сведения могут стать данными предварительного расследования в случае возбуждения уголовного дела (соответствующие новеллы предложены нами в параграфе 3 главы 1 настоящей монографии).

Что касается эксперта, специалиста и переводчика, то они должны быть наделены теми правами, которые необходимы им для надлежащего исполнения своей функции. Функция у них обусловлена участием в доказывании как «сведущих» лиц, не имеющих заинтересованности в исходе дела. Поэтому те права, которые у них имеются на стадии предварительного расследования, должны быть актуальны и для стадии возбуждения уголовного дела. Соответственно, и объем их прав должен быть одинаков на всех стадиях досудебного производства.

С этой целью, во-первых, необходимо законодательное закрепление тезиса о действии их статуса в полном объеме и на стадии возбуждения уголовного дела: если они участвуют в производстве процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении, то они наделяются совокупностью прав

и обязанностей, установленных соответствующими статьями уголовно-процессуального закона (ст. 57–59 УПК РФ), которые регламентируют их процессуальное положение.

Во-вторых, необходимы некоторые корректировки прав этих лиц с учетом стадии, на которой они реализуются. Так, в имеющейся редакции закона, а именно в п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, отмечено, что эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы, но в то же время ничего не сказано о материалах процессуальной проверки, несмотря на то, что с 2013 г. действуют нормативные положения о возможности проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

Относительно специалиста также имеется неполнота регулирования права на доступ к информации, находящая свое отражение в непредоставлении права знакомиться с материалами как процессуальной проверки, так и уголовного дела, для заключения по вопросам, поставленным сторонами. Без соответствующего права последний так же, как и эксперт, будет лишен возможности дачи обоснованного и полноценного заключения.

Особую категорию составляют лица, заинтересованные в итоговом решении в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении. Их информационные права в контексте оптимального информационного обмена необходимо рассматривать сквозь призму естественно-правовой доктрины. Когда в ходе процессуальной проверки затрагиваются интересы участников (частных лиц), обусловленные вовлечением их в процесс в связи совершением в отношении них преступления либо вовлеченными в процесс в связи с подозрением, что они совершили преступление, соответственно, они должны иметь доступ к информации, касающейся их личных интересов. По нашему мнению, их доступ к информации, содержащейся в материалах процессуальной проверки, должен обеспечиваться только в той мере, в какой данная информация касается интересов указанных лиц.

Рассмотрим отдельные права, которые могут быть предоставлены указанным лицам, и проанализируем уже имеющиеся. Так, примером частичного законодательного решения данной проблемы (на наш взгляд, не совсем удачного) может служить предоставление стороне защиты и потерпевшему «отсроченного во времени» права на озна-

комление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта в том случае, если экспертиза была проведена до возбуждения уголовного дела (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

При этом Е. А. Зайцевой по данному тезису делался вывод о том, что по замыслу законодателя необходимость удовлетворения ходатайства указанных лиц о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы служит «компенсацией» за несвоевременно предоставленную возможность участникам проверки права на ознакомление с материалами экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, а также своеобразной «компенсацией» за отсутствие комплекса прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ, для случаев проведения судебной экспертизы по уже возбужденному уголовному делу. Такое законодательное решение представляется не совсем рациональным: оно приводит к увеличению нагрузки на экспертные учреждения за счет дублирования судебных экспертиз на стадии предварительного расследования, а также влечет несвоевременное наделение эффективными правами участников со стороны защиты и потерпевшего, которые могут воспользоваться ими только по завершении проверки в рамках уже возбужденного уголовного дела¹. Более того, в литературе это отмечается как негативный аспект, препятствующий широкому внедрению экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, так как правоприменители опасаются подачи после возбуждения уголовного дела ходатайств о назначении дополнительных и повторных экспертиз².

Следует согласиться, что наилучшим вариантом законодательного решения в данном вопросе было бы наделение указанных участников стадии возбуждения уголовного дела комплексом прав, предусмотренных ст. 198 и 206 УПК РФ – это наиболее действенный способ защиты их интересов³. Хотелось бы дополнить, что указан-

¹ См.: Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1(45). С. 42.

² См.: Зайцева Е. А., Ашуров В. К., Сидоренко О. В. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 115–116.

³ См.: Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 52; Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголов-

ный комплекс прав наиболее полно и сбалансированно обеспечивает доступ к сведениям, которые прямо затрагивают интересы гражданина и непосредственно влияют на итоговое процессуальное решение по материалу проверки сообщения о преступлении. Это связано с тем, что лица, чьи интересы затрагиваются при проведении указанной экспертизы, смогут не только знать, какие вопросы поставлены на разрешение эксперту, но и заявлять ходатайства о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов, о привлечении иных экспертов, что позволит не дублировать бесосновательно проведение дополнительных и повторных экспертиз по возбужденному уголовному делу.

Дальнейшее исследование вопроса о предоставлении возможности ознакомления с документами, содержащимися в материалах процессуальной проверки, лицам, чьи интересы затронуты этой проверкой сообщения о преступлении, приводит нас к выводу, что такая процедура должна иметь ограничения. Целесообразно давать возможность указанным лицам знакомиться лишь с материалами тех процессуальных действий, при производстве которых они присутствуют, либо которые проводятся в их отсутствие, но по заявленному ими ходатайству. Дело в том, что участник проверки (потенциальный подозреваемый) может ходатайствовать о производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на опровержение сведений о возможной причастности его к совершению преступления, о наличии в его действиях признаков преступления. Поэтому результаты таких следственных действий имеют существенное значение для защиты прав и интересов указанных лиц. Именно по этим соображениям необходимо предоставлять им материалы подобных проверочных действий, инициированных ими. В остальном же, полагаем, нет необходимости в наделении указанных лиц правом на ознакомление с иными материалами процессуальной проверки сообщения о преступлении, потому что это может привести к «утечке» информации, являющейся основой для формирования доказательственной базы. Это чревато изменением объяснений очевидцев преступления, уничтожением еще не изъятых следов преступления, возможностью скрыться потенциальному подозреваемому от компетентных органов.

ного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1(45). С. 44.

Рассматриваемые вопросы напрямую связаны с объемом предоставляемой участнику стадии возбуждения уголовного дела информации и по окончании процессуальной проверки. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицо вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Причем необходимо понимать, что в большинстве случаев указанное право используется не столько для восстановления нарушенных прав, а для получения доступа к документам, имеющимся в материале процессуальной проверки. С учетом позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3-П, о том, что гражданам должны предоставляться для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие их права и свободы, даже если такое право прямо не предусмотрено законом¹, можно предположить, что потенциальный подозреваемый сможет получить доступ к сведениям, которые в дальнейшем лягут в основу доказательственной базы, что приведет к нежелательным последствиям, о которых уже говорилось выше.

Выходом из данной ситуации может послужить **дифференцированная регламентация процедур реализации указанного права**. Эта регламентация должна зависеть от выносимого решения по материалу проверки и от статуса лица, наделяемого соответствующим правом.

Так, в случае если лицо, чьи интересы затронуты **постановлением о возбуждении уголовного дела**, подаст жалобу на это решение в порядке ст. 124 и ст. 125 УПК РФ, то наиболее удачным представляется максимальное ограничение в предоставлении документов, послуживших основой для принятия данного решения. По сути, с момента возбуждения уголовного дела сведения, содержащиеся в материалах проверки, попадают под действие режима тайны предварительного расследования, предусмотренного ст. 161 УПК РФ, и не подлежат огласке без разрешения следователя (нами предлагается

¹ См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

расширить действие этого режима на все досудебное производство – см. параграф 3 главы 1 настоящей работы).

В случае же вынесения **постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица** подача последним жалобы на данное решение возможна только в редких случаях, связанных с применением нереабилитирующих оснований для отказа в возбуждении уголовного дела либо оснований, не исключающих гражданско-правовые претензии потерпевших от его деяния лиц. В этих ситуациях лицу, в отношении которого выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо предоставить доступ к материалам проверки, послужившим основанием для принятия соответствующего решения, чтобы это лицо имело возможность обжаловать указанное решение в целях вынесения более благоприятного для него правоприменительного решения по результатам проверки сообщения о преступлении.

Однако если выносится постановление, содержащее решение в его пользу, этим решением его права не ограничиваются, так как происходит «позитивное разрешение» правового спора для этого лица. Соответственно, это лицо не нуждается в особом режиме благоприятствования для защиты его интересов и прав, которые данным решением не ограничиваются, а даже наоборот – защищаются, потому что такое постановление исключает возможность осуществления уголовного преследования или любого иного ограничения его прав.

Безусловно, иначе должны выстраиваться отношения с **лицом, подавшим заявление о совершенном преступлении**: для заявителя в целях подготовки мотивированной жалобы недостаточно только одного уведомления о принятом решении, а напротив, необходимо изучить не только текст постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но и ознакомиться со всеми материалами процессуальной проверки, на основании которых принято это решение, в связи с чем предоставление последнему доступа к материалам процессуальной проверки оправдано. Ведь в данном случае выносится решение, которое не дает заявителю реализовать свое право на судебную защиту его нарушенных прав либо на реализацию публичного интереса в преследовании лиц, совершивших преступление не в отношении него. Поэтому, чтобы удостовериться в объективности проведенной проверки и мотивированности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, заявителю необходимо знакомиться с материалами процессуальной проверки.

При этом на сегодняшний день в правоприменительной практике сложилась не совсем корректная процедура предоставления материалов как процессуальной проверки, так и частично материалов уголовного дела, содержащих информацию, затрагивающую права указанных лиц. Согласно изученным материалам по жалобам участников досудебного производства в порядке ст. 125 УПК РФ¹ видится такая «следственная технология», когда после регистрации подобной жалобы в суде органы предварительного расследования все-таки представляют заявителю необходимые документы, после чего на судебном заседании инициируется процедура прекращения производства по жалобе в связи с отсутствием предмета жалобы. По сути, пока участник досудебного производства не инициирует указанную жалобу, правоприменители не предоставляют им для ознакомления материалы, касающиеся их процессуальных интересов, что дает основание для вывода об ограничении конституционного права на доступ к информации в рассматриваемых случаях. *Так, 19 декабря 2016 г. судья Дзержинского районного суда г. Волгограда прекратил производство по жалобе М. от 22 ноября 2016 г., который обжаловал бездействие сотрудников отдела полиции, выразившееся в непринятии решения по его заявлению о преступлении в надлежащие сроки и в непредоставлении ему информации по материалам проверки № 239 (КУСП 38088). После подачи заявителем жалобы в суд 2 декабря 2016 г. представитель отдела полиции направил ему необходимые сведения. В связи с чем судья постановил прекратить производство по жалобе М. в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие Отдела полиции № ... УМВД России по г. Волгограду, выразившееся в непредоставлении информации о принятом решении по сообщению о преступлении².*

Кроме того, имеются случаи принятия решения в виде вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении неустановленного лица. Такие решения часто используются правоприменителями для дальнейшей их отмены субъектами контрольно-надзорных полномочий и установления нового срока процессуальной проверки, так как по отдельным категориям дел, в частности по некоторым преступлениям в сфере экономики,

¹ См.: Приложение № 2.

² См.: Архив Дзержинского районного суда г. Волгограда. Дело № 3/10-138/2016.

максимального срока процессуальной проверки (30 суток) «катастрофически» не хватает¹.

Тем не менее на указанное решение иногда приносят жалобы лица, в отношении которых фактически осуществляется изучение их персональных данных, проверяется их причастность к совершенному преступлению, хотя в итоговом решении об отказе в возбуждении уголовного дела сведения об этих лицах не приводятся.

Однако следует понимать, что фактически жалобы на решения правоприменителей в ходе и по итогам процессуальной проверки могут заявляться лишь в том случае, когда это решение затрагивает права и интересы инициатора жалобы. Таким образом, в данной ситуации формально их права и интересы не затрагиваются, и, соответственно, в удовлетворении подобной жалобы будет отказано. Конечно же, никаких сведений из материалов процессуальной проверки данному лицу предоставлять не следует.

Отдельного анализа требует проблема реализации права на доступ к информации лицом, заявившим о совершенном в отношении него преступлении², и подозреваемым.

Начнем с лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, как инициатора процессуальной проверки. Именно он, по нашему мнению, должен обладать особым объемом доступа к материалам проводимой процессуальной проверки.

Раскрывая понятие и процессуальный статус лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, стоит отчасти со-

¹ Так, 20 декабря 2016 г. судьей Центрального районного суда г. Волгограда рассмотрена жалоба А. в порядке ст.125 УПК РФ о признании незаконным не направление УМВД России по Центральному району г. Волгограда копии принятого решения по заявлению от 11 апреля 2016 г. и проведении проверки и принятии решения по факту хищения Ф. путем мошенничества денежных средств в размере 100 000 рублей. Обжалуемое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 31 августа 2016 г. постановлением заместителя прокурора Центрального района г. Волгограда было отменено, а материалы направлены начальнику ОП № ... УМВД России по г. Волгограду для организации дополнительной проверки. При таких условиях судья прекратил производство по жалобе А. (см.: архив Центрального районного суда г. Волгограда. Дело № 3/10-453//2016 (3/10-3/2017).

² Подробно см.: Свежинцев Е. И. Право на доступ к информации лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 105–109.

гласиться с суждениями Н. Е. Муженской, Г. В. Костылевой, которые выделяют заявителя как лицо, относящееся к стороне обвинения, по тому основанию, что именно он обращается в органы внутренних дел, мировой суд с намерением сделать в устном или письменном виде заявление о готовящемся или совершенном преступлении, тем самым иницируя процесс уголовного преследования. Это же положение справедливо и для лица, являющегося жертвой преступления. Ведь этот заявитель будет являться потенциальным потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле после возбуждения уголовного дела (в силу прямых требований ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Причем жертва преступления относится к категории заявителей (только в узком смысле этого слова), так как указанное понятие (заявитель) в широком смысле предполагает еще и лицо, которым может выступить любой добропорядочный гражданин, выполняющий свой общественный долг и сообщающий в компетентные органы сведения о ставшем ему известном преступлении – независимо от того, кому был причинен вред этим преступлением. Исходя из этого, его сложно будет причислить к участникам со стороны обвинения, так как оно не преследует никаких личных процессуальных интересов, сообщая об известном ему преступлении¹.

Исходя из анализа уголовно-процессуального законодательства, можно выделить следующие права, которыми обладает заявитель на стадии возбуждения уголовного дела:

- подавать заявление о преступлении (а соответствующие компетентные органы в любом случае обязаны принять указанное заявление или в случае подачи устного заявления составить соответствующий протокол);

- предоставлять сведения об обстоятельствах совершенного преступления в ходе опроса путем дачи устного объяснения;

- участвовать в осмотре места происшествия и знакомиться с протоколом по его завершении, делать замечания по поводу содержания указанного процессуального документа;

- оказывать содействие в осуществлении поисковых и иных проверочных мероприятий, производимых правоохранительными органами;

¹ См.: Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 56.

– самостоятельно получать предметы и документы любыми не запрещенными законом способами и предъявлять их органу, осуществляющему процессуальную проверку;

– получать уведомление об итогах процессуальной проверки и обжаловать его.

Кроме того, лицо, заявившее о совершенном в отношении него преступлении, наделяется определенными обязанностями и несет ответственность за правдивость предоставляемой информации. Лицо, заявившее о совершенном в отношении него преступлении, также имеет ряд процессуальных прав: право обжаловать в суд отказ в приеме сообщения о преступлении, право знать о принятом по его заявлению решении, а также обжаловать данное решение в случае несогласия с ним¹.

Однако, как нам кажется, указанный перечень прав не является исчерпывающим. Ведь именно четкость и полнота регулирования процессуального статуса участника уголовно-процессуальных отношений является действенной гарантией защиты его прав, свобод и законных интересов в уголовном судопроизводстве, причем сама процедура разъяснения этих прав выступает средством для обеспечения его интересов в связи с участием в производстве по уголовному делу. Некоторыми авторами справедливо указывается, что на сегодняшний день у участников проверки сообщения о преступлении, чьих интересов касается проводимая проверка, отсутствует комплекс прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ, а права, имеющиеся в уголовно-процессуальном законодательстве, носят фрагментарный характер. Так, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплено только общее правило разъяснения прав и обязанностей лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Уже в частном порядке, т. е. для конкретных участников процессуальной проверки, а именно для заявителя, права не указаны. Данное положение вызывает затруднения у правоприменителей при непосредственном разъяснении таким участникам их конкретных прав и обязанностей².

¹ См.: Канцеляров А. В. Отмена постановления о возбуждении уголовного дела // Законность. 2011. № 8. С. 12.

² См.: Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 40–41.

По мнению А. Ю. Федюкиной, это также накладывает отпечаток, в том числе и при создании условий для реализации пострадавшим права на доступ к информации, без которого лицо, пострадавшее от преступления, не сможет активно участвовать в процессуальной проверке в целях восстановления своих нарушенных прав и свобод¹. В некоторых случаях применение такого права является чрезвычайно важным, так как от результатов проверочных мероприятий в значительной степени зависит, будет ли принято процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация процессуальных прав лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела напрямую зависит от той помощи и поддержки, которые оказывают правоохранительные органы, тем самым создавая комфортную обстановку для жертвы преступления². Следуя этим международным стандартам, российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет приоритет обеспечения прав и свобод человека как более высоких и значимых ценностей, обозначив назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В связи с этим, безусловно, верной является мысль И. Я. Фойницкого: «Собирание доказательств по делу и освещение их составляют функцию сторон, участвующих в процессе. Но слабость, порой совершенная беспомощность сторон, особенно потерпевшего... побуждают государственную власть учредить для этой цели особые должности»³. Представляется, что необходимо не только установление четкого процессуального статуса лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, но и расширение его про-

¹ См.: Федюкина А. Ю. Современные процессуальные возможности стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 119.

² См.: О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: Рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы (принята 28.06.1985) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 40.

³ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб.: АЛЬФА, 1996.

цессуального права на доступ к информации как о ходе проведения процессуальной проверки, так и об итогах процессуальной проверки. Также требуется создание системы поддержки жертв преступлений (социальной, психологической – особенно востребованной на первоначальном этапе уголовного судопроизводства). Следует согласиться с мнением Е. А. Зайцевой и Т. И. Ширяевой о необходимости создания максимально комфортного режима обеспечения прав и интересов для жертв преступлений¹. Думается, что имеется объективная необходимость в дополнительной подготовке органов и лиц, осуществляющих как процессуальную проверку, так и предварительное расследование, в целях психологической поддержки жертв преступления, а в отдельных случаях – введения в штат правоохранительных органов специалистов-психологов для обеспечения консультирования лиц, осуществляющих уголовное производство, а также лиц, пострадавших в результате совершения преступлений².

В своем исследовании И. М. Ибрагимов, анализируя проблему порядка признания лица потерпевшим, предлагает установить порядок, согласно которому органы, осуществляющие процессуальную проверку, должны возбудить уголовное дело и признать пострадавшего от противоправного деяния потерпевшим после получения минимального объема нужных сведений, которые указывают на признаки преступления. Говоря другими словами, сразу после обращения лица, пострадавшего от преступления, необходимо возбудить уголовное дело с тем, чтобы облачить данное лицо в статус потерпевшего, в целях включения его в активный процесс предварительного расследования для раскрытия преступления, выявления виновного и привлечения его к уголовной ответственности³. Можно в какой-то степени согласиться с данным суждением в части необходимости незамедлительного получения лицом, заявившим о совершенном в отношении него преступлении, всего комплекса процессуальных

¹ См.: Зайцева Е. А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34.

² См.: Зайцева Е. А., Ширяева Т. И. Осуществление проверочных мероприятий с участием женщин – жертв насильственных преступлений // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 2 (31). С. 56–63.

³ См.: Ибрагимов И. М. Основания и порядок признания лица в качестве потерпевшего // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. М., 2008. № 5–6. С. 552.

прав для активного участия в расследовании преступления (по сути, данное предложение было реализовано Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ¹). Только, по нашему мнению, данный комплекс прав необходимо предоставить указанному лицу до возбуждения уголовного дела, так как иначе возникнет проблема с большим количеством поспешно (и не всегда оправданно) возбужденных уголовных дел и незаконно преследуемых лиц (на практике правоприменительно может понадобиться время для установления наличия основания для возбуждения уголовного дела).

Хотелось бы также отметить, что право на доступ к информации лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, о ходе процессуальной проверки и об итогах процессуальной проверки должно реализовываться в разумных пределах, без создания излишних препятствий органам, ее производящим, и недопущения распространения сведений, имеющих ограниченный доступ. При этом данное право должно охватывать ключевые моменты проводимой проверки и для оптимизации нагрузки правоприменителя реализовываться в виде обязательных уведомлений по итоговому решению о движении материала или решений, напрямую затрагивающих интересы лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении (причем с выдачей последнему копий процессуальных документов).

Все иные сведения, по нашему мнению, должны предоставляться заявителю-пострадавшему лишь по его заявлению, так как в обязательном информировании и ознакомлении заявителя-потерпевшего обо всех назначенных по процессуальной проверке экспертизах и их результатах, а также произведенных осмотрах места происшествия, произведенных документальных проверках, ревизиях, исследованиях, необходимости нет (за исключением случаев, когда процессуальные действия проводятся непосредственно в отношении этого лица или его имущества). Вдобавок заявление может носить обобщенный характер, как и ответ на него, например, заявление о предоставлении информации относительно всех назначенных по материалу проверки экспертизах и ревизиях. После получения ответа

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

потерпевший вправе заявить подлежащее обязательному удовлетворению ходатайство о выборочном или полном ознакомлении с результатами экспертиз, документальных проверок и ревизий или другими доступными для него материалами. Это также позволит лицу, заявившему о совершенном в отношении него преступлении, своевременно предоставлять органам, осуществляющим проверку, недостающие сведения, предметы и документы, которые могут повлиять на итоговое решение.

Кроме того, в настоящее время в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ч. 3 ст. 145 УПК РФ) лицо, принимающее решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, обязано уведомить заявителя о принятом решении, а также разъяснить право и порядок его обжалования, что дает возможность заявителю-потерпевшему в соответствии со ст. 123–125 УПК РФ отстаивать свои права и интересы в случае принятия незаконного и необоснованного решения. Вместе с тем для подготовки мотивированной жалобы заявителю недостаточно только одного уведомления о принятом решении: нередко, чтобы удостовериться в объективности проведенной процессуальной проверки и мотивированности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо изучить не только текст постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но в ряде случаев – ознакомиться со всеми материалами процессуальной проверки, на основании которых принято это решение.

По данному вопросу, как ранее отмечалось, Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3-П сформулировал следующую правовую позицию: гражданам должны предоставляться для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие их права и свободы, даже если такое право прямо не предусмотрено законом¹. В связи с этим при наличии соответствующего ходатайства лицо, заявившее о преступлении, должно быть ознакомлено с материалами проверки его заявления о преступлении, чтобы в жалобе четко обосновать свою позицию.

¹ См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Эта мысль подчеркивается и в более поздних решениях Конституционного Суда РФ, например, в определении от 11 июля 2006 г. № 300-О¹. Часто на практике данное условие не выполняется. В подобных случаях, по нашему мнению, лицо, заявившее о совершенном в отношении него преступлении, вправе добиваться предоставления ему материалов для ознакомления путем обжалования таких действий в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ.

Следующим «особым» лицом, заинтересованным в итоговом решении в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении, является **подозреваемый**, и его появление на данной стадии досудебного производства должно иметь очень веские основания, что обусловлено началом осуществления его уголовного преследования.

В ряде научных публикаций обсуждаются предложения о введении в стадию возбуждения уголовного дела новой процессуальной фигуры – «заподозренный в совершении преступления». Р. З. Шамсутдинова и Е. В. Сопнева считают необходимым наделить его «традиционными правами» участников уголовного судопроизводства, причем не только теми, которые предусмотрены ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, (а также предлагаются нами для участников проверки в связи с производством судебных экспертиз), но и такими, как заявлять ходатайства, отводы, получать копии документов, знать о сути подозрения, изучать документы и решения, которые затрагивают их права и интересы². Получается, что указанное лицо наделяется кругом прав и гарантий, имеющихся у подозреваемого, что, по нашему мнению, является преждевременным, так как перспектива того, что он станет подозреваемыми или обвиняемым в будущем, является еще сомнительной. Данная идея вызывает ряд обоснованных возражений.

¹ См.: По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 300-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² См.: Шамсутдинова Р. З. К вопросу о статусе участников стадии возбуждения уголовного дела. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-statuse-uchastnikov-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 31.12.2019); Сопнева Е. В. Развитие представлений о заподозренном лице. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-zapodozrennom-litse> (дата обращения: 31.12.2019).

Во-первых, введение такого участника в уголовное судопроизводство влечет необоснованное расширение круга лиц со стороны защиты за счет «клонирования» статуса подозреваемого, что потребует дополнительных временных и кадровых ресурсов для обеспечения его прав.

Во-вторых, не надо забывать о том, что целью указанной стадии является установление в кратчайшие сроки достаточных данных, указывающие на признаки преступления, – для принятия законного и обоснованного решения, но не осуществления масштабного уголовного преследования «заподозренного», которому нужно обеспечить реализацию целого комплекса прав.

В-третьих, введение подобных новшеств приведет к трансформации стадии возбуждения уголовного дела в полноценное предварительное расследование, что с неизбежностью повлечет увеличение сроков проверки, дублирование процедур всего уголовного судопроизводства и отсрочку реального восстановления прав лица, потерпевшего от преступления.

Кроме того, при появлении данного статуса у лица, участвующего в проверке сообщения о преступлении, возникает проблема, связанная с предоставлением ему доступа к сведениям, содержащимся в материалах процессуальной проверки, что является не совсем желательным, так как в ряде случаев будет приводить к необоснованному разглашению сведений процессуальной проверки.

Полагаем, что при решении вопроса о статусе такого лица следует исходить из правовых позиций Конституционного Суда РФ, подчеркивающего, что лица, в отношении которых фактически применены меры процессуального принуждения, приобретают статус подозреваемого.

В постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»¹ высший орган конституционного нормоконтроля указывает на широкое понимание понятия

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подозреваемого, что дает ему право немедленно воспользоваться помощью защитника, не дожидаясь формального признания за ним этого статуса какими-либо актами органов предварительного расследования, в случае, если в отношении гражданина происходит реальное ограничение его конституционных прав. Эта позиция без сомнения расширила понимание формулировки «иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления», которая содержится в п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Уточнение ч. 1 ст. 46 УПК РФ в русле вышеозначенной правовой позиции позволило бы решить проблему расширения и дублирования и без того большого количества числа участников уголовного судопроизводства¹.

Особый интерес представляет такой участник стадии возбуждения уголовного дела, как адвокат: до сих пор дискутируется вопрос о том, в каком статусе он должен участвовать на данной стадии, что влияет на его доступ к информации, содержащейся в материалах процессуальной проверки сообщения о преступлении².

Анализ нормативных установлений главы 19 УПК РФ показывает, что необходимость в квалифицированной юридической помощи защитника возникает уже на стадии возбуждения уголовного дела при получении объяснений, явке с повинной, осмотре места происшествия, получении образцов для сравнительного исследования и фактическом задержании лица по подозрению в совершении преступления.

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник – это лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую

¹ В то же время С. Б. Россинский акцентирует свое внимание на необходимость регламентации оснований и процедур обеспечения защитника лицу в момент его фактического задержания, причем – на межотраслевом уровне, в целях урегулирования деятельности органов, осуществляющих непосредственное ограничение свободы и доставление потенциального подозреваемого (см.: Россинский С. Б. Защитник с момента фактического задержания (в контексте конституционно-межотраслевого подхода) // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 62–63).

² Подробно см.: Свежинцев Е. И. Особенности участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: российский и зарубежный опыт: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2017. С. 191–193.

помощь при производстве по уголовному делу (заметим особенность формулировки – именно при производстве *по уголовному делу*). Из этого следует, что наличие защитника в данном уголовном деле на той или иной стадии уголовного процесса определяется наличием такого участника уголовного судопроизводства, как обвиняемый или подозреваемый. При этом стоит заметить, что на сегодняшний день законодателем защитник введен в стадию возбуждения уголовного дела только с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления и принимает формальное участие в ограниченном количестве процессуальных действий.

Отдельные ученые, такие как С. Д. Игнатьев и К. А. Цигвинцева¹, В. Н. Карагодин и Ю. В. Шадрина², полагают, что на стадии возбуждения уголовного дела адвокат может участвовать в производстве ревизий, документальных проверок, осмотре места происшествия, собирать данные о личности доверителя в беседах с его родственниками и близкими, истребовать документы от организаций и граждан, беседовать с лицами, которых не опрашивали в следственных органах, составлять соответствующий протокол по опросу лиц, сообщивших важные сведения, а позже предложить следователю допросить их в качестве свидетелей.

Во-первых, в данном контексте трудно определить, используют ли указанные авторы термин «адвокат» для обозначения принадлежности лица к адвокатскому образованию, либо они под ним подразумевают и лицо, приобретшее процессуальный статус защитника в силу прямых требований закона (пп. «а» п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Если участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела и оправдано, то в качестве юридического представителя, что находит свое отражение в п. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где указано, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката.

¹ См.: Игнатов С. Д., Цигвинцева К. А. Участие адвоката-защитника в стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. 2008. № 2. С. 10.

² См.: Карагодин В. В., Шадрин Ю. В. К дискуссии об адвокатском расследовании // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). В 2 ч.: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 408.

Во-вторых, считаем неоправданным наделять юридического представителя вышеуказанными полномочиями на стадии возбуждения уголовного дела, так как активное участие последнего в проверочных мероприятиях может создать дополнительные проблемы правоприменителю, задачей которого на данной стадии является установление в кратчайшие сроки достаточных данных, указывающих на признаки преступления, для принятия законного и обоснованного решения.

Верным также видится мнение О. С. Ерохиной и М. Ю. Терехова, которые в своей работе делают вывод о том, что любой участник проверки сообщения о преступлении (в том числе и лицо, в отношении которого уже имеется подозрение) имеет право пользоваться услугами адвоката¹, но в то же время вызывает возражение их тезис о том, что на стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют основания и необходимость участия защитника.

Это связано с тем, что участие адвоката как юридического представителя на данной стадии производно от статуса представляемого им лица. Соответственно, на стадии возбуждения уголовного дела с момента фактического задержания лица в качестве подозреваемого, появляется защитник, который в полной мере может осуществлять деятельность по защите последнего на основании того комплекса прав, который предоставил ему законодатель. Нам представляется такое участие оправданным в связи со спецификой российской правоприменительной практики.

Обоснованность участия защитника в проверочных мероприятиях подтверждается позицией Конституционного Суда, которую он изложил в уже упомянутом постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»².

¹ См.: Ерохина О. С., Терехов М. Ю. Проблемные вопросы разъяснения прав лицам, принимающим участие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-voprosy-razyasneniya-prav-litsam-prinimayuschim-uchastie-v-proizvodstve-protssessualnyh-deystviy-pri-proverke-soobscheniya-o> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В указанном постановлении суд указывает на право фактически задержанного немедленно воспользоваться помощью защитника.

В контексте рассматриваемой проблематики хотелось бы выделить еще один дискуссионный вопрос, затрагивающий положение защитника на стадии возбуждения уголовного дела, который возник в связи с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, дополнившего ч. 3 ст. 49 УПК РФ пунктом 6, согласно которому защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Полагаем, правы Ю. В. Деришев и Е. И. Земляничин, которые считают не совсем корректным использование в тексте этой нормы понятия «защитник», под которым законодатель понимает лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. При системном толковании данной нормы в единстве с положениями ч. 1 и ч. 3 ст. 49 УПК РФ выявляется противоречие, поскольку ст. 46 и 47 УПК РФ точно устанавливают основания наделения лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, и среди них явно нет такого основания, как «проведение в отношении лица проверки сообщения о преступлении»¹.

Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела сохраняется общий объем прав, гарантированных ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», потому что у адвоката особая миссия в уголовном процессе – не случайно законодатель разработал для него указанный специализированный закон. Поэтому, когда данное лицо вступает в процессуальные отношения на любой стадии, то оно должно реализовывать и те правомочия, которые делегированы ему законодателем в соответствии с ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Этот закон является универсальным, и он распространяется на все виды судопроизводства. В то же время статус

¹ Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-polozhenie-litsa-v-otnoshenii-kotorogo-provoditsya-predvaritel'naya-proverka-soobscheniya-o-prestuplenii> (дата обращения: 31.12.2019).

участвующего в процессе адвоката всегда произведен от статуса лица, которого он представляет. С учетом этого на стадии возбуждения уголовного дела адвокат может направлять запросы только об общеизвестной информации, но не об информации, касающейся совершенного преступления, и сведений, на распространение которых установлены ограничения.

Таким образом, полагаем, что законодательно нужно дифференцировать информационные права участников проверки сообщения о преступлении с учетом их процессуального интереса, установив в качестве минимального (базового) перечня прав (подлежащего расширению и детализации для некоторых участников проверки) те полномочия, которыми наделяются лица, чьи интересы затрагиваются в ходе проверочных мероприятий. Большим объемом прав должно обладать лицо, заявившее о совершении в отношении него преступления.

ГЛАВА 3 ПРАВО НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Особенности реализации права на доступ к информации должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование

Стадия предварительного расследования играет особую роль в уголовном судопроизводстве, так как именно на данной стадии правоприменитель собирает комплекс доказательств, на основании которых принимает решение о совершении лицом преступления и необходимости направления уголовного дела в суд. Отсюда можно сделать вывод, что от качества, количества и быстроты полученной информации напрямую зависит качество проведенного расследования.

Можно заключить, что в контексте информационного обмена в уголовном судопроизводстве в основе деятельности, осуществляемой правоприменителем на указанном этапе, лежат процессы получения, исследования, оценки и использования юридически значимой информации. Полученная по различным каналам таковая информация имеет либо непосредственное доказательственное значение по уголовному делу, либо способствует получению других сведений, необходимых для принятия правоприменителем итогового решения в рамках досудебного производства.

Рассматривая деятельность правоприменителя на стадии предварительного расследования, справедливости ради можно отметить, что последний обладает полным перечнем инструментов для получения доступа практически ко всей информации, необходимой для осуществления качественного расследования в рамках уголовного дела. В то же время ввиду слабой проработанности классификации видов информации, получаемой следователем или дознавателем, на практике у правоприменителей возникают сложности с определением того, какими именно средствами сотруднику необходимо получать эту информацию.

Всю информацию, относящуюся к расследуемому преступному деянию, **в соответствии с категориями доступа**, можно разделить на *общедоступную* и *ограниченного доступа*. Причем **информацию ограниченного доступа по способу получения** можно разделить на *предоставляемую по запросу* или *по судебному решению*. Если с общедоступной информацией вопросов у правоприменителя не возникает, то работа с видами информации ограниченного пользования нередко связана с рядом проблем, потому что второй вид деления является условным, и по каждому виду тайн уровни ограничения устанавливаются законодателем самостоятельно.

Полагаем необходимым для оптимизации доступа к информации субъектам, осуществляющим предварительное расследование, идти по пути именно создания единого механизма запроса и получения информации правоприменителем в ходе расследования уголовного дела, а регулирование оперирования с каждым из видов информации оставить в ведении соответствующей сферы законодательства. В противном случае постоянное внесение в УПК РФ правил работы с новыми видами информации вряд ли будет способствовать стабильности уголовно-процессуального законодательства.

В пункте 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ устанавливается лишь одно положение о том, что суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. К информации ограниченного доступа можно отнести личную и семейную тайну, которые могут быть затронуты при производстве следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ, которые также проводятся по судебному решению. Иными словами, можно констатировать, что в уголовно-процессуальном законодательстве лишь фрагментарно регламентируется общая процедура получения сведений ограниченного доступа.

Ранее при рассмотрении порядка истребования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела нами анализировалась проблема исполнения запросов, для регулирования которой был предложен вариант законодательной новеллы в виде ч. 1.3 ст. 144 УПК РФ.

Применительно к стадии предварительного расследования необходимо пойти по пути создания универсальной формы запроса на предоставление информации с использованием требований нормативно-правовых актов по конкретному виду тайн, что предусматривает получение информации либо только по запросу компетентных лиц, либо на основании судебного решения (в случае предоставления сведений, отнесенных к установленной законом тайне). При этом следует учитывать, что существует более 72 видов тайн¹, обращение с которыми регулируется различными нормативно-правовыми актами.

Отсутствие четкой позиции законодателя по регламентации запроса вызывает у правоприменителя проблемы с получением в кратчайший срок информации, необходимой для расследования преступления.

Так, из 170 опрошенных следователей ОВД половина ответила, что кредитные организации, несмотря на положения ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» предписывающей, что «справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией при наличии согласия руководителя следственного органа органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве», отказывают в предоставлении таких сведений, ссылаясь на этот самый федеральный закон.

Считаем, что необходимо в форме запроса установить, в рамках какого производства (уголовного дела с указанием номера) это необходимо, чтобы лицо, исполняющее запрос, с самого начала могло ориентироваться, какой вид информации возможно предоставить.

В содержании запроса нужно указать пункт, часть и статью Уголовного кодекса РФ, по которой возбуждено уголовное дело. Далее правоприменителю необходимо указать статью нормативно-правового акта, которая регламентирует порядок доступа к определенному виду информации (находится ли она в свободном или ограниченном доступе). В случае установления, что информация относится к категории ограниченного доступа, правоприменителю необходимо будет либо согласовывать указанный запрос с руководителем следственного органа, либо в порядке ст. 165 УПК РФ обращаться с ходатайством в суд на предоставление доступа к данным сведениям, а после получения соответствующего постановления суда направлять его совместно с запросом².

¹ См.: Приложение № 1.

² См.: Приложение № 3.

Кроме того, запрос должен содержать обоснование необходимости применения запрашиваемой информации в рамках досудебного производства (получение лишь тех сведений, которые имеют несомненное отношение к предмету доказывания), за исключением случаев, когда необходимо получение судебного решения.

Следующим, не менее важным пунктом, который должен содержаться в запросе, является срок представления информации. Полагаем, что общий срок исполнения запроса, направляемого по делам небольшой и средней тяжести, необходимо установить до 20 суток, что будет являться «золотой серединой» для правоприменителя (дознателя и следователя). Стоит учитывать, что предварительное расследование производится в форме дознания и предварительного следствия, соответственно, и у дознателя будет срок в 10 суток для принятия итогового решения по делу, которое будет достаточно для такого вида уголовных дел. У следователя будет время, чтобы проанализировать информацию, полученную на основании запроса, и либо принять итоговое решение по делу, либо успеть провести ряд дополнительных следственных действий, в том числе разрешаемых в судебном порядке. Следует установить особый регламент исчисления сроков исполнения запросов по тяжким и особо тяжким преступлениям – в кратчайшие сроки по усмотрению лица, осуществляющего предварительное расследование. В случае, когда лицо, отвечающее на запрос, не может направить его в срок, оно обязано уведомить правоприменителя о причинах и сроках его исполнения. Данное изменение, безусловно, сможет дисциплинировать граждан и должностных лиц организаций при подготовке и направлении ответа на указанный запрос.

В конце запроса необходимо указать сведения о том, кто запрашивает указанные сведения. Таким образом, полагаем, что наличие единой формы запроса будет способствовать оптимизации деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, а возможно, послужит предпосылкой для законодательного отказа от такого следственного действия, как выемка, о чем писал С. Б. Россинский¹.

¹ См.: Россинский С. Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19. С. 30–31; Россинский С. Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. С. 221.

Возвращаясь к ранее рассмотренной проблематике ответственности за затягивание сроков направления ответа на запрос либо его неисполнение, согласимся с мнением В. Ю. Стельмаха, что имеющаяся на сегодняшний день ответственность за игнорирование запроса следователя предусмотрена лишь административным законодательством и ее применение крайне затруднительно¹. *Это мнение также подтверждается результатами проведенного анкетирования, согласно которому более половины респондентов заявили, что финансовые организации, операторы сотовой связи, интернет-провайдеры и распространители информации в сети Интернет бесосновательно отказывают в предоставлении запрашиваемой информации, а часть и вовсе не отвечают на запрос.*

В случае неисполнения запроса организацией у следователя существует несколько возможных процессуальных средств для получения необходимой информации. Первым способом, наиболее часто используемым следователями, является направление повторного запроса в ту же организацию. Вторым, менее применяемым, – направление информации о неисполнении запроса в вышестоящее подразделение организации (как правило, управленческий орган федерального уровня). Третьим способом – уведомление о неисполнении запроса прокурора, который уже вправе решить вопрос о применении мер прокурорского реагирования. Стоит заметить, что способы прокурорского реагирования таковы, что их применение предполагает длительные сроки, что является весьма неэффективным, и, кроме того, не обеспечивает предоставление следователю интересующих сведений. И самым «радикальным» способом реагирования на непредставление сведений по запросу является производство выемки документации (других носителей сведений), которая содержит соответствующую информацию, при условии, что следователю известно ее местонахождение (либо производство обыска в случае неизвестности места хранения документации с необходимыми сведениями), а это уже требует подключения судебного «санкционирования» или последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

¹ См.: Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poluchenie-informatsii-o-soedineniyah-mezhdu-abonentami-i-ili-abonentskimi-ustroystvami> (дата обращения: 31.12.2019).

Можно констатировать, что на сегодняшний день меры реагирования, применяемые в случае неисполнения запросов, направляемых в организации связи, интернет-провайдерам и в интернет-компаниях неэффективны, так как требуют больших временных затрат¹. Ряд организаций вообще отклоняют направляемые запросы, несмотря на вышеуказанные меры реагирования. Поэтому необходимо ввести более жесткие меры реагирования, заключающиеся в установлении высокого штрафа в случае неисполнения запроса указанными юридическими лицами, а также закрепления в тексте закона сроков исполнения запроса и возможности продления указанного срока с обязательным уведомлением лица, направившего запрос.

Таким образом, необходимо внести в главу 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования»² новую статью 161.1 «Запрос» следующего содержания:

«1. При наличии достаточных оснований полагать, что запрашиваемая информация имеет значение для уголовного дела, в зависимости от категории ее доступа, установленной советующим федеральным законом, получение указанной информации следователем, руководителем следственного органа, дознавателем и органом дознания допускается:

1) на основании мотивированного запроса руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя;

2) на основании мотивированного запроса следователя с согласия руководителя следственного органа.

2. В запросе о получении информации указываются:

1) уголовное дело, в рамках производства которого необходимо получить информацию;

2) статья федерального закона, которая регламентирует порядок доступа к определенному виду информации;

¹ Подробно см.: Свежинцев Е. И. Получение сведений от финансово-кредитных организаций, компаний сотовой связи и интернет-компаний на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правоприменения // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Караганда, 2018. С. 153–154.

² С учетом значимости регулирования деятельности о направлении запросов следователей и дознавателей для обеспечения эффективного хода расследования полагаем целесообразным разместить соответствующую новеллу именно в главе, регламентирующей общие условия предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ).

3) основания, по которым осуществляется запрос на предоставление информации;

4) срок исполнения запроса.

3. Срок исполнения запроса, направляемого по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, устанавливается до 20 суток, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – в кратчайшие сроки по усмотрению лица, осуществляющего предварительное расследование. В случае, когда лицо, отвечающее на запрос, не может направить его в срок, последний обязан уведомить инициатора запроса о причинах и указать сроки его исполнения.

4. В случае если получаемая на основании запроса информация относится к категории ограниченного доступа, ее передача может осуществляться путем личного получения инициатором запроса, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.»

Безусловно, предложение нормативной модели регулирования такого универсального инструмента по получению различного вида информации, как запрос, не исчерпывает всех проблем обеспечения доступа к информации лицам, осуществляющим досудебное производство по уголовному делу. Имеется необходимость в совершенствовании методов получения информации: использования различных баз данных, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Автор делает особый акцент на получении правоприменителем информации из мобильных электронных устройств и сети Интернет, так как нередко указанная информация имеет решающее значение для продуктивного расследования преступления. Кроме того, регулирование в уголовно-правовом законодательстве обращения с данным видом информации содержит множество пробелов и противоречий.

Сегодня существуют различные виды баз данных, содержащих ценную информацию для расследования уголовного дела, к которым правоприменители имеют доступ либо через сотрудников соответствующих подразделений правоохранительных органов, либо при помощи запроса в иные государственные органы.

Так, в ведении МВД России имеются автоматизированные информационные системы (АИС) и интегрированные базы данных (ИБД),

в которых хранится и обрабатывается информация, доступ к которой ограничен для служебного пользования. В ИБД регионального и федерального уровней правоприменитель может получить доступ к следующим данным:

- справка о лице;
- справка о лице, находящемся в розыске;
- справка об автотранспорте и его владельце;
- справка об автотранспорте, находящемся в розыске;
- справка о зарегистрированном оружии и его владельце;
- справка о похищенных номерных и неномерных предметах;
- другая оперативно-разыскная, криминалистическая и служебная информация.

Следует уточнить, что работа этих баз обеспечивается с помощью интегрированной мультисервисной телекоммуникационной сети (далее – ИМТС). Ранее, в период с 2005 по 2011 г. в МВД России была реализована Программа «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» (ЕИТКС ОВД).

В настоящее время на базе ИМТС ведется внедрение Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД) МВД России, которая предоставляет гораздо больше возможностей для создания и использования информационных систем с использованием облачной инфраструктуры, тем самым создает единую информационную сеть между всеми подразделениями МВД России.

Однако на сегодняшний день существует проблема в контексте возможности быстрого получения информации из указанных баз данных. *Согласно результатам интервьюирования следователей и дознавателей информация из региональной базы данных получается через специального сотрудника, который имеет доступ к специальному компьютеру, и взаимодействие с ним ограничивается в связи с имеющимися у него иными должностными обязанностями. Кроме того, один из заместителей руководителя следственных подразделений также имеет возможность получить доступ к компьютеру, соединенному с ИСОД, но из-за занятости по службе он не в состоянии оперативно предоставлять данные по запросу правоприменителя.* Аналогичную проблему, но в больших масштабах, рассматривают в своей статье Н. Г. Лабутин, В. В. Казаков и В. Ю. Го-

рунов, а именно об организации мобильного доступа сотрудников органов внутренних дел к ИБД и АИС МВД России, отмечая, что в большинстве случаев сотрудникам требуется быстрое получение оперативно-разыскной или справочной информации, которая хранится и регулярно обновляется в ИБД и АИС ОВД¹. Безусловно, решение, предложенное указанными авторами, является весьма прогрессивным, но требует большого количества времени для модернизации технических средств и больших финансовых затрат.

Представляется, что более актуальным было бы пойти по пути предоставления доступа к ИБД и АИС МВД России всем правоприменителям, осуществляющим досудебное производство, и присоединения к ИСОД баз данных Федеральной налоговой службы России и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии России с предоставлением доступа вышеуказанным сотрудникам.

Необходимость предоставления доступа к ИБД и АИС МВД России всем правоприменителям, осуществляющим досудебное производство, подтверждается тем, что в современных реалиях у лица, осуществляющего как процессуальную проверку, так и предварительное расследование, в производстве находится огромное количество и материалов проверки, и уголовных дел, что с трудом позволяет последнему соблюдать принцип разумности сроков уголовного судопроизводства. Поэтому оптимизация получения доступа к информации, избавление от излишних процедур, сопровождающих этот доступ, является весьма ценной для досудебного производства, так как способствует принятию законных и обоснованных решений в кратчайшие сроки.

Отдельного внимания заслуживает такое решение, как присоединение к ИСОД баз данных Федеральной налоговой службы России и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии России. Необходимо понимать, что по каждой проводимой проверке и расследуемому уголовному делу собирается информация о различных участниках уголовного судопроизводства, в том

¹ См.: Лабугин Н. Г., Казаков В. В., Горюнов В. Ю. Некоторые аспекты организации беспроводного удаленного доступа к базам и банкам данных МВД России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-organizatsii-besprovodnogo-udalennogo-dostupa-k-bazam-i-bankam-dannyh-mvd-rossii> (дата обращения: 31.12.2019).

числе о наличии различного вида собственности и денежных средств. Своевременное и быстрое получение вышеуказанной информации позволит правоприменителям реализовать одно из актуальных направлений сегодняшнего уголовного процесса, а именно на основе указанной информации принять меры по возмещению ущерба, причиненного совершенным преступлением, обеспечить исполнение других имущественных взысканий по уголовному делу.

Большой интерес вызывает получение доступа к информации, содержащейся в электронной почте, SMS и MMS, мгновенных сообщениях Skype, Viber и WhatsApp, а также сообщениях, содержащихся в приложениях популярных социальных сетей и, в общем, в сети Интернет¹. Но до сих пор не урегулирован статус указанной информации, не определены четко процессуальные инструменты ее получения.

С середины 2016 г. законодательно закреплена процедура получения сведений, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, путем их осмотра и выемки. Это стало возможным благодаря введению в ст. 185 УПК РФ новой части 7², согласно которой при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка. Теперь правоприменитель имеет возможность получить информацию, находящуюся у провайдеров электронной почты, мгновенных сообщениях Skype, Viber, WhatsApp и Telegram, а также в социальных сетях и иных сервисах.

В то же время выявляются некоторые неточности в законодательных формулировках ст. 185 УПК РФ, из-за которых у правоприменителей могут возникнуть трудности при реализации права

¹ Данный вопрос является предметом исследования таких авторов, как А. Н. Першина и К. С. Сидоровой: См.: Першин А. Н., Сидорова К. С. Использование ресурсов информационно-телекоммуникационной сети интернет в розыскной деятельности следователя // Библиотека криминалиста. 2017. № 4 (33). С. 321.

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

доступа к значимой для уголовного дела информации. Так, если мы обратимся к части 1 этой же статьи, согласно которой может быть наложен арест только на предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, содержащиеся соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях, можно заметить отсутствие понятия «электронное сообщение». По данному поводу В. Ф. Васюковым был проведен анализ понятий «другие почтово-телеграфные отправления» и «электронное сообщение», которые, по его мнению, отличаются по своей правовой природе. Используемая формулировка «изъятие» не применима для «электронного сообщения», так как оно не может быть полностью технически изъято из одного места и перемещено в другое. В. Ф. Васюков правильно подчеркивает, что корректнее говорить о его копировании, в связи с чем необходимо внесение в ч. 7 ст. 185 УПК РФ изменения: «...следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и копирование»¹. Полностью согласны с необходимостью указанных изменений и хотели бы еще дополнить, что еще следует внести корректировки в название самой статьи, а именно «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, *электронные сообщения*, их осмотр, выемка и копирование».

Отметим, что вопрос о времени хранения указанными сервисами данной информации решен законодателем путем принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374, согласно ст. 13 которого в ФЗ № 126 «О связи» внесено изменение, обязывающее операторов связи на территории РФ хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение 3 лет с момента окончания осуществления таких действий. Законом также установлено, что текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи хранятся до 6 месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Кроме того,

¹ См.: Васюков, В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 18.

статьей 15 этого Федерального закона в ФЗ № 149 «Об информации» были внесены аналогичные изменения, которые регулируют сроки хранения сведений организатором распространения информации в сети Интернет¹.

Указанный закон, прозванный в различных источниках «пакетом Яровой и Озерова», был весьма негативно встречен различными общественными организациями, правозащитниками и в том числе – Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ). Причем последний отметил, что ряд положений закона противоречит Конституции РФ и УК РФ, а «антитеррористический пакет» нельзя признать «серьезно проработанной мерой» для борьбы с терроризмом².

Кроме того, против его принятия высказывались представители мобильных операторов, интернет-провайдеров, ряд авторитетных политологов и экспертов в области IT-индустрии, таких как Павел Дуров (основатель сети «ВКонтакте»), Эдвард Сноуден, Аркадий Волож (один из основателей компании «Яндекс»), Герман Клименко (советник Президента по вопросам интернета) и др. При этом, осознавая тот факт, что основным предназначением «пакета Яровой и Озерова» является эффективная борьба с терроризмом, хотелось бы выделить ряд тезисов.

Во-первых, даже если учесть положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопас-

¹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

² Обращение к Президенту России по поводу одобренного парламентариями антитеррористического пакета Озерова и Яровой [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // Новости совета. URL: <http://www.president-sovnet.ru/presscenter/news/read/3299> (дата обращения: 31.12.2019); «Пакет Яровой» может дискредитировать мировые платежные системы // Ассоциация российских банков. URL: http://arb.ru/b2b/news/paket_yarovoy_mozhet_diskreditirovat_mirovye_platezhnye_sistemy10025572 (дата обращения: 31.12.2019).

ности государства, то получается, что этот «антитеррористический пакет» является вынужденной мерой для защиты граждан и государства от одноименной угрозы. Озвученные выше изменения закона (в части сохранения информации операторами связи и организаторами распространения информации в сети Интернет в целях защиты от террористической угрозы), по нашему мнению, являются не совсем эффективными, так как террористы и экстремисты давно применяют одноразовые телефоны с сим-картами, шифрование диалогов при помощи условных выражений, в связи с чем выборка по ключевым словам теряет свою актуальность, кроме того, для обработки такого количества информации потребуется дополнительный штат сотрудников.

Во-вторых, на сегодняшний день и в ближайшем будущем, как правильно подмечено множеством ученых¹ и общественных деятелей², то гигантское количество информации (текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовая информация, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи), которое необходимо будет хранить в течение 6 месяцев, нет возможности где-либо разместить, а мероприятия по созданию и настройке соответствующих хранилищ данных по примерным подсчетам обойдутся в 22,7 миллиарда долларов³. В бюджете указанные затраты не предусмотрены, и маловероятно, что государство сможет изыскать указанные средства. Интернет-компании и сотовые

¹ См.: Батыршин Р. Р. Пакет Яровой: негативные стороны // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 15 декабря 2016 г.: Уфа, 2016. С. 57–60; Подольный Н. А., Бузова Ю. В., Коваль Е. А. Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-v-sovremennoy-rossii-strategiya-protivodeystviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-i-perspektivy-preodoleniya> (дата обращения: 31.12.2019).

² Операторы связи попросили Совфед отклонить «пакет Яровой» // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3409163> (дата обращения: 31.12.2019).

³ См.: Бареев М. Ю. «Антитеррористический пакет» Яровой и Озерова как мера противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Саранск, 20–21 октября 2016 г. Саранск, 2016. В 2 т. Т. 1. С. 166.

операторы будут вынуждены поднять тарифы на все виды услуг в 3–5 раз.

По нашему мнению, выходом из ситуации было бы обязать операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет хранить **информацию о фактах** приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных как электронных, так и простых сообщений пользователей услугами связи и пользователей сети Интернет. В случаях, когда имеются основания полагать, что лицо осуществляет преступную деятельность, в том числе террористическую, сотрудники оперативных подразделений, а также следователь (дознатель) в рамках расследования уголовного дела могут потребовать осуществления сбора текстовых сообщений пользователей услуг связи и сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные как электронные, так и простые сообщения пользователей услугами связи и сети Интернет, продолжительностью, необходимой для полноценного пресечения противоправной деятельности.

Необходимо также уделить особое внимание подписанию международных договоров по сотрудничеству отечественных правоохранительных органов с международными организациями, являющимися организаторами распространения информации в сети Интернет. В настоящий период с ними сложно наладить контакт в части предоставления последними информации, необходимой для производства расследования уголовного дела, причем ряд таких организаций имеют в России головные офисы только в Москве, а некоторые только за рубежом.

Хотелось бы отметить, что под «антитеррористический пакет» Яровой и Озерова также попадает весь банковский сектор и, по сути, вся финансовая сфера государства. Под угрозой может оказаться охраняемая государством банковская тайна, ведь, к примеру, такие финансовые системы, как SWIFT будут дискредитированы, если их заставят выдавать ключи шифрования на основании положений «антитеррористического пакета».

Продолжая анализ различных видов информации, которые находятся в сети Интернет, необходимо отметить тот факт, что любая информация, содержащаяся на серверах и доменах сети Интернет, также может подразделяться на общедоступную информацию и ин-

формацию ограниченного доступа, что находит свое подтверждение в ст. 9 ФЗ № 149 «Об информации». Поэтому правоприменитель должен руководствоваться теми же процедурами при получении любой информации, имеющей ограниченный доступ.

Согласно результатам проведенного нами интервьюирования правоприменителей они при направлении запроса сталкиваются с проблемой получения официальной информации о гражданах, зарегистрированных в социальных сетях, от представителей интернет-организаций, так как последние игнорируют их запросы. Как говорилось выше, очень часто офисы указанных организаций находятся либо за границей, либо в одном регионе России. Нередко по указанному юридическому адресу фактически находится один представитель для принятия корреспонденции, который не исполняет запрос органов предварительного расследования.

Это, безусловно, затрудняет доступ к информации и создает сложности в расследовании, так как, во-первых, затягивает срок расследования, а, во-вторых, утрачивается внезапность в проведении отдельных следственных действий. Между тем из указанной информации можно получить сведения, характеризующие личность, и другую ориентирующую информацию: психологический портрет, круг общения, имеющуюся собственность, материальное состояние, места пребывания, информацию о возможных участниках организованной преступной группы, сведения, необходимые для подготовки к отдельным следственным действиям (допрос, очная ставка) или в целом для планирования расследования отдельных видов преступлений. Значимость информации из социальных сетей подчеркивают и другие авторы¹.

Представляется, что режим обращения с такими сведениями установлен в ч. 4 ст. 7 ФЗ № 149 «Об информации», согласно которой информация, размещаемая ее обладателями в сети Интернет в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных. Это служит основанием для вывода, что

¹ См.: Гамбарова Е. А. К вопросу о методике использования социальных сетей в работе следователя // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2017. № 3. С. 141.

информация о личности, которая хранится в социальных сетях, может быть беспрепятственно использована правоприменителем при расследовании преступлений, так как на указанную информацию не распространяются требования ФЗ № 152 «О персональных данных» ввиду того, что доступ к этим данным разрешают сами владельцы информации по своему желанию.

Соответственно, кроме направления запросов администрации социальных сетей, хотелось бы предложить такой способ решения проблемы быстрого получения информации из указанных сетей, как непосредственное ее копирование с сайта социальной сети с последующим ее процессуальным оформлением самим следователем.

Непосредственный алгоритм для сбора информации о личности из социальных сетей, а также официальных порталов с открытым видом информации разработан Е. А. Гамбаровой¹. Этот алгоритм, по нашему мнению, может в полной мере использоваться в правоприменительной деятельности.

В части обеспечения гарантий допустимости данной информации в качестве доказательства полагаем необходимым проводить ее осмотр с составлением протокола осмотра предметов, вещей и документов. После чего те сведения, которые исходят от официальных онлайн-сервисов, при их копировании на электронный носитель можно приобщать в качестве вещественного доказательства. Остальную же информацию можно использовать как ориентирующую для направления расследования уголовного дела и подготовки к следственным действиям (контролю и записи переговоров, осмотру и выемке электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электро-связи сообщений и получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами).

Рассматривая различные процедуры получения правоприменителем информации, значимой для расследуемого уголовного дела, необходимо подчеркнуть, что само взаимодействие с информацией в электронном виде происходит через мобильные электронные устройства. В связи с этим весьма актуально высказывание О. С. Бутенко, который считает, что глубокое понимание технических возможностей

¹ См.: Гамбарова Е. А. К вопросу о методике использования социальных сетей в работе следователя // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2017. № 3. С. 139–140.

средств мобильной связи по хранению в них текстовой и звуковой информации, фото- и видеозаписей, содержания SMS- и MMS-сообщений, по анализу входящих и исходящих звонков как источника сведений о социальных связях субъекта и т. д. существенно расширяет доказательственную базу уголовного дела¹. Это суждение разделяет Л. Ю. Аксенова, которая акцентирует внимание на использовании информации, находящейся на мобильном электронном устройстве, при расследовании мошенничества с использованием средств сотовой связи².

В контексте этой проблематики особый акцент необходимо сделать на определении понятия мобильного электронного устройства, которое в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует.

В. Ю. Стельмах в ходе анализа производства такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, выделил понятие «средство электросвязи», под которым понимаются технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи, а также заменяемые части устройств, с помощью которых обеспечивается идентификация устройства и его доступ к сети подвижной связи (идентификационные модули)³.

По нашему мнению, указанное определение вмещает в себя мобильные электронные устройства и, более того, позволяет учитывать информацию, передаваемую через планшеты и стационарные компьютеры, имеющие технические и программные средства для передачи данных, а также заменяемые модули идентификации,

¹ См.: Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-i-protsessualnye-aspekty-provedeniya-osmotra-mobilnyh-telefonov-v-ramkah-predvaritelnogo-sledstviya> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: Аксенова Л. Ю. Алгоритм действий следователя и органа дознания при расследовании мошенничеств с использованием средств сотовой связи // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 82.

³ См.: Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poluchenie-informatsii-o-soedineniyah-mezhdu-abonentami-i-ili-abonentskimi-ustroystvami> (дата обращения: 31.12.2019).

именуемые SIM-картами, которые законодатель не учел при введении в УПК РФ ст. 186.1. Но, как верно подчеркивает В. Ю. Стельмах, данный модуль идентификации является взаимозаменяемой частью абонентского устройства, с ее помощью устанавливается абонентский номер или код идентификации, и без ее наличия подключение абонентского устройства к сети услуг связи невозможно¹. Полагаем целесообразным дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 44.1, раскрывающим понятие «средство электросвязи», взяв за основу вышеуказанное определение данного автора.

В то же время вызывает возражение предложение В. Ю. Стельмаха отказаться от использования термина «абонент» и переименовать исследуемое им следственное действие в «получение сведений о соединениях средств электросвязи». Доводы ученого о том, что в ходе сеансов связи соединения производятся не между абонентами как таковыми, а между используемыми ими техническими устройствами, с технической точки зрения логичны. Однако с юридической точки зрения для осуществления любого сеанса связи требуются либо мобильный модуль для работы в сотовой сети, либо точка доступа для работы с сетью Интернет, а чтобы их получить, необходим договор на оказание данного вида услуг, который заключается с физическими и юридическими лицами. При этом указанное следственное действие ограничивает права данных лиц. Таким образом, приходим к тому, что хотя часто устройством пользуется не абонент, заключивший договор, а другое лицо, суд санкционирует ограничение прав лица, заключившего договор, а не возможность работы с определенным «средством электросвязи». В судебном заседании в порядке ст. 165 УПК РФ судом исследуются доводы следователя о необходимости производства следственного действия, сопряженного с ограничением прав абонента, заключившего договор на оказание данных услуг. Поэтому представляется, что наиболее оптимальным было бы использование в ст. 186.1 УПК РФ наименования следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) средствами электросвязи», так как оно отражает в полной мере все разновидности устройств, которыми в современных условиях осуществляется формирование, прием, обработка, хранение, передача, доставка сообщений электросвязи, а также

¹ См.: Стельмах В. Ю. Указ. соч.

заменяемые идентификационные модули. Такое уточнение весьма актуально, так как *прослеживается явная тенденция к увеличению числа ходатайств в порядке ст. 186.1 и 186 УПК РФ, что показывает необходимость получения следователями информации из мобильных электронных устройств*¹.

В контексте анализа понятия «средства электросвязи» следует подчеркнуть, что информация, в том числе и сообщения, аккумулируется не только на серверах операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет, но и в самих средствах связи, представленных в виде мобильных электронных устройств. Нужно учитывать, что сегодня почти у каждого имеется мобильное электронное устройство, которое предоставляет возможность пользования не только услугами мобильной связи, но и посредством различных программных продуктов и технических средств позволяет работать со всеми сервисами в сети Интернет, а также использовать различные мессенджеры.

Один из исследователей в области компьютерно-технической экспертизы, А. Н. Яковлев, применительно к сообщениям электронной почты отмечает, что пока сообщение находится на компьютерном средстве пользователя, такие данные не являются тайной связи. Как только правообладатель коммуникационного сервиса «Мэйл.Ру», «Яндекс» или др. получает эти данные, пересылает оператору связи, данные являются электронными сообщениями или электронной почтой, охраняемой тайной связи. Будучи доставленными получателю, т. е. на компьютерное средство пользователя, они вновь становятся не охраняемыми законом данными, которые получил пользователь сети Интернет. Следовательно, как отмечает автор, возможно «получать информацию в порядке ст. 86 УПК РФ в ходе следственных действий... Решения суда при этом также не требуется»².

¹ Нами ранее проводилось исследование судебно-контрольных производств в архивах 6 судов г. Волгограда и Волгоградской области на предмет изучения практики рассмотрения ходатайств следователей и дознавателей о разрешении проведения следственных действий в порядке ст. 186 и 186.1 УПК РФ. За 1 полугодие 2018 г. в суды поступило почти столько же ходатайств, сколько было подано за весь предыдущий год. И эта тенденция в настоящее время сохраняется.

² См.: Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 46.

В указанном случае осуществляется охрана информации, содержащейся на серверах сетей электросвязи, но ничего не говорится о сообщениях, пришедших и уже находящихся на электронных устройствах. Таким образом, можно заключить, что информация, находящаяся на мобильном электронном устройстве, не попадает под охрану ФЗ № 126 «О связи». Тем не менее указанная информация является конфиденциальной, так как касается личной жизни гражданина, неприкосновенность которой гарантируется ст. 23 Конституции РФ. И поэтому безоговорочное принятие предложения А. Н. Яковлева по изъятию без судебного решения этой информации может привести к существенному ограничению прав граждан. Полагаем, правоприменитель должен соблюдать тонкую грань и при проведении следственного действия не вторгаться без необходимости в личное пространство гражданина, не предавать огласке его личные данные. Если же владелец личной информации полагает, что его права безосновательно ограничены, он может воспользоваться механизмом судебного обжалования незаконных действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования (ст. 125 УПК РФ).

Сходную позицию в своем определении занял Конституционный Суд РФ, в котором он делает акцент на том, что правоприменителем может производиться осмотр в целях получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, **изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке**. Такой осмотр не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Конституционный Суд РФ при этом дополняет, что граждане, считающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе их праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, вправе приносить жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на указанные действия¹.

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

Тем не менее на практике часто следователям приходится обращаться с ходатайством в суд для проведения осмотра мобильного телефона. Нельзя сказать, что это повсеместная практика, но, безусловно, данный вопрос еще найдет разрешение в федеральном законодательстве Российской Федерации. Однако в современных условиях правоприменители руководствуются ч. 7 ст. 185 УПК РФ, согласно которой при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут **содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях**, следователем **по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка**.

Представляется, что в контексте анализируемой проблемы правоприменитель должен четко различать две следственные ситуации:

1) информация содержится в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, и **следователь еще не изымал электронные мобильные устройства, в которых сохранена эта информация**. На данную ситуацию в полной мере распространяются охранительные требования ч. 7 ст. 185 УПК РФ (включая получение судебного решения);

2) информация находится в электронной памяти абонентских устройств, **изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке**. На эту ситуацию распространяется правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в вышеуказанном определении № 189-О по делу Д. А. Прозоровского (исключается получение судебного решения; защита прав владельца информации обеспечивается последующим судебным контролем в рамках процедуры обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ).

Сравнительно недавно законодатель сделал акцент на копировании информации с электронных носителей информации непосредственно во время производства следственных действий (27 декабря 2018 г. УПК РФ дополнен статьей 164.1 УПК РФ¹). Данное направление

¹ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 дек.

было выбрано с позиции обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, прежде всего тех, которые привлекаются к ответственности в качестве подозреваемых, обвиняемых из числа предпринимателей¹ (во исполнение призыва Президента Российской Федерации В. В. Путина – «не кошмарить бизнес»)². В то же время необходимо понимать, что существуют мобильные электронные устройства, для которых нужны специальные средства для быстрого копирования содержащейся на них информации. В связи с этим особый интерес представляет алгоритм получения не только вышеуказанной информации без судебного решения путем проведения осмотра данных устройств в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки. Ведь часто, если правоприменитель не проводит сразу осмотр хранящейся на устройстве информации, то она либо удаляется, либо ее зашифровывают, что в обоих случаях приводит к ее потере. В связи с этим актуальным было бы конкретизировать в тексте закона право следователя проводить осмотр таких устройств в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки, при этом предоставив возможность владельцам указанных устройств обжаловать данный осмотр электронных мобильных устройств в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ. При этом, как указывается в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, необходимо участие специалиста при производстве следственных действий, в ходе которых производится изъятие электронных носителей, что обусловлено потребностью копирования с указанных носителей информации³. Сам факт обнаружения устрой-

¹ Согласно комментарию, данному на сайте справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», принятие данного закона, явилось барьером для необоснованного применения мер, способных привести к приостановлению деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, в том числе изъятие электронных носителей информации (см.: Расширен перечень преступлений, уголовные дела по которым подлежат прекращению при условии возмещения ущерба. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Путин потребовал не «кошмарить» бизнес. URL: <https://www.bfm.ru/news/361356> (дата обращения: 31.12.2019).

³ См.: Пропастин С. В. Участие специалиста в изъятии электронного носителя: варианты для правоприменителя // Право и образование. 2016. № 10. С. 140.

ства, безусловно, нужно сразу фиксировать в протоколе следственного действия, что позволяет распространить на обращение с ним режим, описанный в определении Конституционного Суда РФ № 189-О по делу Д. А. Прозоровского.

Мобильные электронные устройства находятся с человеком часто 24 часа в сутки, и на них фиксируется огромное количество информации, причем и общение производится также через него (это и классические звонки через мобильную сеть, это звонки и смс-общение через различные мессенджеры и посредством иного программного обеспечения, это передача видео- и фото- сообщений, текстовых документов). Понимая это, трудно переоценить важность и необходимость проведения правоприменителем осмотра такого устройства, когда он получил к нему доступ на законных основаниях в ходе производства других следственных действий. Необходимо учитывать, что при изъятии этого устройства не в каждом случае эксперт в ходе проведения экспертизы сможет разблокировать устройство и изъять из него информацию: часто она будет уже удалена или зашифрована.

В целях регулирования доступа публичным субъектам к информации, содержащейся на мобильных электронных устройствах, необходимо:

– внести в ст. 164 УПК РФ¹ новый пункт 6.1 следующего содержания: «6.1) при производстве осмотра места происшествия, обыска или выемки возможен осмотр мобильных электронных устройств на наличие информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, при этом лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса;»;

– внести в ст. 177 УПК РФ новую часть 7 следующего содержания: «В случае обнаружения при осмотре мобильных электронных устройств, на которых возможно содержится информация, имею-

¹ Полагаем уместным указать на принципиальную возможность такого осмотра именно в статье, посвященной общим правилам производства следственных действий, с дальнейшей конкретизацией в нормах, регулирующих порядок производства отдельных следственных действий.

шая доказательственное значение, осуществляется изъятие данных устройств и (или) фото- и видеофиксация обнаруженной информации с отметкой об этом в протоколе осмотра.»;

– внести в ст. 182 УПК РФ новую часть 9.2 следующего содержания: «При обнаружении мобильных электронных устройств в ходе производства обыска, если есть основания полагать, что содержащаяся в них значимая для уголовного дела информация может быть утрачена или скрыта, следователь вправе произвести осмотр электронного мобильного устройства, содержащейся в нем информации с последующим изъятием устройства. Лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса;»;

– внести в ст. 183 УПК РФ новую часть 3.2 следующего содержания: «При обнаружении мобильных электронных устройств в ходе производства выемки, если есть основания полагать, что содержащаяся в них значимая для уголовного дела информация может быть утрачена или скрыта, следователь вправе произвести осмотр электронного мобильного устройства, содержащейся в нем информации с последующим изъятием устройства. Лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса;».

Представляется, что предложенная нами нормативная модель регулирования отношений по поводу получения следователем доступа к информации, хранящейся на мобильных устройствах, способна оптимизировать деятельность правоприменителей и обеспечить соблюдение прав участников уголовного судопроизводства.

§ 2. Доступ к информации участникам, имеющим в уголовном деле самостоятельный правовой интерес, и их представителям при производстве предварительного следствия и дознания

На стадии предварительного расследования особую значимость вызывают вопросы доступа к информации, содержащейся в материалах уголовного дела, участникам, имеющим в уголовном деле самостоятельный и представляемый правовой интерес. К таковым относятся потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также защитник. Это обусловлено тем, что в зависимости от предоставляемого доступа указанные участники смогут реализовывать свои (и представляемых ими лиц) права, связанные либо с восстановлением прав, затронутых преступлением, либо обеспечением недопустимости незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод.

Задача законодателя заключается в определении оптимального баланса интересов участников уголовного судопроизводства и интересов правосудия. Для реализации указанной задачи необходимо определить объем предоставляемой участникам судопроизводства информации на том или ином этапе стадии предварительного расследования, а также установить запрет на разглашение данных предварительного расследования для тех участников уголовного судопроизводства, которые получили к ним доступ.

При этом предоставление участникам уголовного судопроизводства информации, охраняемой режимом тайны предварительного расследования в узком смысле, ограничивается только на время производства предварительного расследования (за исключением частных случаев необходимости сохранения в тайне некоторых данных, что обусловлено спецификой расследуемого преступления). С момента принятия решения об окончании предварительного расследования обвиняемый и потерпевший, их защитники и представители (законные представители) получают доступ ко всем материалам уголовного дела, а гражданский истец и гражданский ответчик к той части материалов дела, которая относится к гражданскому

иску. В то же время на часть информации, содержащейся в тайне предварительного расследования в широком смысле и имеющей изначальный режим ограниченного доступа в силу иных федеральных законов, запрет на разглашение в связи с окончанием предварительного расследования не снимается. Разглашение участниками уголовного процесса сведений, ставших им известными в связи с участием в процессуальных действиях, может повлечь наступление уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК.

Как говорилось ранее, для указанных субъектов принцип гласности «работает» как установка деятельности властных субъектов на предоставление доступа к материалам уголовного дела, затрагивающим их права и законные интересы, с учетом предела данного доступа в виде тайны предварительного расследования.

Исходя из изложенной в работе классификации, доступ к информации, содержащейся в материалах уголовного дела, для указанных лиц будет происходить постепенно – в зависимости от этапа расследования и правоприменительной необходимости, а также от вида информации, имеющей гриф ограниченного доступа. В целях реализации права на доступ к информации для лиц, чьи интересы затрагиваются предварительным расследованием, правоприменители пользуются следующими средствами: уведомление, разъяснение прав и ознакомление. Каждое из указанных средств носит универсальный характер и может применяться на различных этапах расследования.

В начале стадии предварительного расследования и на ее протяжении право на доступ к информации реализуется посредством разъяснения участникам прав и обязанностей, их уведомления и ознакомления с теми материалами уголовного дела, в которых содержится информация об их участии в следственных действиях, либо когда в отношении них принимались процессуальные решения, которые затрагивают их права¹. В конце указанной стадии право

¹ Аналогичной точки зрения придерживаются такие ученые, как П. В. Седельников, П. В. Козловский (см.: Седельников П. В. Обеспечение доступа участников процессуальной деятельности к материалам уголовно-процессуального производства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 444; Козловский П. В., Седельников П. В. Материалы уголовного дела, подлежащие предъявлению для ознакомления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям и законным

на доступ к информации реализуется с помощью такого процессуального действия, как ознакомление с материалами уголовного дела.

Проводя анализ указанных средств реализации права на доступ к информации с помощью изучения специальной литературы, анкетирования и интервьюирования различных респондентов, а также основываясь на имеющемся опыте работы следователем, автор настоящего исследования считает целесообразным акцентировать внимание на следующих, наиболее острых проблемах применения указанных средств реализации права на доступ к информации.

1. Проблемы, возникающие при уведомлении участников уголовного судопроизводства о принятых значимых в отношении них процессуальных решениях.

Прежде всего, неполучение в срок направляемых уведомлений участникам уголовного судопроизводства, что может приводить как к срыву процессуальных действий, так и к невозможности своевременного ознакомления участников с процессуальными решениями, которые затрагивают права и свободы. В связи с этим давно назрела необходимость процессуальной регламентации использования электронных технологий в деятельности по направлению уведомлений. Такие уведомления в электронном виде очень важны с точки зрения обеспечения прав личности и в том числе для создания режима реализации конституционного права на доступ к информации. Причем в судебном производстве видится тенденция внедрения не только новых видов уведомления участников уголовного судопроизводства посредством технических средств, но и в соответствии со ст. 474 УПК РФ возможности использования электронных документов в целом, что нельзя сказать о досудебном производстве, где использование всего потенциала современных технических средств идет с большим отставанием.

Так, И. В. Казначей, рассматривая указанную проблему, предложил путь решения через разработку новой процессуально-правовой регламентации уведомления участников уголовного судопроизводства, а именно: принятие нормы, регламентирующей процедуру уведомления участников уголовного процесса о действиях и решениях, затрагивающих их права и законные интересы, с помощью

представителям при окончании предварительного следствия // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 97).

почтового или иного вида связи, изложив указанную статью в главе 17, которую целесообразно переименовать: «Глава 17. Процессуальные сроки. Процессуальные издержки. Уведомление»¹.

Однако, как нам кажется, нет необходимости введения дополнительной статьи, регламентирующей процедуру уведомления, так как в УПК РФ и так содержатся нормы, регулирующие указанную деятельность правоприменителя. Но в то же время считаем уместным закрепить норму, предоставляющую право участникам уголовного судопроизводства заявлять ходатайство о получении уведомлений с помощью средств связи и электронной почты. Целесообразно указанную новеллу разместить в главе 15 «Ходатайства», изложив ее в следующей редакции:

«Статья 122.1. Особенности заявления и разрешения ходатайства об электронных уведомлениях участников уголовного судопроизводства

1. Следователь, орган дознания и дознаватель, осуществляя проверку сообщения о преступлении или производство по уголовному делу, при разъяснении прав участникам уголовного процесса объясняет, что они могут воспользоваться правом на заявление ходатайства о получении уведомлений с помощью средств связи и электронной почты, о чем составляется соответствующий протокол.

2. В протоколе указываются:

- 1) место и дата разъяснения права;
- 2) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;
- 3) сущность разъясняемого права, согласие либо отказ участника в реализации предоставляемого права;

4) в случае согласия участника – сведения об абонентском номере и адресе электронной почты, на которые будут направляться уведомления.».

Удобство подобной модели видится в том, что в случае невозможности получения участником уголовного судопроизводства уведомления через почту необходимо включать «дополнительные» способы доставки, представленные в виде смс-сообщения и электронной почты.

¹ См.: Казначей И. В. Уведомление участников уголовного судопроизводства с помощью современных средств технической коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uedomlenie-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-s-pomoschyu-sovremennyh-sredstv-tehnicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 31.12.2019).

Введение данных процедур стало бы хорошим толчком в практике применения электронного правосудия на стадии досудебного производства. Это способствовало бы оптимизации доступа к материалам уголовного дела¹ участникам судопроизводства в целях реализации их прав на участие в доказывании, на обжалование действий (бездействия) и решений органов, осуществляющих предварительное расследование.

2. Проблема обеспечения прав потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика при расследовании уголовных дел в форме дознания.

Так, Е. В. Бажутов² и С. А. Синенко³ выделяют следующую проблему, с которой сталкиваются потерпевший, его представитель (а также гражданский истец, гражданский ответчик и их представители): для указанных лиц отсутствует норма, обязывающая дознавателя уведомлять их об окончании следственных действий и составлении обвинительного акта, так как согласно ч. 3 ст. 225 УПК РФ потерпевшему или его представителю предоставляются обвинительный акт и материалы уголовного дела только по их ходатайству. По этой причине в практике дознания могут складываться ситуации, когда указанные лица не реализуют свое право на ознакомление с материалами уголовного дела. При этом С. А. Синенко приводит утверждение, что именно правоприменителями не создаются условия для обеспечения исполнения данного положения закона.

Хотели бы согласиться с указанными авторами и подчеркнуть, что внедрение механизма уведомления заинтересованных лиц об окончании следственных действий и составлении обвинительного акта позволит последним быть в курсе значимого в рамках уголовного дела решения, тем самым будут созданы условия для реализации их права на ознакомление с материалами уголовного дела.

¹ О значении доступа к материалам уголовного дела в таком контексте обособленно писал П. В. Седелников (см.: Седелников П. В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 30).

² См.: Бажутов Е. В. Право потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 136.

³ См.: Синенко С. А. Обеспечение права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, по которому окончено предварительное расследование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 29.

В своей работе Е. В. Бажутов также говорит о необходимости предоставления гражданскому истцу и гражданскому ответчику права ходатайствовать об ознакомлении с обвинительным актом и материалами дела, что действующим законом не предусмотрено¹.

В этой части считаем нецелесообразным закрепление в УПК РФ права гражданского истца и гражданского ответчика, их представителей ходатайствовать об ознакомлении с обвинительным актом и материалами уголовного. При решении этой проблемы нужно принимать в расчет, что главные качества предварительного расследования в форме дознания – это скорость и упрощенность, так как уголовные дела указанного вида не имеют особой сложности и объемов. В связи с этим достаточно только уведомлять участников, а они уже сами могут явиться как к дознавателю, так и в суд, где смогут ознакомиться с теми материалами, которые касаются их прав и свобод. Аналогичное мнение в своих работах высказывают Е. В. Скобкарева² и Ю. С. Митькова³.

3. Отсутствие возможности ознакомления потерпевшего и его представителя с материалами приостановленного уголовного дела.

На сегодняшний день следует признать нелогичной ситуацию, когда потерпевший может знакомиться с итоговым решением и материалами уголовного дела при окончании предварительного расследования, но в то же время права на ознакомление с материалами уголовного дела в случае его приостановления у потерпевшего нет.

Некоторые авторы считают, что основа данной проблемы лежит именно в несоответствии положений п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ в аспекте предоставления неполноценной возможности потерпевшему ознакомления с документами и материалами уголовного дела, непосредственно затрагивающими его права и интересы в случае приостановления предварительного расследования. Выход из указанной ситуации они видят в дальнейшем

¹ См.: Бажутов Е. В. Указ. соч. С. 137.

² См.: Скобкарева Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 18.

³ См.: Митькова Ю. С. Дознание в органах внутренних дел как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 87–88.

углубленном изучении уголовно-процессуальных институтов, учитывающих интересы потерпевших и позволяющих обеспечить полное и эффективное восстановление их прав, нарушенных преступлением¹.

Если проанализировать правоприменительную практику, то можно найти немало примеров, когда ограниченный доступ к информации по уголовному делу препятствует эффективному осуществлению прав потерпевшего. *Так, потерпевший С. по уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 30 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ и находящемуся в производстве СУ СК РФ по Волгоградской области с февраля 2017 г., после приостановления расследования по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, заявил ряд ходатайств, в том числе о предоставлении информации о ходе расследования уголовного дела. Не получив от следователя ответа на заявленные ходатайства в положенный срок, потерпевший С. обратился в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, полагая, что таким бездействием следователя нарушаются его права, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. При рассмотрении жалобы С. судьей Центрального районного суда г. Волгограда было отмечено, что «ходатайство заявителем было подано в рамках приостановленного уголовного дела, следователем законно и обоснованно дан ответ, поскольку действующее законодательство не предусматривает рассмотрение ходатайства по существу, с последующим вынесением постановления в порядке, предусмотренном ст. 121, 122 УПК РФ, по уголовным делам, производство по которым приостановлено». Жалоба С. 12 февраля 2018 г. была признана не подлежащей удовлетворению².*

По-нашему же мнению, при рассмотрении данной проблемы необходимо исходить из принципа разумности срока уголовного судопроизводства: ведь не зря законодатель выделил этот аспект в отдельной части ст. 6.1 УПК РФ, обозначив его важность для уголовно-процессуальной деятельности. Так, исходя из ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ, в досудебное производство включается срок со дня подачи заявле-

¹ См.: Морозова А. В. Право потерпевшего и его представителя на ознакомление с материалами предварительного следствия по приостановленным делам. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27717583> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: Архив Центрального районного суда г. Волгограда. Дело № 3/10-32/2018.

ния, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В то же время, если потерпевший считает, что нарушено его право на разумный срок уголовного судопроизводства, то как он может обосновать данный факт в случае приостановления уголовного дела, если не имеет доступа к материалам этого уголовного дела, которые ему нужны для оценки эффективности и достаточности действий следователя или дознавателя при производстве по уголовному делу?

Анализ позиции законодателя, правовых позиций Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека убеждает, что для реализации указанного права потерпевшего необходимо разработать действенный механизм не только в виде констатации наличия данного права на расследование в разумные сроки уголовного дела, возбужденного по его заявлению. Необходимы определенные условия для воплощения в плоскость реальных правоотношений правозащитного положения, закрепленного в ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ. Не имея возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, производство по которому приостановлено, потерпевший не в состоянии оценить качественно работы следователя. Однако, если доступ к материалам будет обеспечен, потерпевший сможет убедиться, что следователь работал эффективно, а это делает беспредметным обжалование принятого решения и требование компенсации за нарушенное право на разумный срок предварительного расследования. Естественно, это означает также, что судебная система не будет загружена производством по дополнительным искам или жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ.

В целях реализации права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, производство по которому приостановлено¹, необходимо внести в ст. 42 УПК РФ новый пункт 12.1 следующего содержания: «12.1) ознакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного ему, в случае, если производство по уголовному делу приостановлено по основаниям, предусмотрен-

¹ О необходимости закрепления в законе такого права потерпевшего писал П. В. Седелников (см.: Седелников П. В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 150).

ренными пунктами 1, 2, 3 и 4 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, выписывать из данных материалов уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;»).

4. Проблемы обеспечения доступа к информации для обвиняемого и его защитника в уголовном судопроизводстве, обусловленные недостаточно четким регулированием процедуры ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

При рассмотрении указанных аспектов нужно исходить из потребности установления баланса между получением доступа к информации, содержащейся в уголовном деле, при завершении расследования (в целях возможности проверки деятельности правоприменителя по сбору доказательств, их допустимости, правильной квалификации преступления и недопущения незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод обвиняемого), и проведением полноценного расследования (в целях установления виновного в преступлении лица и восстановления прав лиц, пострадавших в результате преступления).

Частой проблемой, возникающей при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемого, его законного представителя и защитника, является затягивание срока данного процессуального действия, негативные последствия чего ощущают обе стороны процесса. Так, для правоприменителей возникает сложность с соблюдением разумного срока предварительного расследования, а для обвиняемого – с продлением наложенных на него мер процессуального принуждения.

Одни авторы видят разрешение этой непростой ситуации в создании четких критериев, свидетельствующих о явном затягивании ознакомления с материалами уголовного дела. Например, А. Н. Игнатьев предлагает использовать такие показатели для оценки явного затягивания ознакомления, как: 1) необоснованное, без уважительной причины уклонение от ознакомления более двух раз; 2) ограниченное, краткое прочтение или осуществление копирования и фотографирования менее одного тома уголовного дела в день; 3) непродолжительное – менее 1 часа в день – время ознакомления, при условии прочтения или копирования, фотографирования менее установленного объема уголовного дела в день; 4) обращение повторно

к любому из ранее копированных и сфотографированных в полном объеме томов уголовного дела более трех раз¹.

Ю. П. Гармаев также выделил критерии, свидетельствующие о явном затягивании времени ознакомления с материалами уголовного дела, а именно: необоснованно медленное чтение текста документов; изучение участником уголовного судопроизводства за один день ограниченного количества документов; переписывание документов от руки, несмотря на то, что сторона обвинения предлагает их качественные копии или электронные версии; необоснованное возвращение к ранее изученным томам (в случае многотомного дела); изучение участником процесса гораздо меньшего количества документов, чем иными участниками процесса; отсутствие времени; злоупотребление правом на отказ от защитника (его смену), т. е. в период ознакомления защитника с материалами уголовного дела обвиняемый заявляет ходатайство об его отводе или смене, в результате чего новый защитник начинает знакомиться с материалами уголовного дела заново, тем самым затягивается срок ознакомления; обвиняемый и защитник постоянно (два и более раза) уклоняются от явки для ознакомления с материалами уголовного дела².

Анализируя указанные положения, хотелось бы согласиться с мнением С. Б. Россинского и А. П. Шумской, которые говорят, что эти критерии обременены множеством непонятно каким образом сконструированных формальных показателей: более двух раз; менее одного часа; три и более обращений³. Тем самым указанные оценочные понятия приведут к запрещенному на сегодняшний день фор-

¹ См.: Игнатъев А. Н. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела: отставание прав доверителя или процессуальное нарушение? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zatyagivanie-protsesssa-oznakomleniya-s-materialami-ugolovnogogo-dela-otstaiivanie-prav-doveritelya-ili-protsessualnoe-narushenie> (дата обращения: 31.12.2019).

² См.: Гармаев Ю. П. Противодействие недобросовестному затягиванию процесса ознакомления с материалами уголовного дела: комментарий к некоторым положениям ст. 215-218 УПК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 31.12.2019).

³ См.: Россинский С. Б., Шумская А. П. О практике ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовных дел (в порядке статей 216–218 УПК РФ). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-oznakomleniya-uchastnikov-ugolovnogogo-sudoproizvodstva-s-materialami-ugolovnyh-del-v-poryadke-statey-216-218-upk-rf> (дата обращения: 31.12.2019).

мальному подходу, а ведь по каждому конкретному уголовному делу необходимо учитывать фактические обстоятельства, которые требуют подтверждения и доказывания. Многообразие всех ситуационных обстоятельств, которые возникают при ознакомлении с материалами уголовного дела, не позволило законодателю выработать какие-либо стандарты регулирования указанной проблемы¹.

Конституционный Суд РФ по данному поводу дает следующие разъяснения: судам следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по объективным причинам, выяснять, по каким причинам обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами дела в полном объеме, устанавливая, не является ли это обстоятельство результатом неэффективной организации процесса ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела².

Представляется, что одним из эффективных средств осуществления процедуры ознакомления может быть официально предусмотренный законом график ознакомления. Правоприменитель, обосновывая перед судом ходатайство об ограничении срока ознакомления с материалами уголовного дела, в качестве основания, свидетельствующего об умышленном и недопустимым исполнении обвиняемым, его представителем и защитником своих обязанностей, приводит факты конкретных нарушений графика ознакомления.

Так, Е. А. Нагаев³ и С. М. Кузнецова⁴ в своих работах подчеркивают, что, исходя из сложившейся практики, при рассмотрении хода-

¹ См.: Кузнецова С. М. О целесообразности законодательного закрепления графика ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого (защитника) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 143.

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Евстафьевой Ольги Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьями 109, 215 и 219 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1519-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 31.12.2019).

³ См.: Нагаев Е. А. О совершенствовании процессуального порядка ознакомления с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-protsessulnogo-poryadka-oznakomleniya-s-materialami-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 31.12.2019).

⁴ См.: Кузнецова С. М. Указ. соч. С. 143.

тайства об ограничении срока ознакомления с материалами уголовного дела суды при принятии указанного решения обращают внимание на сведения, содержащиеся именно в графике ознакомления.

Кроме того, проведенный анализ практики Верховного Суда РФ, рассматривающего указанные заявления, позволяет сделать вывод, что судом признается допустимым составление графиков ознакомления с материалами уголовного дела, что эта практика является законной и обоснованной¹.

Представляется, что график ознакомления является «профилактическим» документом, который дисциплинирует участников уголовного судопроизводства, выступает своего рода компромиссом между стремлением следователя быстрее завершить процесс ознакомления с материалами уголовного дела и необходимостью обеспечить конституционное право на защиту от обвинения. Снижение остроты конфликтной ситуации, возникающей при ознакомлении стороны защиты с материалами уголовного дела, видим в дополнении ст. 217 УПК РФ положениями, предусматривающими возможность заявления обвиняемым и его защитником ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела по предварительно согласованному графику (для случаев участия в производстве по уголовному делу нескольких обвиняемых, либо если уголовное дело состоит из нескольких томов, а также в случае пропуска обвиняемым и защитником двух согласованных дней ознакомления с материалами уголовного дела).

При этом в графике должен быть указан следующий перечень сведений: информация об обвиняемом, его законном представителе и защитнике, для которых составляется график, дата ознакомления, согласованный временной промежуток, в течение которого должно осуществляться ознакомление, с какими материалами указанные участники должны ознакомиться за это время (№ тома и листы тома); подпись участников при согласовании всего графика ознакомления. Безусловно, что при ознакомлении с конкретными материалами дела

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2017 по делу № АКПИ17-15 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 31.12.2019); Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № АПУ16-34 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 31.12.2019).

в соответствии с указанным графиком должны стоять подписи участников после каждого дня ознакомления.

Стоит также определиться с регламентом участия в этом процессуальном действии новых защитников обвиняемого, которые вступают в процесс на этапе ознакомления с материалами уголовного дела. Считаем, что в случае ограничения судом срока ознакомления новый защитник также должен знакомиться с материалами уголовного дела в установленный судом срок. При анализе этой ситуации следует исходить из того, что участвующему в досудебном производстве защитнику и самому обвиняемому уже предоставлено достаточно времени, чтобы ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, поэтому новый защитник должен «укладываться» в установленные сроки ознакомления с учетом, что у него есть возможность изучить перекопированные¹ и сфотографированные материалы уголовного дела. Кроме того, он сможет дополнительно ознакомиться с материалами уголовного дела на судебных стадиях уголовного судопроизводства. Наши суждения подтверждают ся, в том числе, правоприменительной практикой, исследованной К. А. Костенко².

Конечно, для ускорения ознакомления с материалами уголовного будет актуальным использование современных информационных технологий. К примеру, О. В. Качалова, Ю. А. Цветков³ вообще предлагают полный перевод уголовного дела со всеми подлежащими приобщению фотоматериалами, видео- и аудиозаписями в электрон-

¹ В контексте реализации права копировать за свой счет материалы уголовного дела, как гарантии доступа к информации по уголовному делу, следует привести пример грубого нарушения следователем права стороны защиты, предусмотренного ч. 2 ст. 217 УПК РФ. *Так, защитник П. обжаловала в порядке ст. 125 УПК РФ действие следователя, выразившееся в отказе в удовлетворении ее ходатайства в части обеспечения защитнику возможности ознакомления с материалами дела путем изготовления копий за свой счет. И только после обжалования в суд этого незаконного решения и назначения судебного заседания руководитель следственного органа в день заседания отменил данное решение* (см.: Архив Центрального районного суда г. Волгограда. Дело № 3/10-312/2017).

² См.: Костенко К. А. Злоупотребление правом на выбор защитника в стадии ознакомления с материалами уголовного дела или «Коней на переправе не меняют» // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* № 2 (16). 2017. С. 114.

³ См.: Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // *Российское правосудие.* № 2 (106). 2015. С. 95.

ный вид с возможностью работы с ним в специальном защищенном портале через личный аккаунт, защищенный паролем. При этом участники уголовного судопроизводства с момента приобретения ими данного статуса смогут получить к нему доступ в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Предлагается также в отдельном разделе размещать материалы уголовного дела, доступные для лиц, осуществляющих контроль и надзор на досудебном производстве. Предусмотрено, что в рамках электронного уголовного дела обмен процессуальной информацией между участниками уголовного судопроизводства будет осуществляться в электронном виде. В электронном виде направляются жалобы, заявляются ходатайства и отводы, передаются копии соответствующих процессуальных документов (при этом по ходатайству можно будет получить бумажные копии указанных документов). Ответственность за передачу пароля и логина, обеспечивающих доступ к электронному уголовному делу, предлагается установить аналогично предусмотренной в ст. 310 УК РФ ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

По нашему мнению, переход на электронное уголовное судопроизводство является вопросом времени и, безусловно, имеет множество положительных аспектов в контексте реализации права на доступ к информации, а именно: обеспечение быстрого доступа к процессуальной информации всех участников уголовного судопроизводства, а также создания дополнительных возможностей для их взаимодействия; облегчение проверки материалов уголовного дела руководителем следственного органа, прокурором, судом и контролем за производством по делу в целом; организационное упрощение процесса пересмотра судебных решений вышестоящими судебными инстанциями. К числу ожидаемых позитивных эффектов от внедрения этих технологий можно отнести сокращение сроков уголовного судопроизводства благодаря возможности мгновенного направления ходатайств, передачи материалов дела в суд для избрания меры пресечения, получения разрешения суда на проведение следственных действий, предоставление материалов руководителю следственного органа, прокурору, в суд для рассмотрения жалоб; улучшение качества составления процессуальных документов, производства следственных и иных процессуальных действий; сокращение риска фальсификаций и исправлений в материалах уголовного дела, а также

повышение в целом транспарентности правосудия по уголовным делам.

В то же время необходимо больше внимания уделять средствам защиты информации в электронной среде и процедурам их реализации, так как в уголовном судопроизводстве может присутствовать информация, содержащая различные виды тайн, полученных следователем извне. Об этом на сегодняшний день авторы вышеуказанного предложения говорят вскользь и не уделяют указанным аспектам должного внимания.

К созданию электронного уголовного правосудия необходимо подходить планомерно и начинать с отдельных процедур, в частности с внедрения электронных средств в процедуру ознакомления с материалами уголовного дела. Сегодня уже имеется возможность реализации права применения технических средств при ознакомлении с материалами уголовного дела (снятие копий любым удобным способом, а также снятие копий материалов уголовного дела посредством цифровой камеры или смартфона). Кроме того, в судебном делопроизводстве с 2016 г., в связи с введением ст. 474.1 УПК РФ¹, происходит модернизация в направлении создания единой электронной системы, содержащей итоговые решения по гражданским, уголовным и другим видам дел, а также иные промежуточные решения. В связи с этим правильным видится внедрение в досудебном производстве программного комплекса, вмещающего в себя сведения об уголовных делах и электронные копии процессуально значимых решений, которые могут быть включены в программный комплекс судебного делопроизводства – государственная автоматизированная система Российской Федерации (ГАС) «Правосудие».

В контексте проблематики реализации права на доступ к информации при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела необходимо рассмотреть участие в этом процессуальном действии переводчика. Так, С. В. Швец предлагает расширить права переводчика в досудебном производстве и высказывается о необходимости его уведомления о значимых для подозреваемого или об-

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

виняемого решениях, о включении его в число лиц, которым предоставлено право знакомиться с материалами уголовного дела. Ученый полагает, что ввиду того, что ч. 3 ст. 59 УПК РФ указанное право для переводчика не предусматривает, то исключается возможность его участия в ознакомлении с материалами уголовного дела (особенно это проблематично, когда обвиняемый находится под стражей)¹. В условиях действующего нормативного регулирования переводчик имеет право знакомиться только с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности сделанного им перевода, подлежащие занесению в протокол (п. 2 ч. 3 ст. 59 УПК РФ).

Конечно, право переводчика на доступ к информации об уголовном деле способствует реализации права обвиняемого на защиту. Статья 59 УПК РФ не содержит права переводчика по ходатайству обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела для предоставления информации. Ряд авторов считает, что необходимо создать отдельную норму, где расписать право переводчика на ознакомление с материалами уголовного дела. Однако полагаем, что в этой новации нет объективной необходимости, так как исходя из принципа языка уголовного судопроизводства, право переводчика на доступ к материалам уголовного дела логично вытекает из права самого обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела.

Так, С. В. Швец приводит правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные в связи с рассматриваемой нами проблемой: конституционно-правовой смысл предписаний пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», не допускающий воспрепятствования присутствию переводчика при свиданиях обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, с защитником, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике². Поэтому право-

¹ См.: Швец С. В. Ознакомление с материалами уголовного дела с помощью переводчика на этапе окончания предварительного расследования // Научное мнение. 2014. № 6. С. 275.

² См.: Определение Конституционного суда РФ от 7 декабря 2001 г. № 276-О по жалобе гр-на Л. С. Исламова на нарушение его конституционных прав пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых

применители не должны препятствовать участию переводчика в ознакомлении с материалами уголовного дела. В противном случае судам необходимо расценивать это обстоятельство как существенное нарушение права обвиняемого на защиту. Соответственно, нет никакой необходимости дополнять уголовно-процессуальный кодекс отдельными статьями, регулирующими указанный вопрос.

Рассматривая проблематику доступа обвиняемого к материалам уголовного дела, хотелось бы отметить такую интерпретацию права на доступ к информации обвиняемого, как возможность получения извне информации о значимых для уголовного дела обстоятельствах.

Защитник может делать запросы в интересах обвиняемого и подозреваемого в пределах, установленных ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ и УПК РФ, и получать сведения за исключением охраняемых законом тайн. Защитник может расширять указанное информационное поле в связи с тем, что его полномочия исходят не только из необходимости защиты прав обвиняемого или подозреваемого, но и предоставленных государством прав в целях обеспечения принципов состязательности и равноправия сторон и осуществления последним профессиональной защиты.

Развивая это положение на основе более ранних разработок процессуалистов², В. А. Богдановская в целях продвижения идеи параллельного расследования, проводимого защитником, предлагает предоставить ему реальную возможность по участию в собирании доказательств и процессуальной легализации собранных им доказательств³. В этом же направлении высказывается и суждение о том, что предметы и документы, предоставленные для приобщения

и обвиняемых в совершении преступлений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2019).

¹ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

² См.: Горя Н. Принцип состязательности и функция защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. № 7. С. 22-23; Ясельская В. В. Деятельность адвоката-защитника по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 118–119; Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) // Адвокатская практика. М., 2004. С. 13–20.

³ См.: Богдановская В. А. Конституционное право на защиту в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 24.

к материалам уголовного дела, являются априори допустимыми, если получены и предоставлены без нарушения закона¹.

С учетом современных реалий наиболее взвешенной видится позиция В. И. Третьякова², который в своей работе рассматривает инициативу защитника в получении доказательств на предварительном расследовании в виде оценки доказательств. С этой целью защитник собирает необходимую информацию извне, чтобы правильно интерпретировать то или иное доказательство, а также убедить правоприменителя в необходимости приобщения нового доказательства.

В связи с этим важным представляется тезис о том, чтобы в период формирования доказательственной базы, когда большое значение приобретает процесс возникновения конкретного доказательства, его правильного закрепления и отражения в материалах дела, правоприменителю необходимо обеспечить адвокату полноценную возможность для выполнения его профессиональных функций, включая оценку последним того или иного доказательства, а также формулирование выводов об обстоятельствах, оправдывающих обвиняемого или смягчающих ответственность подзащитного лица.

Таким образом, проведя анализ проблемных аспектов реализации права на доступ к информации участникам стадии предварительного расследования, защищающим свои или представляемые интересы, следует констатировать, что законодатель должен создать такую систему нормативного регулирования информационных прав в досудебном производстве, которая позволила бы обеспечить назначение уголовного судопроизводства: достижение социально значимого результата по борьбе с преступностью и защиту прав пострадавших лиц при условии соблюдения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

¹ См.: Калиновский К. Б. Предоставление защитником доказательства допустимы, если он не нарушил закон // Уголовным процесс. 2018. 5(161). С. 10.

² См.: Третьяков В. И. Участие защитника на предварительном следствии и в судебном производстве: процессуальные и тактические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование проблем реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам позволило сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Право на информацию является одним из значимых конституционных прав и свобод человека и гражданина, которое признается и обеспечивается в Российской Федерации. Оно выражает собой последовательно претворяющиеся в отечественном законодательстве идеи, закрепленные в виде международных принципов и стандартов в области прав и свобод человека и гражданина. Эти принципы и стандарты нашли свое воплощение в Конституции РФ в виде гарантий реализации данного права (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 46). Указанные статьи содержат нормативное отражение составных частей **права на информацию как его** конституционно-правовых установлений.

При анализе отраслевого регулирования права на информацию в России стоит учитывать, что в процессуальных законах, регламентирующих порядок судопроизводства, право на информацию находит закрепление в виде компонента принципа, который в настоящее время претерпевает некоторую трансформацию и уточнение: его часто именуют и принципом открытости (принципом гласности), и принципом транспарентности. При этом в контексте принципа гласности (открытости) **право на информацию** приобретает более узкое значение – **как право на доступ к информации** о деятельности суда в ходе осуществления правосудия, что находит отражение в тексте ч. 1 ст. 123 Конституции РФ.

2. Историко-правовой анализ становления и развития регламентации принципа гласности (открытости) в отечественном уголовном судопроизводстве показывает, что данная нормативно закрепленная идея устанавливает правовую основу, гарантии для реализации права граждан на доступ к информации в уголовном процессе. Эта идея характеризует порядок осуществления процессуальной деятельности правоприменителей при производстве по уголовным делам, согласно которому создается такой режим обращения с информацией, который позволяет участникам уголовного процесса и представителям общественности получать сведения о производстве по уголовному делу в пределах, установленных законом.

Исследование категории «гласность» применительно к уголовному процессу позволяет сделать вывод, что данная идея является компонентом идеи, обладающей большей общностью – идеи транспарентности.

3. Гласность характеризует качество уголовно-процессуальной деятельности, а транспарентность – качество функционирования судебной системы как части системы государственных органов. Оба эти явления оказывают существенное воздействие на реализацию конституционного права на доступ к информации, гарантируя гражданам возможность получения и использования информации, касающейся деятельности судов в целом, а также информации о конкретном судебном процессе и принятых в ходе него правоприменительных актах.

4. Исходя из позиции федерального законодателя, сформулированной в Федеральном законе «Об информации», **право на доступ к информации** можно определить как юридически гарантированную возможность поиска и получения гражданами и организациями любой информации, в любых формах, из любых источников и ее использования при условии соблюдения требований и ограничений, установленных законом.

5. В уголовном судопроизводстве, как одной из сфер деятельности государства, реализация права на доступ к информации происходит в условиях действия таких нормативных положений, как **гласность и тайна предварительного расследования**, так как **эти правовые явления определяют режим функционирования информации в уголовном процессе**, обуславливая порядок обращения с информацией для каждого из субъектов уголовного процесса. При этом в ходе реализации этого права субъекты сталкиваются с ограничениями, которые устанавливаются для защиты конституционных ценностей более высокого уровня, чем их субъективное право на доступ, когда речь идет об охраняемой законом тайнах.

Вышеуказанное соотношение явлений гласности и тайны предварительного расследования (эти две парные категории отражают диалектическое противоречие закономерностей функционирования информации в уголовном процессе) создает для каждого из субъектов уголовного судопроизводства свой режим работы с информацией, что позволяет выделить следующую градацию участников уголовного судопроизводства:

а) **властные субъекты**, которые реализуют свое право на доступ к информации в публичных интересах посредством предоставленных государством полномочий. Именно они осуществляют сбор информации извне, в том числе той, которая находится в режиме тайны, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. **Границами получения доступа к информации** в уголовном судопроизводстве для властных субъектов выступают предмет и пределы доказывания в рассматриваемом уголовном деле (**материальный аспект**) и усложненные процедуры, с помощью которых происходит преодоление внешних ограничений для имеющихся видов тайн в целях введения полученной информации в материалы уголовного дела и включения ее в режим тайны предварительного расследования (**процессуальный аспект**);

б) **субъекты, которые имеют в уголовном судопроизводстве самостоятельный или представляемый правовой интерес**. Для указанных субъектов способы реализации права на доступ к информации обусловлены действием гласности уголовного судопроизводства, а пределы осуществления данного права устанавливаются с учетом тайны предварительного расследования;

в) **субъекты, способствующие правосудию**. Например, такие участники судопроизводства, как эксперт и специалист, имеют определенный режим доступа к информации в уголовном процессе, обусловленный потребностью в качественном осуществлении своих процессуальных функций.

Реализация права на доступ к информации **субъектов, не участвующих в уголовном судопроизводстве**, осуществляется благодаря взаимодействию средств массовой информации с пресс-центрами правоохранительных органов, а также посредством получения данных сведений через информационные интернет-ресурсы (в том числе, указанных ведомств).

6. В уголовно-процессуальном законе нормативные положения о тайне и гласности позиционируются как общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства соответственно, в чем мы видим отражение воздействия разыхских начал на досудебные стадии и состязательных начал на судебное производство.

Тем не менее считаем необходимым придать идее гласности статус принципа уголовного судопроизводства, для чего потребуются внести

в главу 2 УПК РФ новую статью 7.1 «Гласность уголовного судопроизводства», в которой следует закрепить основные правовые положения, определяющие правовую формулу данного принципа, устанавливающие порядок его действия на всех стадиях уголовного процесса, а конкретное его выражение в центральных стадиях уголовного судопроизводства должно найти отражение в нормах общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства.

7. Правовое явление тайны предварительного расследования можно рассматривать в широком и узком смысле. **В широком смысле тайна предварительного расследования** распространяется на ту информацию, которая получается в ходе деятельности правоприменителя, осуществляющего познавательные операции в рамках доказательственной деятельности, а также на ту информацию, которая формируется за пределами уголовного дела, ввиду того, что многие виды сведений «вращаются» в своем особом режиме охранения (банковская тайна, медицинская тайна, частная жизнь, тайна усыновления и др.).

В узком смысле тайна предварительного расследования охватывает только информацию, которая связана с деятельностью правоприменителя: следователь получает необходимые сведения, планирует расследование в целом, отдельные следственные и процессуальные действия. То есть **данная информация формируется именно в рамках производства по уголовному делу**, у нее нет «источников извне», она включает в себя в зависимости от природы возникновения, тайны, создаваемые в ходе правоприменительной деятельности наряду с «чисто инструментальными» тайнами, которыми правоприменитель пользуется в ходе расследования (план расследования, тактика производства отдельных следственных действий, очередность их производства, т. е. «узкопроцессуальные» и «производственные» вопросы деятельности следователя).

8. Представляется, что **перечень данных, относящихся к тайне предварительного расследования в узком смысле**, должен включать:

1) сведения, относящиеся к персональным данным сотрудников правоохранительных органов;

2) сведения о версиях совершения преступления, план следственных и процессуальных действий (до момента их производства);

3) сведения, относящиеся к персональным данным участника уголовного судопроизводства (с учетом его процессуального положения);

4) сведения о служебном взаимодействии между оперативными подразделениями и следователем при решении задач раскрытия и расследования преступлений;

5) сведения, являющиеся доказательствами по уголовному делу, а также выводы, сделанные в ходе изучения доказательственной информации.

9. Для обеспечения соблюдения тайны предварительного расследования и сохранения в тайне информации, полученной в ходе проверки сообщения о преступлении, необходимо предпринять комплекс мер:

– внести изменения в ст. 310 УК РФ, которая должна именоваться «Разглашение данных досудебного производства», распространить ее охранительное действие и на стадию возбуждения уголовного дела;

– дополнить ст. 166 УПК РФ новой частью 11 следующего содержания: «Если в ходе следственного действия участнику уголовного судопроизводства обеспечивается доступ к государственной или иной охраняемой законом тайне, следователь, дознаватель, лицо, осуществляющее проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, обязаны в порядке, предусмотренном статьей 161 или частью первой статьи 144 настоящего Кодекса, разъяснить участнику ответственность за разглашение указанной тайны, о чем делается соответствующая отметка в протоколе следственного действия.»;

– второе предложение в части 1.1 ст. 144 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства *в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации*».

10. Субъекты проверки сообщения о преступлении при получении противодействия в предоставлении необходимой им для разрешения сообщения информации должны в полной мере использовать арсенал административного воздействия, предусмотренный ст. 17.7 КоАП РФ. Представляется, что нормы об исполнении запроса субъектов проверки сообщения о преступлении уместно изложить в ст. 144 УПК РФ в виде новой части 1.3 следующего содержания:

«1.3. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе направлять учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам и гражданам обязательные для исполнения запросы о предоставлении предметов и документов. В запросе указываются сведения о должностном лице, его направляющем, по какому факту осуществляется проверка, сведения о физическом или юридическом лице, которому адресован запрос, сроки исполнения запроса, обязательность его исполнения согласно части четвертой статьи 21 настоящего Кодекса, а также ответственность за неисполнение в соответствии со статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Физическое или юридическое лицо, которому адресован запрос, в случае невозможности исполнить запрос в установленные сроки вправе ходатайствовать перед инициатором запроса о продлении сроков его исполнения.»

11. Для упрощения субъектам проверки доступа к сведениям из финансово-кредитных организаций, от компаний сотовой связи и интернет-провайдеров целесообразно **брать от заявителя и лиц, чьи интересы затрагиваются в ходе проводимой проверки, согласие на получение его (их) данных** по расчетным счетам в финансово-кредитных организациях, сведений об абонентских номерах, смс-переписке и графике звонков в компаниях сотовой связи и информации, находящейся на серверах интернет-компаний. С этой целью необходимо включить новую часть 1.4 в статью 144 УПК РФ следующего содержания:

«1.4. Следователь, дознаватель и орган дознания, осуществляющие процессуальную проверку сообщения о преступлении, вправе получать сведения, охраняемые законом, в отношении определенного лица на основании запроса, направляемого в организацию, располагающую соответствующими сведениями, с письменным согласием данного лица на предоставление указанных данных.»

12. Следует законодательно дифференцировать информационные права участников проверки сообщения о преступлении с учетом их процессуального интереса, установив в качестве минимального (базового) перечня прав (подлежащего расширению и детализации для некоторых участников проверки) те полномочия, которыми наделяются лица, чьи интересы затрагиваются в ходе проверочных мероприятий. Большим объемом прав должно обладать лицо, заявившее о совершении в отношении него преступления.

13. Вся информацию, относящуюся к расследуемому преступному деянию, в соответствии с категориями доступа, можно разделить на *общедоступную и ограниченного доступа*. Причем информацию ограниченного доступа по способу получения можно разделить на *предоставляемую по запросу или по судебному решению*.

Полагаем необходимым для оптимизации доступа к информации субъектам, осуществляющим предварительное расследование, идти по пути именно создания единого механизма запроса и получения информации правоприменителем в ходе расследования уголовного дела, а регулирование оперирования с каждым из видов информации оставить в ведении соответствующей сферы законодательства.

Для реализации данной идеи следует внести в главу 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования» новую статью 161.1 «Запрос».

14. С учетом содержания ч. 7 ст. 185 УПК РФ целесообразно внести изменения в название самой статьи, а именно: «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, *электронные сообщения, их осмотр, выемка и копирование*».

15. В качестве альтернативы комплексу мер, предусмотренному «пакетом Яровой» в части трехлетнего хранения информации на серверах интернет-компаний и мобильных операторов, предлагается обязать операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет хранить **информацию о фактах** приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных как электронных, так и простых сообщений пользователей услугами связи и пользователей сети Интернет. В случаях, когда имеются основания полагать, что лицо осуществляет преступную деятельность, в том числе террористическую, сотрудники оперативных подразделений, а также следователь (дознатель) в рамках расследования преступления могут потребовать осуществления сбора текстовых сообщений пользователей услуг связи и сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные как электронные, так и простые сообщения пользователей услугами связи и сети Интернет, продолжительностью, необходимой для полноценного пресечения противоправной деятельности.

16. Информация о личности, которая хранится в социальных сетях, может быть беспрепятственно использована правоприменителем при расследовании преступлений, так как на указанную информацию

не распространяются требования ФЗ № 152 «О персональных данных» ввиду того, что доступ к этим данным разрешают сами владельцы информации по своему желанию. Соответственно, кроме направления запросов администрации социальных сетей, оптимальным видится такой способ решения проблемы быстрого получения информации из указанных сетей, как непосредственное ее копирование с сайта социальной сети с последующим ее процессуальным оформлением самим следователем.

17. При анализе проблемы проведения осмотра мобильного телефона и других электронных мобильных устройств правоприменитель должен четко различать две следственные ситуации, которые и определяют алгоритм его действий по осмотру:

1) информация содержится в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, и **следователь еще не изымал электронные мобильные устройства, в которых сохранена эта информация**. На данную ситуацию в полной мере распространяются охранительные требования ч. 7 ст. 185 УПК РФ (включая получение судебного решения);

2) информация находится в электронной памяти абонентских устройств, **изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке**. На эту ситуацию распространяется правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении № 189-О по делу Д. А. Прозоровского (исключается получение судебного решения; защита прав владельца информации обеспечивается последующим судебным контролем в рамках процедуры обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ).

18. Для оптимального регулирования доступа публичным субъектам к информации, содержащейся на мобильных электронных устройствах, необходимо:

– внести в ст. 164 УПК РФ новый пункт 6.1 следующего содержания: «6.1) при производстве осмотра места происшествия, обыска или выемки возможен осмотр мобильных электронных устройств на наличие информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу, при этом лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса;»;

– внести в ст. 177 УПК РФ новую часть 7 следующего содержания: «В случае обнаружения при осмотре мобильных электронных устройств, на которых возможно содержится информация, имеющая

доказательственное значение, осуществляется изъятие данных устройств и (или) фото- и видеофиксация обнаруженной информации с отметкой об этом в протоколе осмотра.»;

– внести в ст. 182 УПК РФ новую часть 9.2 следующего содержания: «При обнаружении мобильных электронных устройств в ходе производства обыска, если есть основания полагать, что содержащаяся в них значимая для уголовного дела информация может быть утрачена или скрыта, следователь вправе произвести осмотр электронного мобильного устройства, содержащейся в нем информации, с последующим изъятием устройства. Лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса.»;

– внести в ст. 183 УПК РФ новую часть 3.2 следующего содержания: «При обнаружении мобильных электронных устройств в ходе производства выемки, если есть основания полагать, что содержащаяся в них значимая для уголовного дела информация может быть утрачена или скрыта, следователь вправе произвести осмотр электронного мобильного устройства, содержащейся в нем информации, с последующим изъятием устройства. Лицу, которому принадлежит данное устройство, разъясняется право на обжалование указанного следственного действия в порядке статьи 125 настоящего Кодекса.».

19. Считаю уместным закрепить норму, предоставляющую право участникам уголовного судопроизводства заявлять ходатайство о получении уведомлений с помощью средств связи и электронной почты. Целесообразно указанную новеллу разместить в главе 15 УПК РФ «Ходатайства» в виде новой статьи 122.1 «Особенности заявления и разрешения ходатайства об электронных уведомлениях участников уголовного судопроизводства».

20. В целях реализации права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, производство по которому приостановлено, необходимо внести в ст. 42 УПК РФ новый пункт 12.1 следующего содержания:

«12.1) знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного ему, в случае, если производство по уголовному делу приостановлено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 3 и 4 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, выписывать из данных материалов уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.».

Проведя анализ проблемных аспектов реализации права на доступ к информации участникам стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, защищающим свои или представляемые интересы, следует констатировать, что законодатель должен создать такую систему нормативного регулирования информационных прав в досудебном производстве, которая позволила бы обеспечить назначение уголовного судопроизводства: достижение социально значимого результата по борьбе с преступностью и защиту прав пострадавших лиц при условии соблюдения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

**Перечень нормативных актов,
относящих сведения к категории ограниченного доступа¹**

Сведения, отнесенные к категории ограниченного доступа	Основания отнесения сведений к категории ограниченного доступа
1. Государственная тайна	Статья 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»
	Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»
	Статьи 5, 9 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»
2. Коммерческая тайна	Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»
	Статья 12 Федерального закона от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»
3. Персональные данные (любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных))	Статья 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»
4. Налоговая тайна	Статьи 102 и 313 Налогового кодекса РФ
5. Банковская тайна	Статья 857 Гражданского кодекса РФ (часть вторая)

¹ Материал подготовлен специалистами «КонсультантПлюс». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

	Статья 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»
	Статья 57 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»
6. Врачебная тайна	Статьи 13, 92 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»
	Статья 15 Семейного кодекса РФ
	Статья 9 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»
	Статья 14 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»
	Статья 13 Закона РФ от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»
7. Нотариальная тайна	Статьи 16 и 28 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1
	Статья 26 Федерального закона от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»
8. Адвокатская тайна	Статья 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»
9. Аудиторская тайна	Статья 9 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»

10. Тайна страхования	Статья 946 Гражданского кодекса РФ (часть вторая)
	Статья 47 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»
	Статья 18.2 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»
11. Тайна ломбарда	Статья 3 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах»
12. Тайна связи	Статья 23 Конституции РФ
	Статьи 53 и 63 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»
	Статья 15 Федерального закона от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи»
13. Тайна завещания	Статья 1123 Гражданского кодекса РФ (часть третья)
14. Тайна усыновления	Статья 139 Семейного кодекса РФ
15. Тайна следствия	Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ
	Статья 20 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»
16. Тайна судопроизводства	Статья 194 Гражданского процессуального кодекса РФ

	Статья 20 Арбитражного процессуального кодекса РФ
	Статьи 298 и 341 Уголовно-процессуального кодекса РФ
17. Конфиденциальность арбитража (третейского разбирательства)	Статья 21 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»
18. Отдельные сведения при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	Статьи 51, 60, 66, 68 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
19. Сведения и предложения, содержащиеся в представленных заявках на участие в торгах при продаже предприятия должника, или предложения о цене предприятия до начала торгов либо до момента открытия доступа к представленным в форме электронных документов заявкам на участие в торгах	Статья 110 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
20. Сведения, представленные в электронной форме для проведения собрания кредиторов в случае банкротства гражданина	Статья 213.8 Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
21. Сведения, ставшие известными работнику органа записи актов гражданского состояния в связи с государственной регистрацией акта гражданского состояния	Статья 12 Федерального закона от 15.11.1997
22. Сведения о защищаемых лицах	Статья 9 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ

	«О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»
	Статья 9 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»
23. Сведения, ставшие известными гражданам в ходе оперативно-разыскной деятельности	Статья 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»
24. Сведения, содержащиеся в личном деле и документах учета сотрудника органов внутренних дел, в реестре сотрудников органов внутренних дел, а также сведения о гражданах, поступающих на службу в органы внутренних дел	Статьи 39 и 40 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
25. Сведения о военнослужащих (сотрудниках) войск национальной гвардии и членах их семей	Статья 23 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»
26. Сведения, содержащиеся в личном деле и документах учета сотрудника федеральной противопожарной службы	Статья 39 Федерального закона от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
27. Сведения, которые стали известны эксперту в связи с проведением экспертизы по административному делу	Статья 49 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ
28. Сведения о несовершеннолетних, ставшие известными органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	Статья 9 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»

29. Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемые государственными и муниципальными служащими, а также иными лицами, указанными в части 1 статьи 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ	Статья 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»
	Статья 20 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»
	Статья 15 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»
30. Сведения о расходах по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка, представляемые лицами, замещающими (занимающими) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ	Статья 8 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»
31. Информация, относящаяся к процедуре медиации	Статья 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»
32. Конфиденциальность третейского разбирательства	Статья 22 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»
33. Информация о содержании корпоративного договора, заключенного участниками непубличного общества	Статья 67.2 Гражданского кодекса РФ (часть первая)
34. Информация о новых решениях и технических знаниях, полученных сторонами по договору подряда	Статья 727 Гражданского кодекса РФ (часть вторая)

35. Сведения, касающиеся предмета договоров на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, хода их исполнения и полученных результатов, если иное не предусмотрено договорами	Статья 771 Гражданского кодекса РФ (часть вторая)
36. Секрет производства (ноу-хау)	Статья 1465 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая)
37. Информация, предоставляемая организациям (гражданам), осуществляющим производство и выпуск средств массовой информации	Статья 41 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»
38. Информация, входящая в состав кредитной истории, и (или) к коду субъекта кредитной истории	Статьи 6 и 7 Федерального закона от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях»
39. Сведения о должнике, просроченной задолженности и ее взыскании и любые другие персональные данные должника	Статья 6 Федерального закона от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»
40. Кредитное рейтинговое агентство обязано соблюдать условия конфиденциальности информации, полученной от рейтингуемого лица, а также соблюдать требования к сохранности и защите информации, полученной в процессе деятельности кредитного рейтингового агентства, установленные Банком России	Статья 9 Федерального закона от 13.07.2015 № 222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»
41. Сведения, ставшие известными саморегулируемой организации, о финансовых организациях, являющихся	Статья 13 Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях

<p>членами саморегулируемой организации, финансовых организаций, представивших документы для приема в члены, в кандидаты в члены саморегулируемой организации, в том числе сведений об их клиентах</p>	<p>в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>
<p>42. Информация: – полученная в связи с осуществлением функций трансфер-агента; – полученная держателями реестра и депозитариями; – получаемая репозитарием на основании договора об оказании репозитарных услуг, а также целостность записей, составляющих реестр договоров; – предоставляемая Банку России</p>	<p>Статьи 8.1, 8.6, 15.8, 44.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»</p>
<p>43. Информация о счетах и об операциях клиентов центрального депозитария</p>	<p>Статья 14 Федерального закона от 07.12.2011 № 414-ФЗ «О центральном депозитарии»</p>
<p>44. Информация, предоставляемая клиринговым организациям и лицам, осуществляющим функции центрального контрагента</p>	<p>Статья 20 Федерального закона от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности»</p>
<p>45. Сведения, полученные в процессе проведения экспертизы моделей контрольно-кассовой техники и технических средств оператора фискальных данных. Конфиденциальность фискальных данных, мастер-ключей и ключей фискального признака</p>	<p>Статьи 3.1, 4.1, 4.5 Федерального закона от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа»</p>
<p>46. Факт передачи в федеральный орган исполнительной власти, принимающий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма информации, указанной в пунктах 1–3 статьи 7.1-1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ</p>	<p>Статья 7.1-1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»</p>

47. Инсайдерская информация	Статья 6 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
48. Сведения, предоставляемые участниками торгов в соответствии с правилами организованных торгов	Статья 23 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах»
49. Информация, полученная в связи с осуществлением деятельности по выдаче, погашению и обмену инвестиционных паев	Статья 28 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»
50. Информация, полученная в ходе проведения проверок российских участников внешнеэкономической деятельности	Статья 17 Федерального закона от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»
51. Сведения о результатах проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, сведения, содержащиеся в планах обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, информационные ресурсы единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности	Статьи 5, 9, 11 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»
52. Сведения, составляющие дактилоскопическую информацию	Статья 12 Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»
53. Информация, содержащаяся в контрольных измерительных материалах, используемых при проведении государственной итоговой аттестации	Статья 59 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»

54. Сведения о платежах в соответствующие бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и об их плательщиках, поступающие в финансовые органы от органов Федерального казначейства	Статья 241 Бюджетного кодекса РФ
55. Сведения, содержащиеся в индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования	Статья 6 Федерального закона от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»
56. Информация, полученная негосударственным пенсионным фондом при обработке сведений, содержащихся в пенсионных счетах негосударственного пенсионного обеспечения, пенсионных счетах накопительной части трудовой пенсии и др.	Статья 15 Федерального закона от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»
57. Информация о получателе социальных услуг	Статья 6 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»
58. Сведения, содержащиеся в Федеральной государственной информационной системе учета результатов проведения специальной оценки условий труда	Статья 18 Федерального закона от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»
59. Сведения, ставшие известными судебным приставам в связи с исполнением должностных обязанностей	Статья 4 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах»
60. Информация, представляемая заинтересованным лицом в орган, проводящий расследования в целях принятия решения о целесообразности введения, применения, пересмотра или отмены специальной защитной меры, антидемпинговой меры или компенсационной меры	Статья 32 Федерального закона от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров»

61. Информация о членах политической партии, представляемая для сведения в уполномоченные органы	Статья 19 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»
62. Тайна исповеди	Статья 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»
63. Сведения о населении, содержащиеся в переписных листах	Статья 8 Федерального закона от 25.01.2002 № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения»
64. Сведения, содержащиеся в переписных листах об объектах сельскохозяйственной переписи	Статья 12 Федерального закона от 21.07.2005 № 108-ФЗ «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи»
65. Первичные статистические данные, содержащиеся в формах федерального статистического наблюдения	Статья 9 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»
66. Информация, содержащаяся в паспортах безопасности объектов топливно-энергетического комплекса	Статья 8 Федерального закона от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»
67. Информация, полученная членами саморегулируемой организации в области энергетического обследования в ходе проведения энергетического обследования	Статья 18 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
68. Сведения, содержащиеся в заявках на участие в конкурсе на право заключить контракт на проведение лотерей	Статья 24.10 Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях»
69. Сведения, ставшие известными уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации в процессе рассмотрения жалобы	Статья 16.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных)

<p>о частной жизни лица, подавшего жалобу, и других лиц без их письменного согласия</p>	<p>и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»</p>
<p>70. Запрещается опубликование (обнародование) в день голосования до момента окончания голосования на территории Российской Федерации данных об итогах голосования, о результатах выборов Президента РФ, в том числе размещение таких данных в информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая сеть «Интернет»)</p>	<p>Статья 46 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»</p>
<p>71. Информация, полученная при осуществлении своих полномочий службой внутреннего аудита публично-правовой компании</p>	<p>Статья 16 Федерального закона от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»</p>

**Сводная таблица по материалам о жалобах участников
досудебного производства в порядке ст. 125 УПК РФ
по вопросу не предоставления информации¹**

Наименование органа	2015 г.	2016 г.	2017 г.	1 полугодие 2018 г.
Центральный суд г. Волгограда	16	35	28	18
из них прекращено в связи с предоставлением информации	2	22	11	8
Ворошиловский суд г. Волгограда	12	12	9	5
из них прекращено в связи с предоставлением информации	7	8	5	4
Дзержинский суд г. Волгограда	14	16	51	11
из них прекращено в связи с предоставлением информации	5	8	21	3
Краснооктябрьский суд г. Волгограда	3	2	3	0
из них прекращено в связи с предоставлением информации	1	1	1	0
Тракторозаводской суд г. Волгограда	27	7	5	7
из них прекращено в связи с предоставлением информации	0	1	2	0
Городищенский суд Волгоградской области	4	6	5	6
из них прекращено в связи с предоставлением информации	1	4	2	3

¹ В ходе подготовки монографии изучены следующие архивные материалы по жалобам, направленным в порядке ст. 125 УПК РФ: Центральный районный суд г. Волгограда – 660 (2015 г.), 444 (2016 г.), 553 (2017 г.), 309 (1 полугодие 2018 г.); Ворошиловский районный суд г. Волгограда – 150 (2015 г.), 135 (2016 г.), 120 (2017 г.), 65 (1 полугодие 2018 г.); Дзержинский районный суд г. Волгограда – 223 (2015 г.), 183 (2016 г.), 265 (2017 г.), 135 (1 полугодие 2018 г.); Краснооктябрьский районный суд г. Волгограда – 110 (2015 г.), 130 (2016 г.), 79 (2017 г.), 3 (1 полугодие 2018 г.); Тракторозаводской районный суд г. Волгограда – 27 (2015 г.), 25 (2016 г.), 5 (2017 г.), 7 (1 полугодие 2018 г.); Городищенский суд Волгоградской области – 46 (2015 г.), 49 (2016 г.), 33 (2017 г.), 12 (1 полугодие 2018 г.).

Наименование органа	2015 г.	2016 г.	2017 г.	1 полугодие 2018 г.
Всего направлено жалоб	76	78	101	47
Всего прекращено в связи с предоставлением информации	16	44	42	18

**Образец запроса, направляемого в рамках
процессуальной проверки сообщения о преступлении**

**ГУ МВД России
по Волгоградской области**

Физическое или юридическое лицо

У П Р А В Л Е Н И Е
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ГОРОДУ ВОЛГОГРАДУ
(НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНА)
АДРЕС

г. Волгоград, ул. <...>

№ _____
на № _____ от _____

о направлении запроса

В связи с производством процессуальной проверки сообщения о преступлении, зарегистрированного в КУСП № _____ от __. __. 20__ года по ст. ____ УК РФ, руководствуясь ч. 4 ст. 21 УПК РФ с целью _____ (получения информации, необходимой для принятия по нему решения), прошу Вас предоставить _____ (перечень данных, необходимых для разрешения заявления или сообщения о преступлении).

Ответ прошу подготовить в кратчайшие сроки, при этом сообщить инициатору запроса о его готовности по телефону _____ для получения ответа с нарочным.

В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, являются обязательными, а их неисполнение влечет установленную законом ответственность в соответствии со ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Заранее благодарен за оказанное содействие.

С уважением,

Должность,
специальное звание, подпись

ФИО

**Образец запроса, направляемого
в рамках возбужденного уголовного дела**

**ГУ МВД России
по Волгоградской области**

Физическое или юридическое лицо

**У П Р А В Л Е Н И Е
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ГОРОДУ ВОЛГОГРАДУ**

г. Волгоград, ул. <...>

(НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНА)

АДРЕС

№ _____

на № _____

от _____

о направлении запроса

В связи с производством предварительного следствия по уголовному делу № _____, возбужденному _____.____.20__ года по признакам преступления, предусмотренного ст. ____ УК РФ, руководствуясь ч. 4 ст. 21 УПК РФ (*ссылка на статью закона, регламентирующего деятельность с информацией ограниченного доступа*), с целью (*либо установления обстоятельств, определенных ст. 73 УПК РФ, либо проверки следственной версии*), прошу Вас предоставить (перечень данных, необходимых для осуществления предварительного расследования).

Ответ прошу подготовить в кратчайшие сроки, при этом сообщить инициатору запроса о его готовности по телефону _____ для получения ответа нарочно.

В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, являются обязательными, а их неисполнение влечет установленную законом ответственность.

Заранее благодарен за оказанное содействие,

С уважением,

Должность,
специальное звание, подпись

ФИО

Согласен:
Руководитель следственного органа –
Должность,
специальное звание, подпись

ФИО

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Свежинцев Евгений Иванович

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП
К ИНФОРМАЦИИ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Монография

Под редакцией доктора юридических наук, профессора
Е. А. Зайцевой

Редактор *О. С. Старовидченко*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапов*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

При разработке дизайна обложки использовались материалы сайтов
<http://www.softzatak.ru>, <https://www.criminalist.agency>.

Волгоградская академия МВД России.
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 11,6.
Тираж 500 экз. Заказ 14.

ОПиОП РИО ВА МВД России.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.